

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

НЕЙТАН ХИЛЛ

[roman]

НЕКК

Corpus

18+

“Нейтан Хилл — маэстро”. ДЖОН ИРВИНГ

Нейтан Хилл

Нёкк

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30556262

Нёкк: CORPUS; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-092478-3

Аннотация

Мать ушла из дома, когда Сэмюэл был мальчишкой. И десятки лет спустя они снова встречаются. О матери, совершившей довольно абсурдное преступление, заговорили СМИ, а Сэмюэлу предложили написать ее биографию. Так кем же она была – хиппи-радикалкой, какой ее представляют журналисты, или скромной домохозяйкой – такой ее запомнил Сэмюэл. Ему предстоит узнать много тайн, в том числе и тех, которые хранит Норвегия, родина его предков. А заодно разобраться в себе самом.

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Нападение на Пэкера	9
Часть вторая. Призраки прежней жизни	109
Конец ознакомительного фрагмента.	236

Нейтан Хилл

Нёкк

© Nathan Hill, 2016

© Ю. Полещук, перевод на русский язык, 2018

© ООО “Издательство Аст”, 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Джесси

Некогда правитель Шравасти призвал к себе слугу и велел собрать всех слепорожденных, которые жили в городе. Слуга исполнил приказ, и тогда король велел подвести к слепцам слона. Одним дали потрогать голову, другим ухо, третьим бивень, четвертым хобот, тело, ногу, зад, хвост и пучок шерсти на конце хвоста. И каждому из слепцов говорили: “Это слон”.

Слуга доложил царю, что выполнил приказ. Тогда царь подошел к слепцам и сказал: “Расскажите мне, слепцы, каков же слон?”

Те, кто трогал голову слона, ответили: “Ваше величество, слон похож на кувшин с водой”. Те, кто трогал ухо, сказали: “Слон похож на плетеное решето”. Те, кому дали потрогать

бивень, возразили: “Слон совсем как лемех”. Те, кто ощупывал хобот, заметили: “Слон – как рукоять плуга”. Те, кто ощупывал тело, сказали: “Слон похож на кладовую”. И все остальные описывали слона как ту часть, которой касались руками.

А потом слепцы с криками “Нет, слон не такой, а вот такой! Слон не такой, а вот такой!” набросились друг на друга с кулаками.

Царь же, глядя на них, веселился.

Священные изречения Будды

Пролог

Конец лета 1988 года

Знай Сэмюэл, что мать собирается от них уйти, он, может, серьезнее отнесся бы к происходившему. Слушал бы ее внимательнее, пристальнее бы за ней наблюдал, записывал бы самое главное. Вел бы себя по-другому, иначе говорил и был бы другим человеком.

Был бы ребенком, ради которого стоило остаться.

Но Сэмюэл не знал, что мать задумала уйти. Он понятия не имел, что она уже много месяцев подряд уходила от них – тайно, понемногу. Одну за другой выносила из дома вещи. Платье из шкафа. Фотографию из альбома. Вилку из ящика со столовыми приборами. Стеганое одеяло из-под кровати. Каждую неделю забирала что-то еще. Свитер. Пару туфель. Елочную игрушку. Книгу. Постепенно ее присутствие в доме становилось все менее ощутимым.

Она выносила вещи почти год, когда Сэмюэл с отцом наконец что-то почуяли, какую-то зыбкость, непонятное, тревожное, порой даже гнетущее чувство оскудения. Иногда они с изумлением смотрели на книжный шкаф и думали: “У нас вроде было больше книг?” Или, проходя мимо буфета, осознавали, что чего-то не хватает. Но чего именно? У них никак не получалось определить ощущение, будто мелочи

жизни кто-то меняет местами. Им и в голову не приходило, что они больше не едят блюда, приготовленные в медленноварке, потому что медленноварки уже нет в доме. И если книжная полка казалась пустой, то лишь потому, что мать лишила ее поэзии. А в буфете появились свободные места, потому что оттуда забрали две тарелки, две миски и заварочный чайник.

Их очень медленно грабили.

– Вроде тут было больше фотографий, – шурился отец Сэмюэла, глядя на стену снизу, от подножия лестницы. – Разве там не висел снимок из Большого каньона?

– Не висел, – отвечала мать Сэмюэла. – Мы его убрали.

– Точно? Что-то я этого не припомню.

– Ты же сам так решил.

– Правда? – озадаченно уточнял отец. Ему казалось, что он сходит с ума.

Спустя много лет, на уроке биологии в старших классах, Сэмюэл слышал историю об одном виде африканских черепах, которые переплывали океан, чтобы отложить яйца в Южной Америке. Ученые не могли найти объяснения такому далекому путешествию. Зачем черепахам плыть за тридевять земель? Согласно самой распространенной теории, началось все в незапамятные времена, когда Южная Америка и Африка еще были единым целым. Вероятно, тогда эти континенты разделяла всего лишь река, и черепахи плавали откладывая яйца на дальнем берегу. Но потом континенты

стали отдаляться друг от друга, с каждым годом река становилась шире примерно на дюйм, на что черепахи, разумеется, не обращали внимания и продолжали плавать на старое место, на дальний берег реки. Каждое новое поколение проплывало чуть больше предыдущего. Сотни миллионов лет спустя река превратилась в океан, а черепахи этого даже не заметили.

Вот так уходила мать, подумал Сэмюэл. Вот так она покидала дом – незаметно, медленно, по чуть-чуть. Сводила свое присутствие на нет, пока наконец ей не осталось забрать последнее – саму себя.

В день своего исчезновения мать ушла из дома с одним-единственным чемоданом.

Часть первая.

Нападение на Пэкера

Август 2011 года

1

В один прекрасный день на новостных сайтах практически одновременно появляется заголовок: “НАПАДЕНИЕ НА ГУБЕРНАТОРА ПЭКЕРА!”

Спустя несколько мгновений подключается телевидение: вещание прерывает анонс экстренного выпуска новостей. Сосредоточенно глядя в камеру, ведущий говорит: “Наши корреспонденты в Чикаго передают, что на губернатора Шелдона Пэкера было совершено нападение”. Некоторое время больше ничего не известно: лишь то, что на него напали. Несколько минут все в ошеломлении задают себе два вопроса: жив ли Пэкер? И есть ли видеозапись нападения?

Наконец приходят первые известия с места событий от репортеров, которых выводят в эфир с мобильных телефонов. Корреспонденты сообщают, что Пэкер давал в чикагском “Хилтоне” ужин, на котором произнес речь. После приема он вместе со свитой возвращался через Грант-парк, пожимая руки встречным, целуя детей и проделывая прочие

популистские штучки, которые в ходу у политиков во время предвыборной кампании. Вдруг из толпы на него напали – непонятно, человек или группа лиц.

– Как именно напали? – уточняет ведущий. Он сидит в залитой красно-бело-синим светом студии с блестящими черными полами. Лицо у него гладкое, как глазурь на торте. За столами позади ведущего работают его коллеги. – Вы можете описать момент нападения? – допытывается ведущий.

– В него чем-то кинули, – отвечает репортер, – больше мне пока ничего не известно.

– Чем кинули?

– Пока непонятно.

– И попали? Губернатор ранен?

– Да, кажется, попали.

– Вы видели нападавших? Сколько их было? Тех, кто бросал?

– Там поднялась паника, люди закричали.

– Предметы, которыми бросили в губернатора, были большие или маленькие?

– Думаю, сравнительно небольшие, раз поместились в руке.

– Крупнее бейсбольного мяча?

– Нет, помельче.

– Значит, размером с мяч для гольфа?

– Да, примерно так.

– Острые? Тяжелые?

– Все произошло слишком быстро.

– Нападение было спланированным? Быть может, это преступный сговор?

– Сейчас все задают себе те же вопросы.

На экране появляется заголовок: “Теракт в Чикаго”. Вжик – и он оказывается возле уха ведущего и трепещет, как флаг на ветру. На огромном телевизоре с сенсорным экраном показывают карту Грант-парка – расхожий прием, который регулярно используют в современных выпусках новостей: диктор в телевизоре рассказывает о чем-то с помощью другого телевизора, то увеличивая, то уменьшая руками на сенсорном экране объекты в высоком разрешении. Выглядит все это очень круто.

Дождаясь, пока поступят новые сообщения, ведущий и репортер обсуждают, увеличит ли это происшествие шансы губернатора на пост президента или же, наоборот, повредит его репутации. Сходятся на том, что увеличит, поскольку сейчас имя губернатора неизвестно практически никому, кроме его немногочисленных сторонников, ярых консерваторов-протестантов, одобрявших деятельность Пэкера на посту губернатора Вайоминга, где он строго-настрого запретил аборты и обязал не только учеников, но и учителей каждое утро перед Клятвой верности читать в школах Десять заповедей, сделал английский официальным и единственным законным языком штата, а всем, кто плохо говорит по-английски, запретил владеть недвижимостью в Вайоминге. Во

всех заповедниках штата разрешил применять огнестрельное оружие. А еще вынес постановление, согласно которому законы штата отменяли федеральное законодательство во всех вопросах, – шаг, который, если верить специалистам по конституционному праву, означал бы санкционированный выход Вайоминга из состава Соединенных Штатов. Пэкер носил ковбойские сапоги. Проводил пресс-конференции у себя на ранчо. Ходил с настоящим оружием: в кожаной кобуре у него на бедре висел револьвер.

В конце своего первого и единственного срока Пэкер заявил, что на второй переизбираться не будет, поскольку хочет сосредоточиться на вопросах первостепенной государственной важности. СМИ, разумеется, истолковали его слова в том смысле, что он собирается баллотироваться в президенты. Пэкер оттачивал прочувствованную риторику проповедника тире ковбоя и делал ставку на антиэлитистский популизм, находивший отклик у простых работяг, белых консерваторов, недовольных нынешней рецессией. Иммигрантов, отнимающих у американцев рабочие места, губернатор сравнивал с волками, которые режут домашний скот, причем слово “волки” произносил с ударением на последнем слоге. “Капитолий” в его устах превращался в “Капутолий”. Вместо “устал” Пэкер говорил “упахался”. А еще “ихний” и “ложить”.

Сторонники Пэкера уверяли, что именно так и говорят простые жители Вайоминга, не какая-нибудь там элита.

Критики губернатора не упускали случая отметить, что, поскольку суды отклонили почти все предложения Пэкера, польза от его законодательной деятельности фактически равна нулю. Но все это не имело никакого значения для тех, кто исправно платил по пятьсот долларов за участие в званных ужинах, сбор от которых шел на оплату предвыборной кампании (Пэкер, кстати, называл их “обжираловкой”), по десять тысяч долларов за лекцию и по тридцать долларов за его книгу “Сердце истинного американца”: так он формировал “военный бюджет”, как называли это репортеры, “для будущих президентских выборов”.

И вот на губернатора напали, хотя никто не знает, как напали, с чем напали, кто напал и пострадал ли он в результате нападения. Телеведущие рассуждают о том, что будет, если попасть в глаз подшипником или стеклянным шариком. Они говорят об этом добрых десять минут, сопровождая беседу схемами, на которых мелкий объект на скорости почти в сто километров в час проникает в жидкую мембрану глаза. Когда тема исчерпана, прерываются на рекламу. Анонсируют документальный фильм, снятый к десятилетию теракта 11 сентября: “День террора, десятилетие войны”. Ведущие ждут.

Наконец происходит то, что выводит передачу из оцепенения, в которое она погрузилась: в кадре снова появляется ведущий и объявляет, что некий очевидец снял произошедшее на видео и выложил ролик в интернет.

На экране появляется ролик, который в последующие недели покажут по телевизору несколько тысяч раз, а еще он наберет миллионы просмотров в интернете и станет третьим по популярности видео месяца – после нового музыкального клипа восходящей поп-звезды, юной Молли Миллер, на песню “Нужно из себя что-то представлять”, и семейного видео, на котором малыш, едва научившийся ходить, падает от смеха. И вот что происходит.

Сперва мы видим белый экран и слышим свист ветра в микрофоне, потом раздается шуршание: чьи-то пальцы накрывают микрофон, и свист ветра стихает до еле слышного шума, как будто к уху приложили морскую ракушку. Камера регулирует экспозицию, и белизна становится голубым небом, видно размытое зеленое пятно (видимо, трава), раздается мужской голос – слишком громкий из-за близости к микрофону: “Пишется? Что-то непонятно”.

Изображение обретает резкость: мужчина направляет камеру себе под ноги и говорит раздраженно: “Оно записывается или нет? Как понять?” Ему отвечает спокойный мелодичный женский голос: “Посмотри там сзади. Что там написано?” Ее муж, парень или кто он ей, не способный удерживать камеру ровно, чтобы изображение не прыгало, бросает: “Лучше бы взяла да помогла” так резко и сердито, что сразу ясно – это она виновата в том, что у него ничего не получается. На экране все это время крупным планом видны его ботинки: изображение так мельтешит, что кружится голова.

Мужчина обут в дутые высокие кроссовки. Белехонькие, супермодные. Он стоит на столе для пикника.

– Что там написано сзади? – уточняет женщина.

– Где сзади?

– На экране.

– Я понял, – отвечает он. – Где на экране?

– В правом нижнем углу, – невозмутимо поясняет женщина. – Что там написано?

– Там буква R.

– Значит, записывается. Запись идет.

– Идиотизм какой-то, – бесится мужчина. – Почему бы просто не написать “вкл”?

На экране мелькают то его ноги, то группа людей неподалеку.

– Вон он! Смотри! Это он! Вон он! – кричит мужчина, направляет камеру перед собой и, когда ему наконец удастся сделать так, чтобы она не прыгала, в кадре появляется Шелдон Пэкер, примерно в тридцати метрах от мужчины, в окружении охраны и сотрудников своего предвыборного штаба. Рядом небольшая толпа. Те, кто ближе всего к губернатору, наконец догадываются, что что-то происходит, рядом какая-то знаменитость. Мужчина, снимающий на камеру, кричит:

– Губернатор! Губернатор! Губернатор! Губернатор! Губернатор! Губернатор! Губернатор!

Изображение снова скачет – видимо, этот парень прыгает,

машет руками или и то, и другое сразу.

– Как сделать ближе? – спрашивает он.

– Нажми на зум, – отвечает женщина.

Изображение увеличивается, из-за чего снова возникают проблемы с резкостью и экспозицией. Вообще же эту запись показали по телевизору лишь потому, что в конце концов мужчина со словами: “На, давай сама” отдает камеру спутнице и убегает пожать руку губернатору.

Впоследствии всю эту болтовню вырежут, так что ролик, который сотни раз покажут по телевизору, начнется здесь, с паузы: редакторы новостей обвели красным кружком женщину, сидящую на скамейке с правой стороны экрана. “По всей видимости, это и есть нападавшая”, – поясняет ведущий. Седая, лет шестидесяти на вид, женщина читает книгу: зрелище ничем не примечательное. Незнакомка просто заполняет кадр, как актриса массовки в кино. На ней голубая рубашка поверх черной майки и черные эластичные леггинсы. Острые прядки взъерошенных коротких волос падают ей на лоб. Сложена как спортсменка – худая, но мускулистая. Женщина замечает, что происходит вокруг. Видит приближающегося губернатора, закрывает книгу, встает и смотрит. Она с самого края кадра и явно пытается решить, что делать дальше. Подбоченилась. Прикусила губу. Похоже, взвешивает все варианты. Вся ее поза – словно немой вопрос: “А надо ли?”

Наконец она срывается с места и стремительно направ-

ляется к губернатору. Книгу женщина оставила на скамье. Незнакомка идет большими шагами, как покупатели из пригородов, которые наматывают круги по торговым центрам. Вот только она стиснула кулаки и прижала руки к бокам. Женщина приближается к губернатору на расстояние броска, и тут толпа вдруг расступается, так что с того места, где стоит оператор, заметно, что губернатор оказывается в пределах прямой видимости незнакомки. Она стоит на посыпанной щебнем дорожке. Женщина опускает глаза, наклоняется и подбирает горсть щебня. Вооружившись таким образом, она издает вопль – он слышен очень четко, поскольку в этот самый момент ветер стихает, толпа умолкает, как будто все знают, что сейчас произойдет, и изо всех сил стараются ничего не упустить, – женщина кричит: “Ах ты свинья!” – и бросает камни в губернатора.

Сначала в толпе неразбериха: одни оборачиваются, пытаются рассмотреть, кто кричал, другие вздрагивают и отшатываются, потому что в них попали камешки. Женщина подбирает новую горсть щебня и бросает в губернатора, подбирает и бросает, подбирает и бросает, как ребенок, играющий в снежки. Невольные зрители пригибаются, матери закрывают детям лица, а губернатор складывается пополам, схватившись за правый глаз. Женщина продолжает швыряться щебнем, пока охранник губернатора не сбивает ее с ног. Или скорее не сбивает, а обхватывает руками и вместе с ней валится на землю, точно усталый борец.

Вот и все. Запись длится меньше минуты. Вскоре после передачи становятся известны кое-какие факты. Называют имя женщины: Фэй Андресен-Андерсон, причем в новостях ее фамилию ошибочно произносят как “Андерсон-Андерсон”, видимо, проводя параллель с другими печально известными двойными фамилиями, а именно Серхан Серхан¹. Быстро выясняется, что она работает помощницей учителя в местной начальной школе, и этот факт становится оружием отдельных аналитиков, которые утверждают: мол, это доказывает, что в системе государственного образования нынче правит бал радикальный либерализм. Заголовок меняется на “УЧИТЕЛЬНИЦА НАПАЛА НА ГУБЕРНАТОРА ПЭКЕРА!” и остается таким около часа, пока не удастся отыскать фотографию, на которой вроде бы запечатлена эта женщина на демонстрации протеста в 1968 году. На снимке она сидит на поле с тысячами других протестующих – огромная размытая толпа народа, многие с самодельными флагами или плакатами, кто-то размахивает над головой американским флагом. Женщина сонно глядит на фотографа сквозь большие круглые очки. Она клонится вправо, как будто прислонясь к тому, кто почти не попал в кадр: видно только плечо. Слева от нее сидит длинноволосая женщина в военной куртке и угрожающе смотрит в кадр поверх серебристых очков-авиаторов.

Заголовок меняется на “РАДИКАЛКА 1960-х НАПАЛА

¹ Серхан Бишара Серхан (род. 1944) – убийца Роберта Кеннеди.

НА ГУБЕРНАТОРА ПЭКЕРА!”.

И, словно история еще недостаточно пикантна, к концу рабочего дня происходят две вещи, из-за которых интерес к случившемуся взлетает до небес: теперь во всех офисах страны ни о чем другом не говорят. Во-первых, сообщают, что губернатору Пэкеру делают срочную операцию на глазном яблоке. А во-вторых, всплывает снимок из полицейского досье, на котором ясно указано, что в 1968 году женщину арестовали – хотя обвинения не предъявили и виновной так и не признали – за проституцию.

Это уже чересчур. Как уместить все эти невероятные подробности в одном заголовке? **“УЧИТЕЛЬНИЦА, БЫВШАЯ РАДИКАЛЬНАЯ ХИППИ И ПРОСТИТУТКА, НАПАЛА НА ГУБЕРНАТОРА ПЭКЕРА И ОСЛЕПИЛА ЕГО!”**

В новостях снова и снова крутят фрагмент ролика, в котором щебень попадает в глаз губернатору. Изображение увеличивают так, что лезут пиксели и зерно: журналисты, не жалея сил, стараются показать зрителям тот самый миг, когда острый кусок щебня влетает Пэкеру в роговицу правого глаза. Аналитики рассуждают о цели этого нападения и о том, представляет ли оно угрозу для демократии. Одни называют женщину террористкой, другие говорят: это лишь демонстрирует, как низко опустился уровень политических дебатов, третьи замечают, мол, губернатор сам напросился, нечего было так рьяно защищать право граждан носить огнестрельное оружие. Проводят аналогии с “Синоптиками” и

“Черными пантерами”². Национальная стрелковая ассоциация выступает с заявлением, что, будь губернатор Пэкер вооружен, нападения бы не случилось. Тем временем журналисты за столами позади телеведущего работают, как и прежде, не быстрее и не медленнее.

Не проходит и сорока пяти минут, как какой-то ушлый копирайтер придумывает фразу “Щебень для Шелдона”, которую охотно подхватывают все телеканалы и вставляют в заставки к репортажам о нападении.

Женщину между тем до суда держат в тюрьме в центре города, так что прокомментировать инцидент она не может: изложение событий складывается без нее. Мнения и предположения вкупе с немногочисленными фактами образуют предысторию, которая закрепляется в памяти публики: женщина – бывшая хиппи, ныне радикальная либералка, которая так сильно ненавидит губернатора, что подкараулила его в парке и напала на него.

Вот только во всей этой теории зияет огромная логическая дыра: прогулка губернатора по парку была чистой импровизацией, о которой заранее не знала даже его охрана. Следовательно, и женщина не могла знать, что он сейчас пройдет мимо, и ждать в засаде. Однако эта неувязка теряется среди новых сенсаций, поэтому никто и никогда толком не пытается в этом разобраться.

² «Синоптики» (*Weather Underground*) и «Черные пантеры» (*Black Panthers*) – американские леворадикальные организации.

Сэмюэл Андерсон, преподаватель, сидит в темноте в своем тесном университетском кабинете. Лицо его в свете монитора кажется землистым. Жалюзи на окнах закрыты. Щель под дверью заткнута полотенцем. Мусорную корзину он выставил в коридор, так что ночной уборщик не зайдет и не помешает. Андерсон надел наушники, чтобы никто не услышал, чем он занят.

Он заходит на сайт с игрой. Загружается заставка с привычной картинкой сплетенных в битве орков и эльфов. Раздается тяжелая музыка: трубы звучат победоносно, воинственно, дерзко. Он вводит пароль, куда более затейливый и сложный, чем пароль к его банковскому счету. В “Мире эльфов” он регистрируется не как Сэмюэл Андерсон, старший преподаватель английского языка и литературы, но как Плут, Эльфийский вор, и чувствует себя при этом так, словно вернулся домой. После долгого рабочего дня вернулся домой к тому, кто рад тебя видеть: вот из-за этого ощущения он заходит на сайт и играет по сорок часов в неделю, готовясь к таким вот рейдам, когда они с безымянными онлайн-друзьями собираются, чтобы убить какое-нибудь чудище.

Сегодня это дракон.

Игроки сидят в подвалах, офисах, тускло освещенных кабинетах, рабочих кабинках и станциях, публичных библио-

теках, общагах, гостевых комнатах, они выходят в сеть с ноутбуков на кухонных столах, с компьютеров, которые жарко жужжат, щелкают и трещат, как будто у них внутри, в пластмассовых башенках системных блоков, что-то жарится. Они надевают наушники с микрофоном, регистрируются, материализуются в мире игры, и вот они снова вместе, как каждую среду, пятницу и субботу вечером последние несколько лет. Большинство живет в Чикаго и ближайших окрестностях. Сервер, на котором они играют – один из тысяч по всему миру, – находится в бывшем складе мороженого мяса в районе Саут-Сайд, а чтобы не было задержек и простоев, “Мир эльфов” всегда отправляет игрока на ближайший к нему сервер. Так что все они, можно сказать, соседи, хотя никогда не встречались в реальной жизни.

– Привет, Плут! – приветствует кто-то Сэмюэла, когда он входит в игру.

“Привет”, – пишет он в ответ. Он никогда не разговаривает. Все думают, что у него нет микрофона. Но на самом деле микрофон у него есть, просто он боится, что, если во время очередного сражения он что-нибудь скажет, кто-нибудь из проходящих по коридору коллег услышит, как он говорит о драконах. Так что гильдия о нем толком ничего не знает, кроме того, что он не пропускает ни одного рейда и пишет слова целиком, не пользуясь принятыми в интернете сокращениями. Он действительно пишет “сейчас вернусь” вместо куда более распространенного BRB. Он пишет “я отойду”

вместо AFK³. Никто не знает, почему он так упорно использует эти псевдоанахронизмы. Все думают, что “Плут” – сокращение от “Плутон”, на деле же это отсылка к Диккенсу⁴. Оттого, что никто не понимает намека, Сэмюэл чувствует себя умнее и лучше остальных игроков: это нужно ему, чтобы компенсировать стыд от того, что он проводит столько времени за игрой, в которую играют двенадцатилетние мальчишки.

Сэмюэл постоянно напоминает себе, что так делают миллионы людей. Во всем мире. Двадцать четыре часа в сутки. Каждую минуту в “Мир эльфов” играет столько народу, сколько живет где-нибудь в Париже, говорит себе время от времени Сэмюэл, когда его разрывает при мысли о том, во что превратилась его жизнь.

Он не рассказывает никому из реального мира о том, что играет в “Мир эльфов”, еще и потому, что его могут спросить, в чем смысл игры. И что тут ответишь? “Мочить драконов, убивать орков”.

А если играешь за орков, тогда смысл игры в том, чтобы мочить драконов и убивать эльфов.

Вот и все, в этом вся соль, основополагающий принцип, фундаментальный инь-ян.

³ BRB (“*be right back*”), AFK (“*away from keyboard*”) – принятые в игровом сленге сокращения.

⁴ Сэмюэл взял себе игровой псевдоним в честь Ловкого Плута, персонажа романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

Он начинал эльфом первого уровня и продвинулся до девяностого: на это у него ушло десять месяцев. Все это время у него были приключения. Он путешествовал по миру. Встречался с разными людьми. Отыскивал сокровища. Проходил квесты. Потом, на девяностом уровне, создал гильдию и объединился с новообретенными собратьями по гильдии, чтобы убивать драконов, демонов и особенно орков. Он убил кучу орков. А когда он ранит орка в какое-нибудь жизненно важное место – шею, голову или сердце, – на экране загорается надпись “КРИТИЧЕСКИЙ УДАР!” и раздается негромкий звук: это орк кричит от ужаса. Сэмюэл полюбил этот крик. Он балдеет от этого крика. Класс его персонажа – воры, а значит, он ловко лазит по карманам, делает бомбы и умеет становиться невидимым. Он обожает тайком пробраться на территорию, где полным-полно орков, и зарыть на дороге динамит, чтобы орки подорвались, когда там поедут. Потом он обыскивает тела врагов, забирает их оружие, одежду, деньги и оставляет их валяться голыми, побежденными и мертвыми.

Он и сам не знает, почему это так ему нравится.

Сегодня двадцать вооруженных эльфов в доспехах будут сражаться с одним-единственным драконом, потому что это очень большой дракон. С острыми-преострыми зубами. К тому же еще и огнедышащий. И покрытый чешуей, плотной, как лист металла: это нетрудно разглядеть, если видеокарта позволяет. Дракон, похоже, спит. Свернулся калачиком, точ-

но кот, на полу, под которым в пустом кратере вулкана кипит магма. Потолок у логова достаточно высокий – дракон может долго летать, и на втором этапе игры чудище взмывает в воздух, кружит над эльфами и обрушивает на их головы огненные снаряды. Это будет четвертый раз, когда они попытаются убить дракона: им пока так и не удалось пройти второй уровень. Им не терпится его прикончить, потому что дракон охраняет гору сокровищ, оружия и доспехов в дальнем углу логова: все это очень пригодится эльфам в войне с орками. Сквозь трещины в каменной поверхности сверкают ярко-красные прожилки магмы. Они вырвутся на поверхность на третьем и последнем этапе сражения, том самом этапе, которого эльфы еще не видели, потому что у них никак не получается увернуться от огненных шаров.

– Все посмотрели ролики, которые я прислал? – спрашивает лидер рейда, воин-эльф по имени Павнер. Аватарки нескольких игроков кивнули. Он прислал им обучающие видео, в которых показывают, как убить дракона. Павнер хотел, чтобы они внимательно изучили, как правильно проходить второй уровень: секрет в том, чтобы постоянно двигаться и стараться не сбиваться в кучу.

“ВПЕРЕД!!!” – пишет Секирщик, чей аватар сейчас елозит по скале, словно пытается ее изнасиловать. Несколько эльфов пританцовывают на месте, пока Павнер в очередной раз объясняет им ход боя.

Сэмюэл играет в “Мир эльфов” с рабочего компьютера,

потому что тут быстрее интернет, а значит, во время такого рейда, как сегодня, можно нанести врагам на два процента больше урона – разумеется, если не возникнет проблем со скоростью соединения, как бывает, когда студенты записываются на занятия. Он преподает литературу в маленьком университете на северо-западе от Чикаго, в пригороде, где все бесплатные скоростные шоссе расходятся и заканчиваются у гигантских универмагов и бизнес-парков или переходят в трехполосные дороги, забитые машинами родителей, которые отправили детей учиться в университет Сэмюэла.

Детей вроде Лоры Потсдам – веснушчатой блондинки, которая носит майки с логотипами известных брендов и короткие шорты с разнообразными надписями на заднице. Основная специализация Лоры – маркетинг и коммуникации. Не далее как сегодня она заявила на введение в литературу, занятие, которое ведет Сэмюэл, протянула ему списанную от начала до конца работу и тут же поинтересовалась, можно ли уйти.

– Если мы пишем контрольную, – пояснила Лора, – я останусь. А если нет, мне надо уйти.

– Что-то случилось? – спросил Сэмюэл.

– Нет. Просто я не хочу пропустить контрольную, за которую ставят оценку. Мы сегодня будем делать что-то, за что вы поставите оценку?

– Сегодня мы будем обсуждать прочитанное. И эта информация вам наверняка пригодится.

– А оценки за нее выставляют?

– Да, в общем, нет.

– Ну тогда мне нужно уйти.

Они читали “Гамлета”, и Сэмюэл по опыту знал, что сегодня ему придется нелегко. От языка пьесы студенты устанут, все мозги себе сломают. Он задал им написать о логических ошибках в мышлении Гамлета, хотя прекрасно понимал, что это полный бред. Студенты спросят его, почему они должны это делать, зачем им читать эту старую пьесу. “Как нам это пригодится в реальной жизни?” – поинтересуются они.

Ему совершенно не хотелось проводить это занятие.

В такие минуты Сэмюэл вспоминает, как прославился. Когда ему было двадцать четыре года, один из его рассказов напечатали в журнале. Да не в абы каком, а в самом крутом. Там вышла статья о молодых писателях. “Пять по двадцать пять”, называлась она. “Новое поколение великих американских прозаиков”. И в эту пятерку вошел Сэмюэл. Это был его первый опубликованный рассказ. И, как оказалось, последний. Там была его фотография, биография и его великая проза. На следующий день ему позвонило чуть ли не полсотни важных шишек из разных издательств. И все они хотели прочесть другие его произведения. Которых у Сэмюэла не было. Больших боссов это не смутило. С Сэмюэлом заключили договор, заплатили кучу денег за книгу, которую он еще даже не написал. Это было десять лет назад, до того как в экономике все стало мрачно и кризис в банковской сфе-

ре и жилищном строительстве практически разрушил мировую финансовую систему. Иногда Сэмюэлу в голову приходит мысль, что его карьера проделала примерно тот же путь, что и глобальная экономика: благополучное и беззаботное лето две тысячи первого теперь казалось нереальным, хотя и приятным сном.

“ВПЕРЕЕЕЕЕЕЕД!!!” – снова пишет Секирщик. Он перестал ерзать по стене пещеры и теперь подпрыгивает на месте. Сэмюэл думает: девятый класс, синдром гиперактивности, жуткие прыщи, рано или поздно вполне может оказаться у меня на занятии по введению в литературу.

– Так что вы думаете о “Гамлете”? – спросил он сегодня студентов, когда Лора ушла.

Стонут. Хмурятся. Парень на задней парте поднимает руки, чтобы все видели, и опускает длинные и мясистые большие пальцы.

– Идиотизм, – говорит он.

– Бредятина, – добавляет другой.

– Слишком длинно, – вставляет третий.

– И это еще слабо сказано.

Сэмюэл задает студентам вопросы, которые, как он надеется, вызовут какое-никакое обсуждение: как вам кажется, призрак был на самом деле или это галлюцинация Гамлета? Как вы считаете, почему после смерти мужа Гертруда так быстро вышла замуж? Как вы думаете, Клавдий действительно убийца или Гамлет просто его ненавидит? Ну и так далее.

Ничего. Никакой реакции. Тупо глазеют на свои коленки или в экран компьютера. Они всегда таращатся в компьютер. Над компьютерами Сэмюэл не властен, он не может их выключить. Компьютеры есть за каждым столом в каждом классе, и школа хвастается этим во всех рекламных рассылках родителям: “Наш университет полностью компьютеризирован! Мы готовим студентов к жизни в XXI веке!” А вот Сэмюэлу кажется, что университет учит их тихо сидеть и притворяться, будто работают. Напускать на себя сосредоточенный вид, хотя на самом деле они проверяют счет спортивных соревнований, электронную почту, смотрят видео в интернете или просто тупят. Если подумать, это самое важное, чему их может научить университет, и этот урок наверняка пригодится им в работе: как тихо сидеть за столом, лазить по интернету и не сойти с ума.

– Кто из вас прочитал пьесу целиком? – спрашивает Сэмюэл, и из двадцати пяти человек, присутствующих в классе, лишь четверо поднимают руки. Причем медленно, неуверенно, смущаясь, что выполнили заданное. Остальные, похоже, его осуждают: смотрят презрительно, сидят развалившись и всем своим видом демонстрируют, до чего же им скучно. Как будто это его вина в том, что им наплевать. Не задай он им такую глупость, им не пришлось бы ее игнорировать.

– Вперед, – говорит Павнер и с огромным топором в руках мчится к дракону. Остальные с дикими криками следуют за ним, примерно как в фильмах о средневековых войнах.

Тут надо сказать, что Павнер – гений “Мира эльфов”. И гуру видеоигр. Он управляет шестерыми из двенадцати эльфов, которые участвуют в сегодняшнем рейде. У него есть целая деревня персонажей, из которых он может выбирать, смешивать, выставлять бойцов в зависимости от того, какой бой предстоит. В этой деревне существует собственная независимая микроэкономика. Павнер умеет одновременно играть несколькими персонажами с помощью суперпродвинутой технологии под названием “мультибокс”: для этого нужны несколько подключенных к общей сети компьютеров, связанных с центральным электронным мозгом, который ими управляет. Павнер же всем руководит с главного компьютера с помощью запрограммированных маневров на клавиатуре и игровой мыши с пятнадцатью кнопками. Он знает все, что только можно знать об играх. Он вобрал в себя секреты “Мира эльфов”, как дерево рано или поздно срастается со стоящей рядом оградой. Он истребляет орков, то и дело сопровождая смертельный удар своей коронной фразой: “Я тебя запавнил, нуб!”

На первом этапе боя им в основном приходится следить, как бы не угодить под хвост, которым дракон размахивает и бьет по каменному полу. Несколько минут все дружно рубят чудовище и уворачиваются от хвоста: наконец жизни у дракона остается шестьдесят процентов, и он взлетает.

– Второй этап, – негромко предупреждает Павнер, и его голос в сети звучит как у робота. – Сейчас он дыхнет огнем.

Не стойте на пути.

На их отряд обрушиваются огненные шары. Многим игрокам с трудом удастся одновременно и уворачиваться от огня, и продолжать рубить дракона, но все шестеро персонажей Павнера справляются с легкостью – отодвигаются на пару кликов влево или вправо, так что огонь проходит в нескольких пикселях от них.

Сэмюэл тоже старается уворачиваться, но в основном голова его занята опросом, который он сегодня проводил в классе. После того как Лора ушла и оказалось, что никто из студентов не прочел заданное, ему захотелось их наказать. Он велел им написать по первому акту “Гамлета” сочинение на двести пятьдесят слов. Студенты застонали. Он не собирался проводить контрольную, но поведение Лоры вызвало у него желание сделать в ответ какую-нибудь гадость. Курс, который читал Сэмюэл, назывался “Введение в литературу”, но Лору заботила не столько литература, сколько оценки. Ее интересовало не содержание курса, а валюта. Это напомнило Сэмюэлу одного брокера с Уолл-стрит, который то покупает фьючерсы на кофе, то ипотечные векселя. Не так важно, чем торгуешь, как то, насколько это ценится. Вот и Лора думала примерно так – только о нижней строчке, об отметке, единственном, что для нее важно.

Сэмюэл ставил студентам оценки, да еще и красной ручкой. Он учил их, чем “класть” отличается от “положить”, когда употреблять “какой”, а когда “который”, чем “аффект”

отличается от “эффекта”, а “затем” от “за тем”. И все такое прочее. А потом как-то заправлял машину бензином на бензоколонке возле кампуса – она называется “Мимолетто”, – посмотрел на вывеску и подумал: “А смысл?”

Нет, правда, зачем им сдался этот “Гамлет”?

Сэмюэл провел контрольную и закончил занятие на полчаса раньше. Он устал. Стоя перед равнодушным классом, он чувствовал себя точь-в-точь как Гамлет в первом монологе: так, будто его не существует. Ему тоже хотелось исчезнуть. Чтобы его тугая плоть могла испариться⁵. Последнее время такое случалось часто: Сэмюэл чувствовал себя меньше собственного тела, как будто душа его усохла: он всегда уступал подлокотники кресел в самолетах и дорогу на тротуаре.

Такое ощущение возникает у него каждый раз после того, как он ищет в интернете фото Бетани: это слишком очевидно, чтобы не замечать. Он всегда вспоминает о ней, когда делает что-то, за что потом себя винит, а в последнее время он постоянно делает что-то такое, и вся его жизнь в некотором смысле покрылась непробиваемым слоем чувства вины. Бетани, его самая большая любовь и потеря, по-прежнему, насколько известно Сэмюэлу, живет в Нью-Йорке. Скрипачка, выступает на самых знаменитых концертных площадках, записывает сольные альбомы, гастролирует по всему миру. Погуглить ее – все равно что вытащить из души огромную

⁵ Здесь и далее «Гамлет» приводится в переводе Б. Пастернака.

пробку. Сэмюэл и сам не знает, зачем так издевается над собой, раз в несколько месяцев до глубокой ночи рассматривает фотографии, на которых Бетани в вечерних платьях, со скрипкой в руке, с охапками роз, в окружении поклонников блистает в Париже, Мельбурне, Москве, Лондоне.

Что бы она обо всем этом сказала? Разумеется, расстроилась бы. Решила бы, что Сэмюэл так и не повзрослел и по-прежнему, как ребенок, играет в темноте на компьютере. Что он все тот же мальчишка, каким был, когда они познакомились. Пожалуй, Сэмюэл относится к Бетани так, как другие к Богу. “Осудит ли меня Господь?” Вот и Сэмюэл думает так же, только вместо Бога у него другое великое несуществующее нечто: Бетани. Иногда, если Сэмюэл слишком много думает об этом, он словно падает в яму, и ему кажется, что он рассматривает себя со стороны, отступив на шаг: не живет, а оценивает жизнь, которая по какому-то необъяснимому, злополучному стечению обстоятельств оказывается его собственной.

Ругань собратьев по гильдии возвращает его к игре. Эльфы стремительно гибнут. Наверху ревет дракон, на которого их отряд обрушил град ударов: в чудовище летят стрелы, пули из мушкетов и похожие на молнию снаряды, вырывающиеся из ладоней колдунов.

– Осторожно, Плут, тебя сейчас поджарят, – предупреждает Павнер.

Сэмюэл понимает, что ему вот-вот крышка, и уворачива-

ется. Огненный шар падает рядом с ним. Шкала жизни его персонажа опускается почти до нуля.

“Спасибо”, – пишет Сэмюэл.

Слава богу, дракон приземляется, и начинается третий этап. От двадцати нападавших остается лишь горстка: Сэмюэл, Секирщик, Лекарь отряда и четверо из шести павнеровских персонажей. До третьего этапа они еще ни разу не доходили. Это их лучший результат в бою с драконом.

Третий этап во многом похож на первый, только дракон теперь мечется по пещере, вскрывает под полом каналы, по которым течет магма, и сбивает с потолка огромные сталактиты. На этом обычно заканчивается большинство битв с монстрами в “Мире эльфов”. Тут требуется не столько мастерство, сколько способность запомнить порядок действий и выполнить несколько дел одновременно: уворачиваться от брызг лавы из-под пола и от камней, валящихся с потолка, стараться не попасть дракону под хвост, при этом гоняться за чудищем по пещере и колоть его кинжалом, используя сложную, четко выверенную тактику десяти движений, которая позволяет нанести дракону максимальный урон за секунду, чтобы шкала жизни дракона опустилась до нуля, прежде чем его встроенный таймер, запрограммированный на десять минут, выключится, и дракон “взбесится”, то есть примется убивать всех подряд.

В пылу боя Сэмюэла охватывает азарт. Но едва все заканчивается, даже если они победили, как его охватывает жгу-

чая досада, потому что сокровища, которые им удалось раздобыть, ненастоящие, просто цифровые данные, а захваченное оружие и доспехи сгодятся лишь до поры до времени: как только игроки научатся побеждать дракона, разработчики придумают какое-нибудь новое чудовище, одолеть которое станет еще сложнее, и оно будет охранять еще большие сокровища – в общем, бесконечный цикл. По-настоящему выиграть невозможно. Битве этой не видно конца. Иногда Сэмюэла поражает очевидная бессмысленность игры, вот как сейчас, когда он смотрит, как Лекарь борется за жизнь Павнера, шкала жизни дракона медленно ползет к нулю, Павнер кричит: “Да-да-да-да!”, они вот-вот одержат головокружительную победу, но даже в такую минуту Сэмюэл не может отделаться от мысли, что на самом деле несколько одиночек стучат по клавишам в темноте, посылая сигналы на компьютерный сервер в Большом Чикаго, который отправляет обратно клубки данных. Все остальное – дракон, его логово, прожилки магмы, эльфы, их мечи и магия – лишь декорации, маскарад.

“Что я здесь делаю?” – думает Сэмюэл, когда дракон пришибает его хвостом, Секирщика пронзает падающий сталактит, а Лекарь сгорает дотла в расщелине с лавой, так что из эльфов остается лишь Павнер, и они победят, только если ему удастся выжить. Гильдия ликует в наушниках, шкала жизни дракона опускается до четырех процентов, трех процентов, двух процентов...

И даже сейчас, в шаге от победы, Сэмюэл спрашивает себя: *зачем мне все это нужно?*

Что я тут делаю?

Что бы сказала Бетани?

3

Павнер отплясывает в гостиной, как футболист после тагдауна в зачетной зоне. Больше всего ему нравится описывать кулаками круги перед собой – кажется, это называется “сбивать масло”.

“Павнер рулит!” – кричит кто-то. Эльфы устроили бы ему бурную овацию, если бы их всех не поубивали. Из колонок его домашнего кинотеатра доносятся крики одобрения. Все шесть компьютерных экранов сейчас показывают под разными углами убитого дракона.

Павнер сбивает масло.

Он энергично вскидывает кулак, как будто заводит газонкосилку.

И делает похабный жест, как будто шлепает кого-то (например, по заднице).

Духи эльфов возвращаются в тела, и его друзья один за другим поднимаются с пола пещеры, воскреснув, как это ведется в видеоиграх, где, умирая, ты никогда не умираешь по-настоящему. Павнер собирает добычу в дальнем углу пещеры и раздает собратьям по гильдии – мечи, секиры, латы,

волшебные кольца. Он чувствует себя при этом щедрым и великодушным, как чувак в костюме Санты на Рождество.

Наконец остальные игроки мало-помалу отключаются. Павнер прощается с каждым из собратьев по гильдии, поздравляет с великолепной победой и старается уговорить посидеть в сети еще немного, но они жалуются, что уже поздно, утром на работу, так что он в конце концов соглашается: действительно, пора спать. Павнер выходит из сети, выключает все компьютеры, ныряет в кровать, закрывает глаза, но тут в голове у него вспыхивают искры, и, точно галлюцинация, перед мысленным взором нескончаемым потоком несутся эльфы, орки, драконы, так что он тщетно пытается заснуть после очередного рубилова в “Мире эльфов”.

Он ведь сегодня вообще не собирался играть. И уж точно не думал играть так долго. Сегодня должен был быть первый день его новой диеты. Он поклялся, что с сегодняшнего дня начнет правильно питаться: фрукты, овощи, постные белки, никаких трансжиров и полуфабрикатов, только умеренные порции, тщательно сбалансированная пища высокой питательной ценности, вот прямо сегодня. И он начал новую жизнь с самого утра, когда на завтрак расколол бразильский орех, прожевал его и проглотил, потому что эти орехи были в списке “Пяти самых полезных продуктов, которые нужно есть чаще”, если верить руководству по здоровому питанию, которое он купил, готовясь к сегодняшнему дню, а еще купил продолжение книги, планы питания для этой ди-

ты и мобильные приложения: все они отстаивали пользу рациона, состоящего преимущественно из животных белков и орехов – диеты охотника-собирателя. И он думал обо всех этих необходимых для сердца хороших жирах, антиоксидантах и микронутриентах в составе бразильского ореха, которые сейчас текут по его телу и приносят пользу – например, убивают свободные радикалы, снижают уровень холестерина и придают сил (хотелось бы надеяться), потому что *у него еще масса дел.*

Кухня срочно нуждалась в ремонте: ламинат столешницы потрескался, вздыбился по краям, посудомойка вышла из строя прошлой весной, измельчитель отходов не работает уже около года, три из четырех конфорок не горят, а холодильник как с ума сошел: холодильная камера то и дело вырубалась, из-за чего хот-доги и колбаса протухали, скисало молоко, морозилка же, наоборот, как с цепи сорвалась и превращала полуфабрикаты в кусок вечной мерзлоты. Из шкафчиков надо выкинуть пожелтевшие от времени наборы пластиковых контейнеров, забытые мешочки сухофруктов, орехов, чипсов и целый арсенал круглых баночек с травами и специями, геологические пласты которых сформировались в результате его прежних попыток сесть на диету: каждый раз он покупал новые наборы трав и специй, потому что за время, прошедшее с последней серьезной попытки, старые травы и специи успевали слежаться в камень, так что использовать их, разумеется, было уже нельзя.

Он знал, что нужно распахнуть шкафчики, выбросить из них всё и посмотреть, нет ли там колоний бактерий или жучков, обитающих в самых дальних и темных углах, но ему совершенно не хотелось открывать шкафчики и искать жучков: он боялся, что именно их и найдет. Ведь тогда придется завесить все полиэтиленом, провести дезинсекцию и разобрать комнаты, чтобы расчистить место под “склад”, куда он поставит все необходимое (новую кухонную мебель и паркетные доски, новую бытовую технику и инструменты, всевозможные молотки, пилы, ящики с гвоздями, шурупы, поливинилхлоридные трубы и прочую фигню, необходимую для ремонта кухни), хотя, оглядев дом, понимал, как трудно будет это сделать: в гостиной, например, ничего складывать нельзя, потому что к нему могут заглянуть на огонек неожиданные гости (то бишь Лиза), и залежи инструментов едва ли покажутся им уютными или романтическими, то же самое в спальне, там ничего нельзя хранить по той же причине, хотя, конечно, Лиза давненько к нему не заезжала, в основном потому, что считала необходимым “соблюдать дистанцию” на этом новом этапе их отношений, впрочем, это решение ничуть не мешало ей то и дело просить отвезти ее то на работу, то в магазины, куда ей надо по делам, ну и что, что она с ним развелась, это же не значит, что он бросит ее на произвол судьбы без прав и машины: большинство мужчин именно так бы и поступило, но его-то *не так воспитывали*.

Так что единственным местом, где можно хранить остан-

ки старой кухни, оставалась гостевая спальня, но, к сожалению, и туда тоже ничего нельзя положить, потому что комната и так ломилась от барахла, выкинуть которое не поднималась рука – коробки со школьными наградами, значками, кубками, медалями, похвальными грамотами и под всем этим где-то черный кожаный блокнот с первыми страницами романа, который он пообещал себе вот-вот продолжить писать, – так что придется разобрать все эти коробки и составить опись содержимого и тогда уже расчистить место для хранения на время ремонта, необходимого, чтобы наконец начать питаться правильно.

Ну и бюджет тоже не резиновый. На какие деньги покупать все эти новые полезные продукты, если он и так уже по уши в долгах, поскольку приходится платить за несколько аккаунтов в “Мире эльфов” и за новый смартфон. Со стороны-то, конечно, виднее, он и сам понимает, что смартфон за четыреста долларов с тарифным планом, куда входит неограниченное количество СМС и трафика, – расточительство для человека, которому по работе не нужно постоянно быть на связи, да и эсэмэски ему после покупки приходят в основном от изготовителя этого самого смартфона – тот спрашивает, доволен ли он приобретением, рекламирует разные планы страхования, предлагает попробовать другие фирменные программы и оборудование, – да несколько эсэмэсок от Лизы о том, что ее неожиданно вызвали на работу, в отдел “Ланком” в магазине, или она уходит из отде-

ла “Ланком” пораньше, или, наоборот, задержится в отделе “Ланком”, или сегодня ее не нужно забирать, потому что ее пригласил “куда-нибудь сходить один коллега”, после таких сообщений его вообще колотило от ревности, бесила их двусмысленность, он сворачивался калачиком на диване, грыз и без того ломкие ногти и гадал, где заканчиваются границы Лизиной верности. Разумеется, он уже не вправе ждать от нее моногамии, и все же, хотя он и сознавал, что развод придал определенную законченность их отношениям, знал он и то, что у нее никого нет и он по-прежнему играет в ее жизни серьезную роль, и в глубине души надеялся, что, раз он любезен, полезен и регулярно напоминает Лизе о себе, она никогда по-настоящему от него не уйдет, а следовательно, без смартфона никак нельзя.

А для новой диеты совершенно необходимы программы для смартфона, подсказывающие, как правильно питаться и делать упражнения: отмечаешь, сколько и чего съел и выпил за день, программа все это анализирует и отправляет тебе отчет по калориям и питательной ценности. Вот, например, он записал, что обычно съедает за день, чтобы принять этот список за точку отсчета и сравнивать с ним будущие свои успехи в правильном питании, и оказалось, что три эспрессо (с сахаром) на завтрак в сумме составили сто калорий, латте и брауни за ланчем – еще четыреста, так что у него осталось полторы тысячи калорий из дневного максимума в две тысячи, а значит, на ужин можно себе позволить две, а то и три

упаковки замороженных фахитос с лососем, в каждой пачке нарезанные ровными полосками овощи и пакетик соленой красной приправы под названием “юго-западные специи”, к которой он обычно добавляет примерно столовую ложку соли (приложение в смартфоне отмечает, что в соли ноль калорий, и он считает это огромной победой с точки зрения вкуса), и быстро сжевать эти три упаковки мороженого лосося, стараясь не обращать внимание на то, что они разогрелись в микроволновке настолько неравномерно, что кусочки перца обжигают язык, а крупные ломти рыбы внутри ледяные и распадаются на волокна, точно сырая древесная кора, на вкус – жуткая гадость, но он все равно будет забивать холодильник упаковками фахитос с лососем, и не только потому, что на коробке написано “Минимальная жирность!”, но и потому, что в “Сэвен-Илевен” на них всегда отличная скидка, упаковка в десять коробок за пять долларов (максимум можно купить десять).

В общем, смартфон проанализировал потребленные им питательные вещества и микронутриенты, сравнил их с дозировками жизненно важных витаминов, кислот, жиров и прочих веществ, рекомендованными Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, и показал результат в виде графика, который должен был быть зеленым, если он все сделал правильно, но вышел красным, как аварийная кнопка, потому что в его рационе отчаянно не хватало продуктов, сколько-нибудь полезных

для здоровья основных органов. Да, действительно, нужно признать, в последнее время его глазные яблоки и кончики волос приобрели пугающий желтоватый оттенок, ногти стали более тонкими и ломкими, так что, когда он принимался их грызть, неожиданно раскалывались пополам чуть ли не до основания, а недавно и вовсе перестали расти, как и волосы, которые местами поредели или вились на концах, а на запястье, там, где носят часы, появилась сыпь. Так что, хотя обычно он не добирал до ежедневного максимума в две тысячи калорий, это были явно не те калории, что содержатся в свежих органических цельных продуктах и необходимы для “правильного питания”: для него это немыслимо дорого, такие продукты он не мог себе позволить, учитывая, что каждый месяц ему приходилось выплачивать долги по кредитной карте за смартфон и тарифный план. Он смирился с этим противоречием, с этой насмешкой судьбы: он платил за аппарат, который учил его, как правильно питаться, и из-за этого у него не было денег на правильное питание, к тому же за все это он расплатился кредитной картой, и долги по ней скопились астрономические, так что возможность когда-либо с ними рассчитаться медленно уплывала, точно дрейфующий континент. Росли и платежи по ипотеке, потому что несколько лет назад, еще до того, как их город (и весь американский рынок недвижимости в целом) оказался в глубокой жопе, риелтор убедил его рефинансировать кредит с помощью какой-то “отрицательной амортизации”. Тогда эти сва-

лившиеся как с неба деньги пришлись очень кстати: он смог позволить себе новый телевизор высокого разрешения, купил несколько крутых игровых видеоприставок, дорогую компьютерную рабочую станцию для дома, но теперь выплаты по кредиту проделали в его бюджете огромную брешь, поскольку процентные ставки росли как снежный ком, а вот стоимость его дома, по последней оценке, упала до такого мизера, как будто дом чудом уцелел после пожара в подпольной лаборатории по производству метамфетамина.

Все это вкупе с прочими материальными трудностями свергало его в уныние, нервировало так сильно, что сердце чудило, подпрыгивало и трепетало, как будто кто-то ощупывал его грудную клетку изнутри. “Здоровье потерял – все потерял”, – говаривала Лиза: именно этим он и оправдывал то, что вкладывает деньги в вещи, которые помогали справиться со стрессом, то есть в навороченную технику и видеоигры.

К ним-то он сегодня и обратился. Прежде чем взяться за дела, без которых невозможно начать новую диету, он решил разобраться с другими, теми, что ждали его в “Мире эльфов”: двадцать заданий, которые он выполнял каждый день, благодаря чему заработал в игре разные клевые штуки (например, грифонов, верхом на которых можно было летать, секиры огромного размера, изящные сюртуки и панталоны, в которых щеголял его аватар). Эти квесты – обычно нужно было убить какого-нибудь не самого опасного врага, доставить известие на вражескую территорию или отыскать

какую-нибудь важную утерянную штуку – необходимо было проходить каждый день по сорок дней кряду, чтобы получить награду *в ближайшее теоретически возможное время*, что само по себе было наградой, потому что всякий раз, как ему это удавалось, вспыхивали салюты, звучали фанфары, его имя попадало в список лучших игроков в “Мире эльфов”, и все в его списке контактов хвалили и поздравляли его. Все равно что быть женихом на свадьбе, только в игре. А поскольку персонаж у Павнера был не один, а столько, что хватило бы на целую софтбольную команду, то, пройдя двадцать ежедневных квестов для главного героя, он повторял то же для дополнительных персонажей, так что каждый день ему надо было выполнять порядка двух сотен заданий, а то и больше, в зависимости от того, сколько “альтов” он хотел прокачать. Этот процесс отнимал у него до пяти часов в день. Большинство людей играло максимум по пять часов в день, ему же требовалось минимум пять часов, чтобы только подготовиться к *настоящей игре*, так сказать, размяться – или, если угодно, сперва разобраться с делами, а потом уже развлекаться.

Так что, когда он наконец закончил всю эту тягомотину с квестами, уже стемнело, и у него в голове стоял туман: он ничего не соображал, будто в мозгу образовалась пробка. После пяти часов рутинных квестов у него не осталось ни сил, ни мыслей, ни желания для более сложных дел – например, сходить в магазин, приготовить еду или начать ре-

монт на кухне. Он остался за компьютером, перекусил замороженным буррито, выпил большую кружку крепкого латте и продолжил игру.

Он играл так долго, что теперь, когда он пытается заснуть, перед глазами вспыхивают особенно яркие искры, так что едва ли в ближайшее время его сморит сон, и единственное, что может сделать Павнер, – выбраться из кровати, снова включить компьютеры, проверить серверы на Западном побережье и пройти рейд еще раз. Несколько часов спустя он играет с австралийскими серверами и снова побеждает дракона. К четырем утра в сеть выходят крутые японские геймеры, а это всегда удача, и вместе с этими ребятами он убивает дракона еще пару раз, так что под конец уже не испытывает никакой радости от победы: подумаешь, убил дракона, обычное дело, скучища. К тому времени, когда просыпается Индия, искры перед глазами расплываются в яркие пятна, он бросает игру, все как в тумане, как будто его лоб где-то в метре от глаз, и он решает, что перед сном неплохо бы расслабиться, ставит один из тех фильмов, которые видел миллион раз (пусть себе идет, он надеется разгрузить голову: фишка в том, что это кино он знает почти наизусть, так что можно тупить, никаких умственных усилий тут не требуется), один из коллекции апокалиптических триллеров, где планета гибнет по ряду самых разных причин – от падения метеоритов, атаки инопланетян или же от того, что под землей вдруг резко нагревается магма, – и сознание его цепене-

ет в первые же пятнадцать минут: когда герой вдруг узнает тайну, которую хранило правительство, и понимает, что вот-вот случится какое-то большое дерьмо, Павнер отключается, и перед его глазами проносится весь день, он смутно вспоминает, что вроде собирался начать правильно питаться, и, наверное, потому что ему совестно, что он так этого и не сделал, он раскалывает еще один бразильский орех, решив, что диету лучше начинать постепенно, а бразильский орех – своего рода мост между тем, как он живет теперь, и новой жизнью, в которой он наконец начнет питаться правильно, Павнер расслабляется, тупо, как рыба, таращится в экран телевизора, глотает плотную мякоть ореха, смотрит, как уничтожают планету, и с удовольствием представляет, как на Землю падает камень размером с Калифорнию, в мгновение ока убивает всех и вся, скелеты плавают, конец всему живому, он поднимается с дивана, уже светает, странно, до чего быстро пролетела ночь, думает он, ковыляет в спальню и видит себя в зеркале – с проседью в светлых волосах, с красными от усталости глазами, – ложится в постель и не столько “засыпает”, сколько проваливается в густую тьму, которая обступает его внезапно, как после удара по голове. В этом похожем на кому состоянии он цепляется за воспоминание о том, как танцевал в гостиной.

Он хочет запомнить ту безбрежную радость, что испытывал в этот миг. Он впервые победил дракона. Все друзья из Чикаго его поздравляли.

Однако чувство, которое заставило его пуститься в пляс, никак не приходит. Павнер пытается представить, как танцует, но ему кажется, что все это было не с ним – как будто он давным-давно видел это по телевизору. Сейчас ему уже не верится, что он действительно сбивал масло, заводил га-зонокосилку и шлепал кого-то по заднице.

Завтра, обещает он себе.

Завтра я сяду на диету – по-настоящему, всерьез. Ну а сегодня была разминка, тренировка, фальстарт перед первым днем новой диеты, который вот-вот наступит. Совсем скоро в один прекрасный день он проснется пораньше, приготовит полезный завтрак и примется за кухню: разберет шкафчики, купит продукты, а к компьютеру даже не подойдет, и наконец-то весь день будет совершать только правильные поступки.

Он клянется. Обещает. Не сегодня-завтра он начнет новую жизнь.

4

То есть вы считаете, что это плагиат? – спрашивает Лора Потсдам, студентка второго курса университета, которая списывает систематически, постоянно. – Вы думаете, что я все списала? Это я-то?

Сэмюэл кивает. Он притворяется, будто вся эта ситуация его огорчает, как родитель, которому надо наказать ребенка.

Всем своим видом он старается показать, будто ему это куда неприятнее, чем ей, но на самом деле это вовсе не так. В глубине души ему нравится валить студентов. Своего рода месть за то, что приходится их учить.

– Я вам раз и навсегда объясняю: НИЧЕГО Я НЕ СПИСЫВАЛА, – говорит Лора Потсдам о сочинении, которое списано практически полностью.

Сэмюэл знает об этом благодаря компьютеру: университет подписан на уникальный пакет программ, те анализируют студенческие сочинения и сравнивают их с данными, которые хранятся в обширном архиве работ, когда-либо написанных студентами и проанализированных программой. Мозг программы в буквальном смысле состоит из миллионов слов, написанных старшеклассниками и студентами колледжей, и Сэмюэл порой шутит с коллегами, что, если бы программа достигла того уровня искусственного интеллекта сознания, который описывают в научной фантастике, она немедленно отправилась бы на весенние каникулы в Канкун.

Программа проанализировала сочинение Лоры, и оказалось, что это на девяносто девять процентов плагиат: списано все, кроме подписи “Лора Потсдам”.

Plurium interrogationum (или “множественный вопрос”)

– Значит, в программе какой-то сбой, – не сдается Лора,

студентка второго курса из Шаумбурга, штат Иллинойс, специализация – маркетинг и коммуникации, рост сто пятьдесят семь-сто шестьдесят сантиметров, светло-русые волосы в зеленоватом полумраке кабинета Сэмюэла кажутся бледно-желтыми, как линованные страницы блокнота, тонкая белая футболка с рисунком, похожим на рекламу вечеринки, которая состоялась еще до того, как Лора появилась на свет. – Интересно, почему она глючит. И часто она так ошибается?

– То есть вы хотите сказать, что это ошибка?

– Ну не знаю. Странно как-то. С чего программа выдала такой результат?

Волосы у Лоры такие всклокоченные, словно она мылась в аэродинамической трубе. На ней старенькие фланелевые шортики размером с фильтр для кофеварки, и это невозможно не заметить. Как и загорелые ноги. Лора в тапочках, пушистых, как маппеты, светло-зеленых, как капуста, с бурым слоем грязи вокруг подошвы, оттого что в них слишком часто ходят по улице. Сэмюэла вдруг осеняет, что она в буквальном смысле заявила к нему в пижаме.

– Программа не ошибается, – отвечает он.

– То есть никогда? Никогда-преникогда не ошибается? Вы хотите сказать, что она идеальна и непогрешима?

Стены добросовестно увешаны разнообразными дипломами Сэмюэла, стеллажи забиты книгами с длинными названиями. В комнате царит полумрак – словом, типичный пре-

подавательский кабинет, не придерешься. Лора сидит в кожаном кресле и легонько дрыгает ногой в тапочке. К двери прикреплены карикатуры из “Нью-Йоркера”. На подоконнике маленькое растение в горшке, которое Сэмюэл поливает из полулитрового пульверизатора. Дырокол. Настольный календарь. Кружка с Шекспиром. Набор красивых ручек. Вешалка с твидовым пиджаком – на всякий случай. Сэмюэл сидит в эргономическом кресле. Его немного порадовало, что Лора правильно употребила слово “непогрешимый”. Воздух в кабинете затхлый – то ли от Лоры так пахнет со сна, то ли это не выветрился его собственный запах после того, как он вчера до ночи играл в “Мир эльфов”.

– Если верить программе, – сообщает Сэмюэл, сверившись с отчетом по сочинению Лоры, – эта работа с сайта FreeTermPapers.com.

– Ну вот видите! В этом-то все дело! Я о нем впервые слышу.

Сэмюэл из тех молодых преподавателей, кто одевается “клево”, как сказали бы студенты. Рубашки навыпуск, голубые джинсы, модные кроссовки. Для одних это доказательство хорошего вкуса, для других – свидетельство внутренней слабости, неуверенности и отчаяния. Иногда на занятиях он использует бранные словечки, чтобы не выглядеть старым занудой. На Лоре фланелевые шорты в красную, черную и темно-синюю клетку. Футболка тонюсенькая, линиялая, хотя непонятно, то ли она полиняла от частой носки, то ли ее

специально так сделали.

– Не стану же я копировать чью-то дурацкую работу из интернета. Еще чего не хватало, – говорит Лора.

– То есть вы хотите сказать, что это совпадение?

– Я не знаю, почему программа выдала такой результат. Как-то странно?

В конце предложений Лора время от времени повышает голос, так что даже утверждения звучат как вопросы. Сэмюэл отмечает, что поневоле перенимает ее акцент. Еще он отмечает, что ей отменно удастся смотреть ему прямо в глаза и спокойно врать, сохраняя непринужденную позу. Лора не делает ни единого произвольного жеста, которые выдают лжеца: она дышит ровно, сидит спокойно, не ерзает в кресле, не сводит глаз с Сэмюэла, вместо того чтобы смотреть чуть вверх и вправо – признак, свидетельствующий о том, что активизировалась творческая доля мозга, – она не хлопчет лицом, демонстрируя эмоции: чувства мелькают по ее лицу естественно и уместно, не то что у лжеца, который из всех сил напрягает мышцы щек, складывая в нужную гримасу.

– Программа определила, что работа, о которой идет речь, была сдана три года назад в средней школе Шаумбурга, – сообщает Сэмюэл и умолкает, чтобы до Лоры дошел смысл сказанного. – Вроде бы это ваш родной город? Вы же из Шаумбурга?

Petitio principii (или “предвосхищение основания”)

– Знаете что! – возмущается Лора и вытягивает ногу перед собой, что может быть первым внешним физическим признаком стресса. Шорты у нее такие коротенькие, что, когда девушка ерзает в кресле, кожа скрипит, и ягодницы с чмоканием отлипают от сиденья. – Я не хотела ничего говорить, но вообще-то мне даже обидно. Из-за этого всего?

– Верю.

– Да нууу? Вы спрашиваете меня, не списала ли я? А вам не кажется, что это грубо?

На футболке Лоры (скорее всего, думает Сэмюэл, ее обесцветили искусственно, с помощью краски, химикатов, а может, ультрафиолетового излучения или жестких абразивов) винтажным объемным шрифтом написано “Вечеринка в Лагуна-Бич, лето 1990”; посередине красуется графическая картинка с океаном и радугой.

– Нельзя обвинять людей в том, что они списали, – продолжает Лора. – Не надо вешать ярлыки. Ученые проводили исследования? Чем более часто обвиняешь кого-то во лжи, тем более часто он врет.

Правильнее было бы “чем чаще”, думает Сэмюэл.

– И к тому же нельзя наказывать человека за то, что он списал, – не унимается Лора, – потому что тогда ему опять

придется списывать. Чтобы сдать экзамен? Это какой-то, — ее палец описывает в воздухе петлю, — порочный круг?

Лора Потсдам систематически приходит на занятие либо на три минуты раньше, либо на две минуты позже. Садится обычно сзади, в дальнем левом углу класса. В течение семестра разные парни медленно, точно моллюски, перебирались с насиженных мест поближе к Лоре, из правой части аудитории в левую. Большинство сидело рядом с ней две-три недели, а потом вдруг резко перемещалось в противоположный конец класса. Словно заряженные частицы, которые сталкиваются и отскакивают друг от друга в импровизированной психосексуальной мелодраме, которая, как догадался Сэмюэл, разыгрывалась во внеучебное время.

— Вы не писали это сочинение, — заявил Сэмюэл. — Вы купили его в школе и сдали повторно у меня на занятии. И это единственное, что я сегодня намерен с вами обсуждать.

Лора вытягивает ноги. Ее кожа с чмоканьем отлипает от блестящего кресла.

Призыв к милосердию

— Это несправедливо, — говорит Лора. То, как легко и свободно она выпрямила ноги, свидетельствует либо о юношеской гибкости, либо о серьезных занятиях йогой, либо о том и другом вместе. — Вы же сами нам задали сочинение по “Гамлету”. Я его вам и сдала.

– Я задал написать сочинение по “Гамлету”.

– Откуда мне было знать? Я не виновата, что у вас такие странные порядки.

– Это не мои порядки. Это обычные школьные правила.

– Неправда. Я вот в школе сдала это сочинение и получила “отлично”.

– Очень жаль.

– Я не знала, что так нельзя. Откуда мне было знать, что так нельзя? Мне никто никогда не говорил, что так нельзя.

– Все вы знали. Вы же мне солгали. Если бы вы не знали, что так нельзя, то не стали бы мне врать.

– Да я вечно вру. Всегда и обо всем. Что тут поделать.

– Постараться не врать.

– Нельзя же меня два раза наказывать за одну и ту же работу. Если уж в школе меня наказали за то, что я списала, то сейчас точно нельзя. За одно и то же дважды не наказывают?

– Вы же вроде бы говорили, что в школе получили “отлично”.

– Ничего такого я не говорила.

– Нет, говорили. Я совершенно уверен, что именно это вы и сказали.

– Я просто предположила.

– Неправда. Я вам не верю.

– Уж мне-то лучше знать, как все было.

– Вы снова врете? Вы пытаетесь меня обмануть?

– Нет.

С минуту они глядят друг на друга, как два блефующих игрока в покер. Так долго они еще ни разу не смотрели друг другу в глаза. На занятиях Лора обычно таращится на свои коленки, где лежит телефон. Она полагает, что, если телефон у нее на коленках, значит, она его ловко спрятала. Ей и невдомек, до чего прозрачен и очевиден этот ее маневр. Сэмюэл ни разу не попросил ее на занятии убрать телефон, в основном чтобы иметь основание занизить ей оценку в конце семестра, когда начисляет баллы “за работу на уроке”.

– В вашем случае – наказывают, – парирует Сэмюэл. – Видите ли, когда вы сдаете работу, по умолчанию предполагается, что это ваша работа. Ваша собственная.

– Она и есть моя собственная, – отвечает Лора.

– Неправда, вы ее купили.

– Вот именно, – кивает она. – И теперь она моя. Моя собственная. Это моя работа.

Сэмюэлу приходит мысль, что если назвать то, как поступила Лора, не “списала”, а “поручила другому исполнителю”, она окажется в чем-то права.

Ложная аналогия

– Другие еще и не такое делают, – добавляет Лора. – Вот хотя бы моя лучшая подруга? Платит репетитору по алгебре, чтобы он делал за нее домашнюю работу. А это ведь куда хуже, правда? И между прочим, ее за это даже не наказывают!

Почему меня наказывают, а ее нет?

– Но она ведь учится не у меня, – возражает Сэмюэл.

– А Ларри?

– Кто?

– Ларри Брокстон? Из нашей группы? Я точно знаю: он сдает вам работы своего старшего брата. И вы его не наказываете. Так нечестно. Это куда хуже.

Сэмюэл вспоминает, что Ларри Брокстон – студент второго курса, специализацию пока так и не выбрал, коротко стриженные машинкой волосы цвета кукурузной муки, на занятия обычно приходит в просторных серебристых баскетбольных шортах и черно-белой футболке с огромным логотипом сети магазинов одежды, которые есть практически в каждом торговом комплексе Америки – один из тех парней, кто сперва подкрался к Лоре Потсдам, а потом от нее сбежал. Чертов Ларри Брокстон, чья бледная, болезненно-зеленоватая кожа напоминала цветом гнилую картофелину на срезе, с его жалкими попытками отрастить усы и бороду, которые больше походили на прилипшие к лицу панировочные сухари, сутулый, замкнутый, обращенный внутрь себя, чем-то напоминавший Сэмюэлу папоротник, что может расти лишь в тени, Ларри Брокстон, ни разу на занятиях не раскрывший рта, с непропорционально большими по сравнению с прочими частями тела ступнями, как будто они выросли быстрее всего остального, так что походка получилась расхлябанной, словно у Ларри не ступни, а две плоские рыбы, к тому же

он носил черные массивные резиновые сандалии, подходившие, думалось Сэмюэлу, исключительно для общественных душевых и бассейнов, тот самый Ларри Брокстон, который в те десять минут, что Сэмюэл отводил каждой группе на “свободное письмо и мозговой штурм”, лишь машинально и лениво почесывал гениталии, – так вот ему удавалось практически каждый день в те две недели, что они сидели рядом, по пути из кабинета рассмешить Лору Потсдам.

Скользкий путь

– Я только одно хочу сказать, – продолжает Лора, – если вы завалите меня, вам придется завалить и всех остальных. Потому что все так делают. И тогда вам не будет кого учить.

– Некого будет учить, – поправляет Сэмюэл.

– Что?

– Вам некого будет учить. А не “не будет кого учить”.

Лора бросает на него такой взгляд, словно он обратился к ней по-латыни.

– Так правильно, – поясняет Сэмюэл. – В данном случае нужно сказать “некого”.

– Ну и ладно.

Он прекрасно понимает, что указывать другим на ошибки в речи невежливо и неприлично. Все равно что на вечеринке удивиться, что твой собеседник чего-то там не читал, как было с Сэмюэлом в первую неделю работы, на общефа-

культетском ужине у декана, дамы, которая, прежде чем ее резко повысили в должности, работала на кафедре английского языка и литературы. Предполагалось, что это прекрасная возможность пообщаться с коллегами, узнать их получше. Научная карьера декана сложилась типично: она выбрала крайне узкую специализацию и досконально ее изучила (ее интересовали только произведения, написанные во время чумы и о чуме). За ужином она поинтересовалась мнением Сэмюэла о некоем фрагменте “Кентерберийских рассказов”, и когда он замялся, сказала чуть громче, чем следовало: “Так вы их не читали? Боже мой”.

Non sequitur⁶

– И между прочим? – говорит Лора. – С вашей стороны нечестно было проводить контрольную.

– Какую контрольную?

– Ту, которую вы сделали вчера? По “Гамлету”? Я вас спрашивала, будет ли контрольная, и вы ответили “нет”. А потом все равно провели.

– Это мое право.

– Вы меня обманули.

Лора произносит это оскорбленно-трагическим тоном, словно позаимствованным из семейных сериалов.

⁶ Не следует (*лат.*). Логическая ошибка, которая заключается в разрыве между предпосылками и заключением.

– Не обманул, а передумал, – возражает Сэмюэл.

– Вы сказали мне неправду.

– Не надо было пропускать занятие.

Что же именно в Ларри Брокстоне так его бесило? Почему его буквально тошнило, когда он видел, как они с Лорой вместе сидят, вместе смеются, вместе идут домой? Отчасти это объяснялось тем, что Сэмюэл считал парня ничтожеством – его манеру одеваться, глубокое невежество, лицо с выдающейся челюстью, непрошибаемое молчание во время обсуждений на уроке, сидит себе, не шелохнется, кусок биомассы, который ничего не может дать ни классу, ни миру. Да, все это злило Сэмюэла, и злость его подогревало то, что Лора наверняка ему *даст*. Позволит себя обнять, нежно ткнется носом в его кожу цвета гнилой картошки, прижмет губами к его запекшимся губам, позволит ему щупать ее тело руками с криво обгрызенными ногтями в капельках застывшей сукровицы. Оттого что она сама стащит с него эти просторные баскетбольные шорты в его убогой комнатухе в общежитии, где наверняка воняет потом, лежалой пищей, коростой и мочой, оттого что она охотно все это позволит и не будет об этом жалеть, Сэмюэл жалел ее.

Post hoc, ergo propter hoc⁷

– Если я и пропустила занятие, – заявляет Лора, – это еще не значит, что нужно меня валить. Это несправедливо.

– Я не поэтому вас валю.

– Это же одно-единственное занятие. Чего сразу так кипятишься?

Но еще сильнее Сэмюэла задевало то, что Лору и Ларри объединила нелюбовь к нему. Ему казалось, что именно поэтому их тянуло друг к другу. Они оба считали его скучным и нудным, а этого вполне достаточно, чтобы завязать разговор, достаточно, чтобы заполнить паузы во время страстного петтинга. Так что в некотором смысле это его вина. Сэмюэл чувствовал ответственность за сексуальную катастрофу, которая разворачивалась на его занятиях, на заднем ряду слева.

Ложный компромисс

– Давайте вот что сделаем, – Лора выпрямилась в кресле и подалась к нему. – Я извинюсь за то, что сдала чужое сочинение, а вы извинитесь за то, что провели контрольную.

– Допустим.

⁷ После этого, значит, по причине этого (*лат.*).

– И в качестве компромисса я перепишу сочинение, а вы зададите мне дополнительную контрольную. И всем хорошо. – Она поднимает руки ладонями кверху и улыбается. – Ну а, – произносит Лора.

– Какой же это компромисс?

– Давайте больше не будем обсуждать, что я сделала. Лучше поговорим о том, как теперь быть.

– Если вы добьетесь своего – это не компромисс.

– Но вы ведь тоже добьетесь своего. Я целиком и полностью возьму на себя ответственность за свой поступок.

– Это каким же образом?

– Я признаю, что виновата. Скажу, – Лора показывает пальцами в воздухе кавычки, – что “беру на себя ответственность за свой поступок”, – кавычки закрываются.

– Взять на себя ответственность за свои действия – значит принять их последствия.

– То есть провалиться.

– Да, именно так.

– Так нечестно! Почему я должна отвечать за свой поступок, если вы меня все равно завалите? Либо одно, либо другое. Иначе никак. И знаете что?

Ложное умозаключение

– Мне ведь даже не нужен этот курс. Мне вообще не следовало на него ходить. Чем мне все это поможет в реальной

жизни? Неужели кто-нибудь когда-нибудь спросит меня, читала ли я “Гамлета”? Разве это важно? Ну скажите, когда мне это может понадобиться? А? Скажите, как мне пригодятся эти знания?

– Не в этом дело.

– Нет, именно в этом. Как раз в этом-то все и дело. Потому что вам нечего мне ответить. Вы не можете мне даже ответить, когда мне пригодятся эти знания. А знаете почему? Потому что они мне никогда не понадобятся.

Сэмюэл знает, что, пожалуй, так и есть. Глупо просить студентов найти логические ошибки в “Гамлете”. Но с тех пор как вступил в должность нынешний проректор, одержимый идеей преподавать точные науки и математику в каждом курсе (причина, по которой студентов нужно заставлять учить эти дисциплины, – чтобы они могли конкурировать с китайцами, что-то в этом роде), Сэмюэлу приходится каждый год отчитываться, как именно он внедряет математику в занятия по литературе. Преподавание логики – шаг в этом направлении, и сейчас он жалеет, что преподавал ее спустя рукава: по подсчетам Сэмюэла, за время их разговора Лора допустила что-то около десяти логических ошибок.

– Я же вас не заставляю ко мне ходить, – отвечает Сэмюэл. – Вас сюда никто силой не тащит.

– Нет, заставляете! Из-за вас всех мне приходится читать дурацкого “Гамлета”, который мне в жизни не понадобится!

– Вы всегда можете бросить занятия.

- Не могу!
- Почему?

Argumentum verbosium⁸

– Я не могу завалить экзамен, потому что он мне нужен для аттестации по гуманитарным наукам, чтобы осенью можно было пойти на макро- и микростатистику, чтобы к следующему лету, когда мне нужно будет проходить дипломную практику, сдать все досрочно и закончить колледж за три с половиной года, потому что на четыре у моих родителей не хватит денег, хотя раньше их было полно, но они все истратили на адвоката по разводам, а мне сказали, мол, “в трудную минуту всем приходится чем-то жертвовать”, значит, мне придется либо брать кредит на последний семестр, либо рвать задницу, чтобы закончить досрочно, так что, если я буду повторно слушать этот курс, весь мой план полетит к черту. А маме после развода и так-то несладко, а сейчас у нее и вовсе нашли опухоль? В матке? На следующей неделе операция? А я раз в неделю мотаюсь домой, чтобы ее “поддержать”, это она так говорит, хотя мы только и делаем, что играем в банко⁹ с ее тупыми подругами. А бабушка после смерти дедушки осталась совсем одна и путает, какое лекарство в какой день принимать, так что мне приходится о ней за-

⁸ Доказательство многословием (*лат.*).

⁹ Банко – карточная игра.

ботиться и раз в неделю раскладывать таблетки по коробочкам, иначе она впадет в кому или еще чего-нибудь, понятия не имею, кто позаботится о бабушке на следующей неделе, когда мне нужно будет отбыть три дня общественных работ, идиотизм какой-то, на той вечеринке все пили не меньше, но за пьянку в общественном месте задержали почему-то меня одну, я наутро спросила копа, как он определил, что я была пьяная, а он сказал, мол, я стояла посреди улицы и орала во все горло: “Как же я напилась!”, вот напроць этого не помню. Так мало того, моя соседка по комнате, эта свинота и грязнуха, постоянно берет мою диетическую пепси и никогда не возвращает, даже спасибо не скажет, как ни залезу в холодильник, еще одной банки нету, а еще она шмотки повсюду разбрасывает и вечно достает меня советами, как правильно питаться, хотя сама весит центнер с лишним, но считает, что круто разбирается в диетах, потому что когда-то весила сто пятьдесят и теперь такая: “Знаешь, как похудеть на пятьдесят килограмм?”, а я ей: “Да мне как-то и не надо”, но нет, она, не затыкаясь, триндит о том, как похудела на пятьдесят килограмм и полностью изменила свою жизнь с тех пор, как решила похудеть, и похудение то, и похудение се, я это уже слышать не могу, прям бесит, у нее еще на стенке этот дурацкий календарь похудения, такой огромный, что мне даже постеры повесить некуда, но я ничего не могу ей сказать, ведь я же вроде как должна ее поддерживать? И типа спрашивать, удалось ли ей сегодня сжечь норму калорий, и если

да, говорить, ух ты, молодчина, и не приносить никакую самоубийственную пищу, это она так говорит, самоубийственную, чтобы ее не искушать, хотя с какой стати я должна мучиться из-за того, что она жирная, ну да ладно, пусть, я даже больше не покупаю ни чипсы, ни печенье, ни кексы, такие, знаете, полосатые, хотя я их обожаю, но я ведь хочу быть хорошей соседкой, хочу ее поддержать, и единственное удовольствие, которое я себе позволяю в жизни, моя диетическая пепси, между прочим, ей такое вообще нельзя, она же сама говорила, что пока не похудела, газировка для нее была как наркотик, а я ее успокоила, мол, в диетической пепси всего две калории, так что тебе можно. А еще моего папу на той неделе пырнули ножом на пенной вечеринке. Сейчас он уже оправился, а я все равно никак не могу сосредоточиться на учебе, потому что папу чуть не зарезали, и что он вообще делал на пенной вечеринке, он молчит, как воды в рот набрал, а стоит мне об этом заговорить, как он тут же делает вид, что меня нет, как с мамой. А мой парень уехал учиться в Огайо и вечно просит прислать ему голые фотки, чтобы не думать об окружающих красивых телках, а я боюсь, что если не буду ему слать эти фотки, он переспит с какой-нибудь местной шлюхой, и я сама буду в этом виновата, я делаю фотки и шлю ему, я знаю, ему нравится, когда там бреют, я не против, мне не трудно для него побриться, но потом меня закидывает прыщами и все ужасно чешется, выглядит как черт знает что, а один прыщ воспалился, и представьте се-

бе, каково это — объяснять девяностолетней медсестре в студенческой поликлинике, что тебе нужна мазь, потому что ты брила лобок и порезалась. А еще у меня шина на велике спустила, как будто мало мне всего остального, и кухонная раковина засорилась, соседкины волосы валяются по всей ванне, все мое лавандовое мыло в ее волосах, а маме пришлось отдать нашего бигля, потому что куда ей сейчас еще и собаку, в холодильнике диетическая ветчина лежит почти месяц, уже вонять начала, лучшей подруге сделали аборт, а еще у меня накрылся интернет.

Апелляция к чувствам

Разумеется, Лора Потсдам заливается слезами.

Ложная дилемма

— Меня выгонят из университета! — ревет Лора и монотонно причитает, так что слова слипаются: — Если вы меня завалите, мне перестанут оплачивать учебу, а сама я платить за колледж не смогу, и меня исключат!

Беда в том, что при виде чужих слез Сэмюэла так и подмывает зарыдать. Так было всегда, сколько он себя помнит. Он словно ребенок в детском саду, который плачет от жалости к другим детям. Ему кажется, что тот, кто плачет при

посторонних, беззащитен и уязвим, ему становится неловко и стыдно сперва за того, кто плачет, а потом и за себя: в нем просыпается детская ненависть к самому себе, скопившаяся за все время, что он рос таким здоровым плаксою. Все сеансы психотерапии, все детские унижения и обиды – все это при виде чужих слез снова наваливается на Сэмюэла. Его тело словно превращается в сплошную открытую рану, когда даже легкий ветерок причиняет физическую боль.

Лора не пытается сдерживать слезы, отдается рыданиям целиком. Всхлипывает, шмыгает носом, икает, нелепо кривит лицо. Глаза покраснели, мокрые щеки блестят, из левой ноздри свисает сопля. Лора понурила плечи, ссутулилась, смотрит в пол. Сэмюэлу кажется, что еще десять секунд – и с ним приключится то же самое. Он не выносит вида чужих слез. Именно поэтому свадьбы коллег и дальних родственников для него сущее наказание: он рыдает несоразмерно степени близости к жениху и невесте. То же самое с грустными фильмами в кинотеатрах: даже если он не видит, как другие плачут, он слышит, как кругом всхлипывают, сморкаются, шмыгают носом, после чего находит аналог услышанного в богатом внутреннем архиве плачей и “примеряет” на себя, и еще хуже, если это происходит на свидании, поскольку он чутко следит за эмоциональным состоянием партнерши и смертельно боится, что она потянется к нему в поисках утешения и обнаружит, что он ревет в десять раз сильнее нее самой.

– И мне придется вернуть все стипендии! – наполовину выкрикивает Лора. – Если я провалюсь, мне придется все выплачивать, моя семья разорится, мы окажемся на улице и будем голодать!

Сэмюэл чувствует, что это ложь, потому что по стипендиям нет таких правил, но не может и рта раскрыть, поскольку старается подавить рыдания. Они подступают к горлу, давят на кадык, он вспоминает все свои жуткие детские истерики, все испорченные дни рождения, семейные ужины, прекратившиеся на середине, вспоминает, как ошарашенные одноклассники молча провожали его глазами, когда он выбегал из класса, как громко и раздраженно вздыхали учителя, директора школы и особенно мама – о, как же маме хотелось, чтобы он успокоился, как она во время очередной истерики гладила его по плечам, чтобы он перестал плакать, приговаривая: “Все хорошо, все хорошо”, со всей нежностью, на которую только была способна, не понимая, что именно от ее сочувствия, от того, что она видит, как он плачет, он рыдает еще горше. Сэмюэл чувствует, как слезы теснят грудь, он задерживает дыхание, мысленно повторяя: “Все под контролем, все под контролем”, обычно это срабатывает, но вот уже легкие саднят от нехватки воздуха, глаза болят, словно их раздавили, как оливки, и выхода у него всего два: либо, всхлипывая, разрыдаться при Лоре Потсдам, что само по себе невыносимо, ужасно, стыдно, унижительно, – или заставить себя рассмеяться. Этому трюку научил его психолог в сред-

ней школе: “Смех – противоположность слез, поэтому, когда тянет расплакаться, постарайся рассмеяться, и все пройдет: одно вытеснит другое”. Тогда этот совет показался ему глупостью, но, как ни странно, в качестве крайней меры прием срабатывал. Сэмюэл знает, что сейчас это единственная возможность предотвратить дичайшую истерику. Он не думает о том, как истолкуют его смех в такую минуту: лишь о том, что любая реакция в миллион раз лучше слез, так что когда бедная Лора – понурая, несчастная, беззащитная – причитает, всхлипывая: “А на следующий год я не смогу вернуться в университет, у меня не останется денег, мне некуда будет идти, я не знаю, как жить дальше”, Сэмюэл отвечает ей протяжным “Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-хааааа!”

Ad hominem¹⁰

Пожалуй, он совершил ошибку.

Он уже видит, какой эффект произвел его смех. По лицу Лоры скользнуло удивление, но тут же сменилось яростью и даже отвращением: она словно окаменела. Теперь Сэмюэл понимает, что его смех, неискренний и агрессивный, как у киношного злодея, прозвучал жестоко. Лора напряглась, выпрямилась, насторожилась и холодно смотрела на него. От слез не осталось и следа. Не передать словами, как быстро

¹⁰ Дословно «к человеку» (*лат.*): об аргументах, апеллирующих к чувствам, а не к разуму.

изменилось выражение ее лица. Сэмюэлу пришлось на ум словосочетание, которое он видел на упаковках замороженных овощей в продуктовом магазине: “мгновенная заморозка”.

– Зачем вы так? – неестественно ровным, сдержанным тоном спросила Лора. Пугающее спокойствие, от которого веет опасностью, как от наемного убийцы.

– Простите, я не хотел.

Она мучительно долго разглядывает его лицо. Капля, свисавшая с ее носа, исчезла. Невероятная трансформация: ни намек на то, что Лора плакала. Даже щеки сухие.

– Вы надо мной смеялись, – произносит она.

– Да, – признает Сэмюэл. – Все так.

– Почему вы надо мной смеялись?

– Простите, – отвечает он. – Я был неправ. Мне очень жаль.

– За что вы меня так ненавидите?

– Я вас вовсе не ненавижу, что вы, Лора. Честное слово.

– За что все меня так ненавидят? Что я такого сделала?

– Ничего. Вы ни в чем не виноваты. Вы тут ни при чем.

Вы всем нравитесь.

– Неправда.

– Вы очень милая. Вы всем нравитесь. И мне вы тоже нравитесь.

– Правда? Я вам нравлюсь?

– Да. Очень. Вы мне очень нравитесь.

– Правда?

– Ну конечно. Простите меня еще раз.

К счастью, Сэмюэла уже не тянет удариться в слезы, так что он расслабляется и слабо улыбается Лоре. На душе у него становится легко от того, что все успокоилось и окончилось так хорошо и мирно, ему кажется, что они только что преодолели серьезную опасность, как два однополчанина на войне или соседи по креслам в самолете после затяжной турбулентности. Сейчас он чувствует душевное родство с Лорой, поэтому улыбается, кивает и, кажется, даже подмигивает ей. Он испытывает такое облегчение, что на самом деле подмигивает Лоре.

– Ах вот оно что, – замечает Лора, кладет ногу на ногу и откидывается в кресле. – Все с вами ясно. Вы в меня влюбились.

– Что?

– Ну конечно, как же я раньше не догадалась.

– Нет, вы меня не так поняли...

– Ладно-ладно. В меня и раньше влюблялись учителя. Это даже мило.

– Нет, вы меня действительно не так поняли.

– Вы же сами сказали, что я вам очень нравлюсь.

– Да, но я совсем не это имел в виду, – оправдывается Сэмюэл.

– Я знаю, что вы сейчас скажете. Либо я с вами пересплю, либо не сдам экзамен. Угадала?

– Ничего подобного, – возражает он.

– Вот к чему все шло с самого начала. Вы все это затеяли, чтобы со мной переспать.

– Нет! – восклицает Сэмюэл.

Обвинение его задевает, как это обычно бывает: даже если ты ни в чем не виноват, все равно смущаешься. Он встает, проходит мимо Лоры, открывает дверь кабинета и говорит:

– Вам пора идти. Разговор окончен.

Соломенное чучело¹¹

– Вы не можете меня завалить, – сообщает Лора, явно не намеренная уходить. – По закону вы не имеете такого права.

– Встреча окончена.

– Вы не можете меня завалить, потому что у меня нарушение обучаемости.

– Нет у вас никакого нарушения обучаемости.

– Есть. Мне трудно сосредоточиться, я не могу сдать работу в срок, у меня проблемы с чтением и не получается ни с кем подружиться.

– Неправда.

– Правда. Проверьте, если хотите. У меня и справка есть.

– И как же называется ваше нарушение обучаемости?

– У него пока что нет названия.

– Удобно.

¹¹ Соломенное чучело – логическая уловка: говорящий сперва искажает аргумент оппонента, а потом старается его опровергнуть.

– По закону о защите прав граждан с ограниченными возможностями вы должны создать особые условия для всех студентов со справкой о нарушении обучаемости.

– Вы говорите, что у вас не получается ни с кем подружиться. Но это не так.

– Так. У меня нет друзей.

– Я все время вижу вас с друзьями.

– Надолго их не хватает.

Сэмюэл вынужден признать, что это правда. Он изо всех сил пытается сообразить, какую бы гадость сказать Лоре. Придумывает оскорбление, которое перевесило бы ее обвинение в том, что он якобы в нее влюбился. Если он как следует заденет Лорины чувства, если обидит ее побольнее, он будет оправдан. Сказав Лоре гадость, он тем самым докажет, что не влюблен в нее: так рассуждает Сэмюэл.

– И на какие же такие, по-вашему, особые условия вы имеете право? – интересуется он.

– Сдать экзамен.

– Вы считаете, что Закон о защите прав граждан с ограниченными возможностями придумали для тех, кто списывает?

– Тогда переписать сочинение.

– Так какое же у вас все-таки нарушение?

– Я же вам сказала, ему еще не дали названия.

– Кто не дал?

– Ученые.

– И они не могут понять, что же это такое.

– Именно.

– В чем же проявляется ваше нарушение?

– Ой, да это вообще ужас что такое. Каждый день живешь как в аду?

– И все-таки какие у него симптомы?

– Ну, например, я отвлекаюсь через три минуты после начала занятия и не могу сосредоточиться, вообще никогда не делаю, что мне говорят, никогда ничего не записываю, не запоминаю имена, иногда, дочитав до конца страницы, не помню, о чем шла речь. Все время теряю, где читала, перескакиваю строчки через четыре и даже не замечаю, не понимаю большинства графиков и схем, сроду не решила ни одной головоломки, а иногда говорю совсем не то, что хотела сказать. Еще у меня отвратительный почерк, я ни разу в жизни не написала правильно слово “алюминий”, иногда обещаю соседке, что убери свою половину комнаты, хотя даже не собираюсь этим заниматься. На улице я не могу правильно определить расстояние и, хоть убейте, не знаю, где север. Я понятия не имею, что значит пословица “лучше синица в руке, чем журавль в небе”. В прошлом году я раз восемь теряла мобильный. Я десять раз попадала в аварию на машине. А когда играю в волейбол, мяч то и дело попадает мне в лицо, хотя мне это и неприятно.

– Видите ли, Лора, – произносит Сэмюэл, чувствуя, что минута настала, оскорбление созрело и готово сорваться с

его губ, – нет у вас никакого нарушения обучаемости.

– Нет, есть.

– Нет, – отвечает Сэмюэл и делает театральную паузу. Следующую фразу он намерен произнести медленно и внятно, так чтобы до Лоры дошло: – Просто вы не очень умны.

Argumentum ad baculum (или “аргумент к силе”)

– Как вы можете так говорить? – восклицает Лора, вскакивает и хватается сумку, готовая в негодовании выйти из кабинета.

– Но это правда, – не сдается Сэмюэл. – Вы не очень умны, да и человек вы не очень хороший.

– Вы не имеете права так говорить!

– Нет у вас никакого нарушения обучаемости.

– Я добьюсь, чтобы вас уволили!

– Вы обязаны это знать. Кто-то же должен был вам об этом сказать.

– Да вы просто хам!

Тут Сэмюэл замечает, что крики Лоры привлекли внимание других преподавателей. Тут и там приоткрываются двери, и коллеги выглядывают в коридор. Трое студентов, сидящих на полу среди сумок с книгами (наверно, работали над каким-нибудь групповым проектом), изумленно смотрят на Сэмюэла. Ему тут же становится стыдно, и с него слетает весь кураж. Он произносит с опаской, децибел на тридцать

тише прежнего:

– Вам пора.

Argumentum ad crumenam (или “аргумент к богатству”)

Лора вихрем вылетает из кабинета в коридор, резко разворачивается и кричит:

– Я, между прочим, плачу за обучение! И очень неплохо! Я плачу вам зарплату, и вы не имеете права так со мной обращаться! Мой отец дает этому университету кучу бабок! Больше, чем вы получаете за год! Он адвокат, он вас всех засудит! Сами напросились, теперь пеняйте на себя! Вы у меня попляшете!

С этими словами она снова разворачивается, стремительно шагает прочь и скрывается за углом.

Сэмюэл закрывает дверь. Садится. Смотрит на растение в горшке – милую маленькую гардению, которая что-то подвяла. Берет пульверизатор и несколько раз sprays растение. Пульверизатор тихонько побрякивает, как уточка.

О чем он думает? Пожалуй, о том, что, скорее всего, сейчас расплатится. А Лора Потсдам наверняка добьется, чтобы его уволили. В кабинете у него до сих пор воняет. Жизнь прожита зря. И как же его бесит слово “бабки”.

– Алло!

– Добрый день! Я бы хотел поговорить с мистером Сэмюэлом Андресеном-Андерсоном.

– Это я.

– Профессор Андресен-Андерсон, сэр, как хорошо, что я до вас дозвонился. Это Саймон Роджерс...

– Можно просто Андерсон.

– Что?

– Сэмюэл Андерсон, и все. Двойную фамилию трудно выговаривать.

– Как скажете, сэр.

– А кто это?

– Как я уже говорил, сэр, это Саймон Роджерс из адвокатской фирмы “Роджерс и Роджерс”. Мы находимся в Вашингтоне, округ Колумбия. Может, слышали о нас? Мы занимаемся в основном громкими политическими преступлениями. Я звоню по поводу вашей матери.

– Что?

– Громкими политическими преступлениями, которые обычно совершают из благородных побуждений сторонники левых взглядов. Ну вы понимаете. Может, слышали про людей, которые приковывают себя к деревьям? Это наши клиенты. Или когда нападают на китобойные суда, а потом по

телевизору показывают об этом репортаж – все это как раз наши случаи. Или, к примеру, стычка с чиновником-республиканцем, ролик с которым в интернете посмотрели миллионы, если вы понимаете, куда я клоню. Мы защищаем фигурантов политических дел, при условии, конечно, что ими интересуются СМИ.

– Вы, кажется, говорили о моей матери?

– Да, о вашей матери, сэр. Я ее адвокат по делу о государственном иске. Принял его от общественного защитника Чикаго.

– Какой еще государственный иск? Какое дело?

– Я буду представлять ее интересы как в суде, так и в СМИ, по крайней мере пока хватит средств, но это мы с вами лучше обсудим потом, сэр, не сегодня, было бы невежливо начинать общение с разговора о деньгах.

– Ничего не понимаю. Каких средств? При чем тут СМИ? Это мать попросила вас позвонить?

– С какого вопроса мне начать?

– Что происходит?

– Как вы, должно быть, уже знаете, сэр, вашу матушку обвиняют в нападении с применением физического насилия. А поскольку, что уж греха таить, все улики свидетельствуют против нее, скорее всего, ей придется признать свою вину, то есть пойти на сделку со следствием.

– Моя мать на кого-то напала?

– Эээ... давайте с самого начала. Я думал, вы уже знаете.

– Что знаю?

– Про мать.

– Откуда мне что-то знать про нее?

– Так в новостях же передавали.

– Я не смотрю новости.

– Об этом рассказывали по местным, кабельным, федеральным каналам, писали в газетах, в новостных рассылках, упоминали в ток-шоу и юмористических передачах.

– Ничего себе.

– Ну и в интернете. Ролик про нападение ходит по сети.

Вы разве не заходили ни на какие сайты?

– А когда это было?

– Позавчера. Ролик с вашей матушкой, не побоюсь этого слова, стал вирусным. Превратился в мем.

– На кого она напала?

– На Шелдона Пэкера. Губернатора Вайоминга Шелдона Пэкера. Бросила в него камнем. Точнее, камнями.

– Не может этого быть.

– Впрочем, пока идет следствие, я не стал бы называть орудие нападение “камнями”. Скорее, мелкие камешки, галька или даже, пожалуй, гравий.

– Это ложь. Кто вы?

– Как я уже сказал, Саймон Роджерс из “Роджерс и Роджерс”, сэр, а вашу матушку будут судить.

– За нападение на кандидата в президенты.

– Ну, формально он еще не кандидат, но в целом вы пра-

вы. Ролик в буквальном смысле круглые сутки крутят по всем новостным каналам. Неужели вы ничего об этом не слышали?

– Я был занят.

– Вы преподаете “Введение в литературу”. Занятия дважды в неделю по часу. Надеюсь, сэр, вы не сочтете меня слишком назойливым или бестактным за то, что я это разузнал: информация есть на сайте университета.

– Понятно.

– Чем же таким вы занимались остальные без малого сорок часов с тех пор, как произошло нападение?

– Сидел за компьютером.

– И этот компьютер наверняка подключен к интернету?

– Как вам сказать... в общем, я писал. Я писатель.

– Потому что вся страна сейчас думает примерно одно: “Давайте уже поговорим о чем-то другом, кроме Фэй Андресен-Андерсон”. Новость у всех на устах, сэр, поэтому я и удивился, что вы об этом ни сном ни духом, учитывая, что речь идет о вашей матери.

– Видите ли, мы с ней не общаемся.

– Этой истории сочинили броское заглавие: “Щебень для Шелдона”. Ваша матушка произвела сенсацию.

– Вы уверены, что это моя мать? Вообще-то это на нее не похоже.

– Вы Сэмюэл Андресен-Андерсон? Это ваше полное имя по документам?

– Да.

– А вашу маму зовут Фэй Андресен-Андерсон?

– Да.

– Она живет в Чикаго, штат Иллинойс?

– Нет, не в Чикаго.

– А где же?

– Откуда мне знать. Я с ней двадцать лет не общался!

– То есть вы не знаете, где она проживает в настоящий момент. Я вас правильно понял?

– Да.

– Следовательно, она может жить в Чикаго, штат Иллинойс, просто вы об этом не знаете.

– Верно.

– Значит, женщина, которая сейчас в тюрьме, вероятнее всего, ваша матушка. Вот что я хочу сказать. Независимо от того, каков ее нынешний адрес.

– И она напала на губернатора...

– Мы предпочитаем более мягкие термины. Не “напала”. Скорее, воспользовалась правом, которое обеспечивает Первая поправка к Конституции, посредством символического жеста: бросила в губернатора гравием. Судя по щелканью клавиатуры, вы проверяете эти сведения с помощью поисковой системы?

– О господи, да тут миллионы результатов!

– Так точно, сэр.

– И ролик есть?

– Набрал несколько миллионов просмотров. А еще с ним сделали ремикс и наложили на него забавную хип-хоп-песню.

– Глазам своим не верю.

– Лучше вам эту песню не слушать, сэр, по крайней мере, пока рана не заживет.

– Тут в одной статье мою мать сравнивают с боевиками “Аль-Каиды”.

– Да, сэр. Ужасные гадости. Несут что попало. В новостях. Кошмар.

– Что еще о ней пишут?

– Лучше вы сами почитайте.

– Ну хотя бы намекните.

– Видите ли, сэр, ситуация напряженная. Страсти накалились. Все, разумеется, считают, что это политический жест.

– Так что о ней говорят?

– Что она террористка, хиппи, радикалка и проститутка, сэр. Вот вам лишь один пример – гадкий, но очень показательный.

– Проститутка?

– Террористка, хиппи, радикалка, и – да, вы не ослышались, сэр, – проститутка. Вашу матушку, с позволения сказать, поносят последними словами.

– Но почему ее называют проституткой?

– Ее задерживали за проституцию, сэр. В Чикаго.

– Что-что?

– Задержали, но обвинение так и не предъявили. Считаю важным дополнить.

– В Чикаго.

– Да, сэр, в Чикаго, в шестьдесят восьмом. За несколько лет до вашего рождения, так что она вполне могла изменить свое поведение и прийти к Богу, и я об этом непременно упомяну, если дойдет до суда. Да, мы, разумеется, говорим о сексуальной проституции.

– Ну вот, видите? Это невозможно, в шестьдесят восьмом ее не было в Чикаго. Она была дома, в Айове.

– Наши документы свидетельствуют о том, что она провела в Чикаго месяц в конце шестьдесят восьмого года, сэр, когда училась в университете.

– Моя мать не училась в университете.

– Ваша мать его не закончила. Но она была в списке студентов Иллинойсского университета в Чикаго в осеннем семестре шестьдесят восьмого года.

– Неправда, мать выросла в Айове, там же закончила школу, а потом ждала, когда отец вернется из армии. Она никогда не уезжала из родного города.

– Наши документы свидетельствуют об обратном.

– Она впервые уехала из Айовы только в восьмидесятых годах.

– Наши документы, сэр, свидетельствуют о том, что она принимала активное участие в антивоенных демонстрациях шестьдесят восьмого года.

– Это решительно невозможно. Мама сроду не стала бы протестовать против чего бы то ни было – не такой она человек.

– Повторяю вам, сэр: это правда. Есть фотография. То есть фотодоказательство.

– Значит, вы обознались. Спутали ее с кем-то другим.

– Фэй, девичья фамилия Андресен, родилась в тысяча девятьсот пятидесятом году в Айове. Хотите, продиктую девять цифр ее номера социального страхования?

– Нет.

– А то у меня есть номер ее страховки.

– Нет.

– В общем, скорее всего, это она, сэр. Если только улики не докажут обратное и не выяснится, что это чудовищное совпадение, женщина в тюрьме, скорее всего, ваша мать.

– Ну ладно.

– Вероятность очень высока. Девяносто девять процентов. Ни малейших причин сомневаться. Скорее всего, это она, как бы вам ни хотелось верить в обратное.

– Понятно.

– Значит, отныне я называю женщину, которая сидит в тюрьме, вашей матерью. Мы ведь не будем больше об этом спорить?

– Нет.

– Как я уже говорил, едва ли вашу мать признают невиновной, поскольку против нее свидетельствуют, можно ска-

зять, неопровержимые улики. Нам остается лишь уповать на снисхождение суда и мягкий приговор.

– Ну а я-то здесь при чем?

– Вы можете дать показания о характере и моральном облике вашей матери. Напишите судье письмо, объясните, что ваша матушка ничем не заслужила того, чтобы ее посадили в тюрьму.

– С какой статьи судья должен мне верить?

– Скорее всего, он и не поверит. Тем более этот. Судья Чарльз Браун. Он же “Чарли”. Я не шучу, сэр, его действительно так зовут. В следующем месяце он должен был выйти на пенсию, но решил с этим повременить, чтобы участвовать в процессе над вашей матерью. Видимо, потому что дело громкое. Шум на всю страну. А еще почтенный Чарли Браун славится нелюбовью к делам, связанным с Первой поправкой. Он не очень-то терпим к инакомыслию, вот что я вам скажу.

– Но если он меня не слушает, к чему вообще писать ему письмо? Зачем вы мне позвонили?

– Потому что вы занимаете в некотором смысле почетную должность, вы довольно известны, и пока в фонде есть деньги, я испробую все возможные средства. Я своей репутацией дорожу.

– Что еще за фонд?

– Видите ли, сэр, в определенных кругах губернатор Шелдон Пэкер пользуется дурной славой. Некоторые считают

вашу матушку героиней, которая подрывает существующие политические устои.

– Из-за того, что она кинула камнем в губернатора.

– На одном из чеков, который я обналичил, было написано: “Отважному борцу с республиканским фашизмом”. Деньги на ее защиту текут рекой. Хватит на оплату моих услуг за четыре месяца.

– А что потом?

– Я верю, что нам удастся достичь соглашения раньше этого. Вы ведь нам поможете?

– С какой стати? Почему я должен ей помогать? Как это на нее похоже!

– Что именно, сэр?

– Вся эта страшная тайна: то, что она училась в университете, ходила на демонстрации протеста, попала под арест, – все, о чем я ни сном ни духом. Еще один секрет, о котором она мне не рассказывала.

– Наверняка у нее были на то свои причины, сэр.

– Мне нет до них никакого дела.

– Должен сказать, что ваша матушка отчаянно нуждается в вашей помощи.

– Я не буду писать письмо, и мне плевать, посадят ее или нет.

– Но это же ваша мать! Она вас родила и, как говорится, вскормила.

– Она бросила нас с отцом. Ушла, не сказав ни слова. И я

считаю, что с тех пор она мне больше не мать.

– И вы в глубине души никогда не надеялись с ней помириться? Не тосковали по маме, жизнь без которой так пуста и никчемна?

– Мне пора.

– Она вас родила. Целовала ваши бо-бо. Резала вам бутерброды на маленькие кусочки. Неужели вам не хочется, чтобы в вашей жизни был человек, который помнит день вашего рождения?

– Я кладу трубку. Прощайте.

6

Сэмюэл слушает, как свистит кофемашина в кафе аэропорта, взбивая пену для капучино, когда ему приходит первое письмо о Лоре Потсдам. От декана, той самой исследовательницы чумы. “Ко мне приходила ваша студентка, – пишет она, – с какими-то странными обвинениями. Это правда, что вы обозвали ее дурой?” Остаток письма Сэмюэл просматривает по диагонали, чувствуя, как его буквально засасывает в кресло. “Поражаюсь вашей бесцеремонности. Мне мисс Потсдам вовсе не показалась глупой. Я разрешила ей переписать работу, чтобы получить положительную оценку. Нам необходимо как можно скорее обсудить эту ситуацию”.

Он сидит в кофейне напротив того выхода, у которого примерно через пятнадцать минут начнется посадка на по-

луденный рейс в Лос-Анджелес. Сэмюэл встречается здесь с Гаем Перивинклом, своим редактором и издателем. По телевизору, который висит у Сэмюэла над головой, без звука крутят новости, где показывают, как его мать бросает камнями в губернатора Пэкера.

Он старается не смотреть на экран. Слушает звуки аэропорта: в кофейне выкрикивают имена посетителей, чей заказ готов, по громкой связи сообщают об угрозе террористических актов и о том, что нельзя оставлять вещи без присмотра, плачут дети, свистит пар, булькает молоко. Рядом с кофейней – чистка обуви: два высоких, как троны, кресла, у подножия которых сидит чистильщик, чернокожий паренек, и читает книгу. На чистильщике униформа сообразно его занятию: подтяжки, бейсболка, кепка газетчика – условный ансамбль начала двадцатого века. Сэмюэл ждет Перивинкла, который хочет почистить обувь, но не решается.

– Я белый в дорогом костюме, – поясняет Перивинкл, рассматривая чистильщика. – Он – меньшинство в ретро-наряде.

– И при чем тут это? – недоумевает Сэмюэл.

– Не нравится мне эта картинка. Противен сам образ.

Сегодня днем Перивинкл в Чикаго, но проездом в Лос-Анджелес. Его секретарь позвонил Сэмюэлу и сказал, что Перивинкл хочет с ним встретиться, но свободное время у него будет только в аэропорту. Поэтому секретарь купил Сэмюэлу билет в один конец до Милуоки, пояснив, что при

желании Сэмюэл, конечно, может туда полететь, но вообще это нужно лишь для того, чтобы охрана пропустила в аэропорт.

Перивинкл не сводит глаз с чистильщика обуви.

– Знаете, что самое противное? Камеры в мобильных телефонах.

– Мне никогда не чистили обувь.

– Нечего носить кроссовки, – не глядя на ноги Сэмюэла, бросает Перивинкл.

То есть за считанные минуты, которые они провели вместе в аэропорту, Перивинкл подметил и запомнил, что на Сэмюэле дешевые кроссовки. И наверняка обратил внимание на что-нибудь еще.

В присутствии Перивинкла Сэмюэл всегда чувствует себя примерно так: по сравнению с издателем он кажется себе невзрачным и убогим. Перивинкл выглядит на сорок, на деле же он ровесник отца Сэмюэла: ему лет шестьдесят пять. Время над ним не властно: с возрастом он становится только круче. Осанка у него царственная, держится Перивинкл прямо и чопорно – несет себя, точно дорогой подарок в красивой тугой обертке. Носы его строгих, похожих на итальянские туфель из тонкой кожи чуть загибаются кверху. Талия сантиметров на двадцать тоньше, чем у любого взрослого мужчины в аэропорту. Галстучный узел тугой и ладный, как желудь. Седеющие волосы острижены под машинку с идеальной точностью – ровно один сантиметр. Рядом с Перивин-

клом Сэмюэл всегда кажется себе огромным и неуклюжим. Готовая одежда велика примерно на размер и сидит мешком. Безупречный костюм Перивинкла облегает тело, подчеркивая чистые углы и прямые линии. Сэмюэл на его фоне еще больше похож на бесформенный пузырь.

Перивинкл точно прожектор высвечивает все чужие недостатки. Заставляет всерьез задуматься о том, какое ты производишь впечатление. Например, Сэмюэл всегда в кафе берет капучино. При Перивинкле же заказал зеленый чай. Потому что капучино показался ему слишком пошлым, и он решил, что зеленый чай поднимет его в глазах издателя.

А Перивинкл взял капучино.

– Лечу в Эл-Эй, – сообщил он. – На съемки нового клипа Молли.

– Молли Миллер? – уточнил Сэмюэл. – Певицы?

– Именно. Мы с ней работаем. Скажем так. Сейчас она снимает новый клип. Новый альбом. Cameo в ситкоме. На подходе реалити-шоу. И мемуары, из-за которых я туда и лечу. Рабочее название “Ошибки, которые я успела натворить”.

– Ей же что-то лет шестнадцать?

– Официально семнадцать. На самом деле двадцать пять.

– Да ладно!

– Да-да. Только никому не говорите.

– И о чем книжка?

– Трудно сказать. Книга должна быть оригинальной, но

в меру, чтобы не навредить имиджу, и при этом нескудной, потому что Молли у нас вроде как девушка гламурная. Книга должна быть достаточно умной, чтобы ее не назвали попсой и жвачкой для подростков, но не слишком, потому что подростки, разумеется, главная целевая аудитория. Ну и, конечно же, как в любых мемуарах знаменитостей, в ней непременно должно быть одно громкое признание.

– Непременно?

– А как же! Обязательно должно быть что-то, о чем мы расскажем газетам и журналам перед самым выходом книги, чтобы организовать шумиху. Что-нибудь пикантное, чтобы все заговорили. Я поэтому и еду в Эл-Эй. У нас мозговой штурм. Она как раз снимается в клипе. Выйдет через несколько дней. Песня совершенно идиотская. Припев такой: “Нужно из себя что-то представлять!”

– Легко запоминается. А с признанием вы уже определились?

– Я склоняюсь к невинной истории о лесбийской любви. Школьные эксперименты. Поцелуйчики с близкой подругой. В общем, чтобы и родителей не оттолкнуть, и заслужить одобрение радужного сообщества. Она уже завоевала любовь подростков, может, удастся покорить и геев? – Тут Перивинкл делает жест, как будто случился взрыв. – Ба-бах! – говорит он.

Именно Перивинкл помог Сэмюэлу добиться успеха. Перивинкл вывел его в люди, заключил с ним щедрый кон-

тракт на книгу. Сэмюэл тогда учился в колледже, а Перивинкл объезжал университеты по всей стране в поисках новых авторов – юных дарований, чьи имена можно было бы раскрутить. Он ухватился за Сэмюэла, прочитав один-единственный его рассказ. Перивинкл опубликовал этот рассказ в одном из самых популярных журналов. Потом заключил с Сэмюэлом договор на книгу, который принес ему заоблачный гонорар. Сэмюэлу лишь надо было эту книгу написать.

Чего он, разумеется, так и не сделал. Это было десять лет назад. Они с издателем встретились впервые за многие годы.

– Как дела в книжном бизнесе? – поинтересовался Сэмюэл.

– Книжный бизнес. Ха. Забавно. Дело в том, что я больше не занимаюсь собственно книгами. По крайней мере, в традиционном понимании. – Он достает из портфеля визитку. “Гай Перивинкл. Автор сенсаций”. Ни логотипа, ни контактной информации.

– Так что я теперь производством занимаюсь, – поясняет Перивинкл. – Выстраиваю проекты.

– Но не книги.

– И книги тоже, конечно. Но главным образом я отвечаю за сенсации. Интерес. Внимание публики. Соблазн. Книга лишь упаковка, контейнер. Вот что я понял. Те, кто занимается книжным бизнесом, полагают, будто их работа – делать хорошую упаковку. Это ошибка. Издатель, который говорит, что занимается книгами, все равно что винодел, ко-

торый “занимается бутылками”. На самом деле мы рожаем интерес. А книга – всего лишь форма, которую принимает сенсация, когда мы рассчитали, как лучше ее использовать.

В телевизоре наверху ролик про щебень для Шелдона как раз дошел до того момента, когда телохранители губернатора бросаются на мать Сэмюэла и вот-вот повалят ее на землю. Сэмюэл отворачивается.

– То, чем я занимаюсь, скорее можно назвать мультимедальной межплатформенной синергией, – вещает Перивинкл. – Мою компанию давным-давно поглотило другое издательство, которое, в свою очередь, поглотило еще более крупное издательство, и так далее, как на тех автомобильных наклейках с рыбами. Теперь нами владеет международная группа компаний, которая издает массовую литературу, занимается кабельным телевидением, радиовещанием, звукозаписью, кинопроизводством, политическими технологиями, имиджмейкерством, рекламой и пиаром, журналами, полиграфией и авторскими правами. И вроде бы еще перевозкой грузов. Помимо прочего.

– Как много всего.

– Ну а я что-то вроде центра циклона, вокруг которого крутятся все наши медийные дела.

Перивинкл поднимает глаза и смотрит ролик о нападении на Пэкера, который крутят в десятый раз. В окошечке с левой стороны экрана ведущий передачи, консерватор, что-то неслышно комментирует.

– Эй! – окликает Перивинкл бармена. – Сделайте погромче.

Миг – и появляется звук. Они слышат, как ведущий спрашивает, можно ли считать нападение на Пэкера единичным случаем или же это начало перемен.

– Ну разумеется, начало перемен, – откликается один из гостей. – Вот так и ведут себя либералы, когда их загонишь в угол. Они нападают.

– Все это очень напоминает Германию конца тридцатых годов, – произносит другой. – Сначала пришли за патриотами, но я молчал.

– Именно так! – вторит ему ведущий. – Если мы будем молчать, никто не вступится за нас, когда придут за нами. Пока не поздно, мы должны положить этому конец.

Все согласно кивают. Перерыв на рекламу.

– Ничего себе, – Перивинкл улыбается и качает головой. – Хотел бы я познакомиться поближе с той, что напала на Пэкера. Отличная вышла бы история, и рассказать нескучно.

Сэмюэл отпивает из чашки и ничего не отвечает. Чай перестоял и чуть горчит.

Перивинкл смотрит на часы, переводит взгляд на выход, возле которого уже топчутся пассажиры – еще не в очереди, но готовы, чуть что, броситься и занять в ней место.

– Как ваша работа? – спрашивает Перивинкл. – Все еще преподаете?

– Пока да.

– В том же... месте?

– Да, в том же университете.

– И сколько вы там получаете, тысяч тридцать в год? Так вот вам мой совет. Не возражаете?

– Нет, что вы.

– Сваливайте отсюда.

– Что?

– Поезжайте за границу. Выберите какую-нибудь уютенькую страну третьего мира и рубите бабки.

– Разве так можно?

– Еще бы, конечно. У меня так брат устроился. Работает в Джакарте учителем математики в школе и тренером по футболу. До этого жил в Гонконге. А еще раньше в Абу-Даби. Частные школы. В основном дети членов правительства и бизнес-элиты. Он там получает двести тысяч в год плюс оплата проживания плюс машина и личный шофер. Ваш университет оплачивает вам машину с личным водителем?

– Нет.

– Клянусь богом, любой недоучка, который решает остаться в Америке и преподавать, просто не в своем уме. В Китае, Индонезии, на Филиппинах, на Ближнем Востоке такого специалиста, как вы, с руками оторвут. Выбирай не хочу. В Америке учителя получают мало, работают за двоих, политики регулярно прохаживаются на их счет, а ученики не уважают. Там же вы будете настоящим героем. Вот вам

мой совет.

– Спасибо.

– И лучше бы вам его принять, потому что у меня для вас плохие новости.

– Что случилось?

Перивинкл глубоко вздыхает, кивает и, точно клоун, делает кислую мину.

– Мы, к сожалению, вынуждены разорвать с вами договор.

Вот это я и хотел вам сообщить. Вы обещали нам книгу.

– И я над ней работаю.

– Мы выплатили вам солидный аванс, а книгу вы нам так и не отдали.

– Вышла заминка. Маленький творческий кризис. Я скоро все допишу.

– По договору издательство имеет право потребовать возместить расходы, если книга не будет написана. В общем, вам придется вернуть нам деньги. Я хотел сообщить вам об этом лично.

– Лично. В кафе. В аэропорту.

– Разумеется, если вы не сможете отдать деньги, нам придется подать на вас в суд. На следующей неделе наша компания обратится в верховный суд штата Нью-Йорк.

– Но книга вот-вот будет готова. Я снова пишу.

– Рад за вас! Потому что мы отказываемся от всех прав на любые материалы, которые имеют отношение к вышеупомянутой книге, так что вы вольны делать с ней что угодно. Мы

желаем вам удачи.

– И на какую сумму вы собираетесь предъявить мне иск?

– Аванс плюс проценты и судебные издержки. Хорошая новость в том, что на вас мы ничего не потеряем, чего не скажешь о многих других наших вложениях. Так что не мучьте себя чувством вины. У вас ведь остались те деньги?

– Нет, конечно, откуда? Я дом купил.

– И сколько вы за него должны заплатить?

– Триста тысяч.

– А сейчас он сколько стоит?

– Тысяч восемьдесят.

– Ха! Такое могло быть только в Америке!

– Послушайте, мне ужасно стыдно, что я так затянул с книгой, но я вот-вот ее допишу, обещаю.

– Как бы помягче это сказать? В общем, нам уже не нужна эта книга. Мы заключали с вами договор в другом мире.

– Почему в другом?

– Ну, во-первых, о вас уже все забыли. Железо надо было ковать, пока горячо. А ваше железо, мой друг, давным-давно остыло. И дело не только в вас – сама страна изменилась. Ваша причудливая история о детской любви была уместна до событий 11 сентября, а сейчас... Сейчас она малость скучна и нелепа. Да и сами вы ничем не примечательны, уж не обижайтесь.

– Спасибо.

– Не поймите меня неправильно. Тот интерес, о котором

я говорю и которым занимаюсь, представляет один человек из миллиона.

– Боюсь, у меня не получится вернуть вам деньги.

– Вообще не проблема. Отдайте дом банку, скройте активы, объявите себя банкротом и езжайте жить в Джакарту.

Громкая связь, потрескивая, сообщает: “Пассажиры первого класса на рейс в Лос-Анджелес могут пройти на посадку”. Перивинкл разглаживает костюм.

– Это мне, – говорит он, залпом допивает кофе и встает. – Мне жаль, что так получилось. Правда. Лучше бы нам не пришлось доводить до такого. Может, у вас есть что предложить, что-нибудь интересное?

Сэмюэл знает: ему есть что им предложить. Кое-что ценное. Ничего другого у него для Перивинкла нет. Сейчас это вообще единственное, чем он может заинтересовать.

– А если я скажу вам, что у меня есть новая книга, – проносит Сэмюэл, – другая книга?

– Тогда я отвечу, что мы подадим против вас еще один иск. Потому что, когда по договору вы должны были писать книгу для нас, вы тайно работали над книгой для кого-то другого.

– Я еще над ней не работал. Пока что не написал ни слова.

– И каким боком это “книга”?

– А это и не книга. Скорее, проект. Хотите, расскажу?

– Хочу. Валяйте.

– Это нечто вроде откровенных мемуаров знаменитости.

– Так. И кто же эта знаменитость?

– Женщина, которая напала на Пэкера.

– Ага, как же. Мы прощупывали почву. Глухо. Она не хочет общаться ни в какую.

– А если я вам скажу, что это моя мать?

7

Значит, план таков. Они договариваются обо всем в аэропорту. Сэмюэл выполнит условия договора с издательством, написав книгу о матери – ее биографию, разоблачение, откровенные мемуары.

– Гнусная история о сексе и жестокости, – рассуждает Перивинкл, – написанная сыном, которого она бросила? Вот это я точно продам!

Книга расскажет о темном прошлом Фэй Андресен, участии в демонстрациях протеста, занятиях проституцией, о том, как она бросила семью, скрывалась и вышла из подполья лишь для того, чтобы напасть на губернатора Пэкера.

– Книгу выпустим перед выборами: так она будет лучше продаваться, – поясняет Перивинкл. – Пэкера надо будет представить американским героем. Таким народным мессией. Не возражаете?

– Нет.

– Кстати, эта часть у нас уже есть.

– В смысле – есть? – удивляется Сэмюэл.

– Про Пэкера. Ее уже написали. Все готово. Примерно сотня страниц.

– Разве так можно?

– Ну а почему нет, пишут же некрологи задолго до смерти знаменитостей. Вот и здесь то же самое. Мы работали над его биографией, и нам нужно было лишь определиться с тем, под каким соусом все это подать. Поэтому мы на время отложили ее в заглашник. Иными словами, половина вашей книги уже готова. Другая половина будет о вашей матери. Она, разумеется, выступает в роли злодея. Вы же это понимаете, так?

– Понимаю.

– И вы сможете об этом написать? У вас получится представить ее в черном цвете? Не возникнет проблем ни с моральной, ни с этической точки зрения?

– Я разделаю ее под орех у всех на виду. Уговор есть уговор. Я согласен.

И глазом не моргну, думает Сэмюэл: зачем щадить женщину, которая ушла, не сказав ни слова, никого не предупредив, оставила ребенка без матери. Боль и обида, копившиеся два десятка лет, наконец-то найдут выход.

Сэмюэл звонит адвокату матери и сообщает, что передумал. Говорит, что с радостью напишет письмо судье в ее поддержку и хотел бы пообщаться с ней, чтобы узнать главное. Адвокат диктует ему чикагский адрес матери и договаривается с ней о встрече на следующий день. Сэмюэл всю ночь

не спит, не находит себе места от волнения, все воображает, как увидит мать впервые с тех пор, как она ушла. Он не видел ее двадцать лет, а теперь должен за день подготовиться к встрече – как-то это нечестно.

Сколько раз он себе это представлял? Сколько сцен встречи после разлуки разыграл у себя в голове? И в каждой из тысяч, миллионов таких фантазий он неизменно доказывает матери, как умен и успешен. Он взрослый, солидный, зрелый человек. Умудренный опытом и счастливый. Он демонстрирует ей, что живет насыщенной жизнью, а о матери и думать забыл. Он показывает ей, что она ему *даром не нужна*.

В его мечтах мать всегда умоляет ее простить, а он не плачет. И так каждый раз.

Но как оно будет на самом деле? Сэмюэл понятия не имеет. Лезет в Гугл. До глубокой ночи сидит на сайтах для детей, которых бросили родители. Сайты пестрят жирным шрифтом, заглавными буквами, гифками с улыбающимися и хмурыми рожицами, медведями и ангелочками. Сэмюэл просматривает сайты, удивляясь больше всего тому, что у всех одни и те же проблемы: брошенные дети испытывают острое чувство стыда, вины и смятения, оставившего их родителя обожают и ненавидят одновременно, страдают от одиночества и саморазрушительного желания изолироваться от мира. Ну и так далее. Все равно что смотреть в зеркало. Ему показали все его тайные слабости, и Сэмюэл смутился. Из-за того, что другие испытывают те же чувства, что и он, Сэмюэл

кажется себе неоригинальным, заурядным, вовсе не той выдающейся личностью, которой должен быть, чтобы доказать матери ее ошибку.

Ближе к трем часам ночи Сэмюэл ловит себя на том, что добрых пять минут таращится на одну и ту же гифку – плюшевого мишку, который заключает кого-то в виртуальные объятия: медведь то разводит лапы в стороны, то сводит их, и так до бесконечности – предполагается, что зверь будто бы обнимает, но Сэмюэлу кажется, что мишка ехидно аплодирует, точно смеется над ним.

Сэмюэл уходит из-за компьютера и засыпает на несколько часов. Спит он беспокойно, на рассвете просыпается, принимает душ, выпивает почти целый кофейник кофе и садится в машину, чтобы ехать в Чикаго.

Город рядом, но последнее время Сэмюэл редко там бывает и теперь вспоминает почему: чем ближе он подъезжает к Чикаго, тем агрессивнее и злее ведут себя водители на дороге – снуют из ряда в ряд, подрезают, висят на хвосте, сигналият, мигают фарами, – словом, все их личные травмы на публике принимают небывалый масштаб. Сэмюэл ползет со всеми в медленном потоке ненависти. Его мучит неотвязная тревога, что перед нужным съездом не удастся перестроиться в крайний правый ряд. Стоит включить поворотник, как те, кто едет по соседней полосе, тут же ускоряются и не пускают его. Мало где в Америке люди ведут себя так недружелюбно, эгоистично и равнодушно, мало где они так слабо го-

товы жертвовать чем бы то ни было во имя общего блага, как в час пик на бесплатном шоссе в Чикаго. Чтобы в этом убедиться, достаточно понаблюдать за сотней машин в крайнем правом ряду, которые стоят в очередь на нужный Сэмюэлу съезд. Некоторые объезжают очередь и втискиваются в любую щелочку перед терпеливо ждущими водителями, те, разумеется, бесятся, и не только потому, что теперь придется ждать дольше: куда больше их злит, что этот козлина не стал ждать, как все, не мучился, как они, а еще к злости применяется глухое раздражение на самих себя за то, что стоят в очереди, как лохи.

Поэтому водители орут, показывают друг другу неприличные жесты и тормозят в считанных сантиметрах от бампера передней машины. Чтобы ни один умник не пролез. Они не пускают никого. Сэмюэл делает так же: ему кажется, что если он пропустит хоть кого-то вперед себя, то подведет всех, кто стоит за ним. Так что, как только очередь приходит в движение, он жмет на газ так, чтобы никому и щелочки не оставить. Так они ползут к съезду, пока Сэмюэл, заглядевшись в боковое зеркало, не собирается ли кто его подрезать, чуть притормаживает, так что между ним и передней машиной появляется просвет, тут же замечает, что по левой полосе его обгоняет какой-то наглый BMW, который как пить дать попробует втиснуться, нечаянно бьет по газам и чуть касается чужого бампера.

Такси. Водитель выскакивает из машины и орет: “Ах ты

мудак! Козлина! Сволочь!”, показывая пальцем на Сэмюэла, как будто хочет подчеркнуть, что это именно он, Сэмюэл, и никто другой, мудак, козлина и сволочь.

– Извините! – вскидывает руки Сэмюэл.

Очередь останавливается, водители задних машин стонут, давят на клаксоны, кричат от усталости и раздражения. В просвет перед такси, пользуясь заминкой, тут же устремляются ловкачи. Таксист подходит к закрытому окну Сэмюэла и говорит: “Я тебе сейчас жопу на тряпки порву, слышь ты, мудила!”

И харкает на стекло.

Всем телом отклоняется назад, как будто хочет придать плевку хорошее ускорение, и извергает изо рта склизкий комочек, который шлепается Сэмюэлу на стекло и прилипает – не стекает вниз, а висит, как макаронина на стене. Желтоватая пузырчатая харкотина с крошками пережеванной пищи и жуткими каплями крови, похожая на зародыш в яйце. Таксист, довольный собой, садится в машину и уезжает.

Остаток пути до района Саут-Луп, где живет мать, комок из слизи и соплей на стекле сопровождает Сэмюэла, точно пассажир. Такое ощущение, будто Сэмюэл едет с убийцей и боится лишний раз встретиться с ним взглядом. Он ловит краем глаза мутную белесую расплывчатую полутень, съехав с шоссе на узкую улочку, где в сточных канавах тут и там валяются пакеты и пластиковые стаканчики из фастфудов, минует автовокзал и заросший сорняками пустырь, где, по-

хоже, планировали возвести многоэтажный дом, но забросили стройку, едва заложили фундамент, переезжает через мост, под которым ветвится железная дорога, некогда обслуживавшая здешние многочисленные бойни, к югу от центра Чикаго – отсюда отлично виден небоскреб, прежде считавшийся самым высоким зданием на свете, здесь, в одном из самых оживленных мясоперерабатывающих районов в мире, – и направляется к дому матери, бывшему складу возле железнодорожных путей с огромной вывеской “СДАЮТСЯ ЛОФТЫ” наверху, и все время, пока он рулит по этому квартальчику, внимание Сэмюэла приковано к липкому пятну на стекле. Поразительно, как оно держится, – точно эпоксидный клей, которым чинят пластмассу. Сэмюэла умиляет сила человеческого организма. И пугает этот район. На улицах буквально ни души.

Сэмюэл паркует машину и сверяет адрес. У двери подъезда висит домофон. Рядом с ним на полоске пожелтевшей бумажки линиялыми светло-розовыми чернилами написано имя его матери: Фэй Андресен.

Он нажимает на звонок, который не издает ни звука, и Сэмюэл решает, что тот – старый, ржавый, с торчащими проводами – должно быть, сломан. Кнопка напротив фамилии его матери застревает на миг, прежде чем податься с громким щелчком, и Сэмюэл понимает, что на нее давно никто не нажимал.

Его осеняет, что мать тут давно, что она жила здесь все эти

годы. Ее имя было здесь на полоске залитой солнцем бумаги, у всех на виду. Сэмюэлу это кажется неприемлемым. После ухода мать должна была перестать существовать.

Дверь открывается с тяжелым стуком, как будто железо прилипло к магниту.

Он входит в подъезд. Внутри, за пределами тамбура и вестибюля с рядами почтовых ящиков, здание выглядит недостроенным. Плитка на полу вдруг сменяется настилом. Кажется, что стены не побелили, а только загрунтовали. Сэмюэл поднимается на три лестничных марша. Находит дверь – голую деревянную дверь, некрашеную, неполированную, словно только что из строительного магазина. Он и сам не знает, чего ожидал, но уж точно не этой пустоты. Не такой безликой двери.

Он стучит в дверь. Изнутри доносится голос. Это голос его матери:

– Открыто, – говорит она.

Он толкает дверь. Из коридора видно, что квартира залита солнцем. Голые белые стены. Смутно знакомый запах.

Он мнетя на пороге. Не может заставить себя войти в дверь, вернуться в мамину жизнь. Спустя миг она произносит откуда-то из глубин квартиры:

– Ну давай, – говорит мать. – Не бойся.

Он едва не ломается, услышав эти слова. Нахлынули воспоминания, и Сэмюэл увидел, как мама пасмурным утром сидит у его постели. Ему одиннадцать лет, скоро она уйдет

и никогда не вернется.

Эти слова прожигают его насквозь. Десятилетия спустя воскрешают в памяти робкого мальчишку, каким он когда-то был. “Не бойся”. Это было последнее, что ему сказала мама.

Часть вторая. Призраки прежней жизни

Август 1988 года

1

Сэмюэл плакал в своей комнате – тихонько, чтобы не услышала мама. Даже еще не плакал, а ходил на цыпочках вокруг настоящего плача: так, чуть хныкал, прерывисто дышал и кривил лицо. Это был плач первой категории: легкий, почти незаметный, приносящий облегчение, очистительный, когда слезы наворачиваются, но еще не текут по щекам. Плач второй категории обычно вызывали эмоции – смущение, стыд, разочарование. Поэтому первая категория могла смениться второй от одного лишь чужого присутствия: Сэмюэл стыдился своих слез, того, что он такой плакса, и заходил уже всерьез – заливался слезами, всхлипывал, шмыгал носом. Но даже такому плачу было далеко до третьей категории, когда он принимался реветь в голос, из глаз катились слезы размером с дождевые капли, из носа текли сопли, он судорожно вздыхал и инстинктивно искал, куда бы спрятаться. Четвертая категория превращалась в истерику, а о пятой было страшно подумать. Классификацию плачей ему

подсказал школьный психолог – по аналогии с категориями ураганов.

В тот день ему хотелось выплакаться. Он сказал маме, что пойдет к себе почитать: это было в порядке вещей. Большую часть времени Сэмюэл просиживал в своей комнате один-одинешенек с очередной книгой-игрой из серии “Выбери приключение”, купленной в передвижном книжном. Ему нравилось, как книги смотрелись на полке, все вместе, однотипные, с бело-красными корешками и заголовками вроде “Затерянные на Амазонке”, “Путешествие в Стоунхендж” и “Планета драконов”. Ему нравились расходящиеся тропинки в книгах, и когда нужно было принять очень трудное решение, мальчик закладывал страницу большим пальцем и читал, что будет дальше, чтобы убедиться, можно ли так поступить. В книгах были ясность и симметрия, которых так не хватало в действительности. Иногда он представлял, что его жизнь – одна из книг серии “Выбери приключение”, и чтобы история сложилась удачно, нужно всегда делать правильный выбор. Это помогало упорядочить непредсказуемый и зыбкий мир, который в большинстве случаев пугал Сэмюэла.

Он сказал маме, что почитает, на самом же деле залился плачем первой категории, который так хорошо успокаивал. Сэмюэл и сам не знал, почему плачет: было в атмосфере дома нечто такое, отчего тянуло спрятаться.

Последнее время, думал Сэмюэл, дома стало невыносимо.

Дом, как ловушка, удерживал все, что в него проникало: зной летнего дня, запах их собственных тел. Августовская жара обволакивала, Иллинойс плавился под солнцем. Все горело. Воздух стыл, точно густой клей. Свечи оплывали. Стебли гнулись под тяжестью цветов. Все увядало. Все чахло.

Стоял август 1988 года. Впоследствии Сэмюэл будет вспоминать этот месяц как последний, проведенный с матерью. К концу августа она исчезнет. Но он этого пока что не знал. Чувствовал лишь, что хочется плакать по совершенно определенным абстрактным причинам: жарко, страшно, и мама как-то странно себя ведет.

Он ушел к себе. И плакал, чтобы все прошло.

Но мама слышала, что он плачет. Стояла такая тишина, что она слышала, как сын плачет наверху. Мама открыла дверь в его комнату и спросила: “Солнышко, что с тобой?”, отчего он расплакался еще сильнее.

Она знала, что в такие минуты ни в коем случае нельзя говорить: “Ну вот, слезы в три ручья”, а лучше вообще никак не реагировать, потому что иначе сын будет реветь без остановки, и кончится все это – как бывало не раз, когда ей не удавалось скрыть раздражения из-за его затяжного плача, – тем, что он начнет задыхаться, рыдать в голос и долго не сможет утешиться. Поэтому она произнесла так ласково, как только могла:

– Что-то есть хочется. Ты не проголодался? Поехали пе-

рекусим.

Мамины слова немного успокоили Сэмюэла, так что он согласился переодеться и сел в машину практически без слез – лишь икота напоминала о недавнем плаче. Они приехали в кафе, Фэй увидела рекламу “Купи два гамбургера, получи третий в подарок” и сказала: “Отлично, возьмем гамбургеры. Будешь гамбургер?” Сэмюэл, всю дорогу мечтавший о куриных наггетсах с горчичным соусом, испугался, что если не согласится, то расстроит маму. Он кивнул и остался ждать в раскаленной машине, пока Фэй ходила за бургерами. Мальчик пытался уговорить себя, что на самом деле хотел гамбургер, но чем больше он думал об этом, тем отвратительнее ему казался этот бургер: черствая булка, прокисшие огурцы и лук, порезанный ровными кольцами толщиной с дождевого червя. Мать еще не вернулась, а его уже тошнило при мысли о гамбургере. По дороге домой он изо всех сил сдерживал подступавшие слезы, но мама услышала, как он шмыгает носом, спросила: “Что с тобой, солнышко?”, Сэмюэл выдавил “Не хочу бургер!” и зашелся оглушительным ревом третьей категории.

Фэй молча развернула машину. Сэмюэл всхлипывал, уткнувшись лицом в нагретое пассажирское сиденье.

Дома они молча поели. Сэмюэл с мамой сидели на жаркой кухне. Развалясь на стуле, мальчик дожевывал последний кусок курицы. Окна были распахнуты настежь в надежде хоть на какой-нибудь ветерок, но стояла тишь. Вентиля-

торы гоняли по дому горячий воздух. Сэмюэл с мамой смотрели, как под потолком описывает круги муха – единственная в комнате, кто подавал признаки жизни. Муха врезалась в стену, потом в сетку на окне, а потом вдруг ни с того ни с сего упала. Насекомое стукнулось о кухонный стол, точно стеклянный шарик.

Сэмюэл с мамой посмотрели сперва на крохотное черное тельце, лежавшее на столе, потом друг на друга. “Неужели это не сон?” Сэмюэл скривился от страха. Вот-вот расплчется. Нужно было его срочно отвлечь. Маме пришлось вмешаться.

– Пошли погуляем, – предложила Фэй. – Возьми свою машинку. Положи в нее девять любимых игрушек.

– Зачем? – он уставился на нее круглыми, испуганными, блестящими от слез глазами.

– Делай, что я говорю.

– Ладно, – согласился он, и на пятнадцать минут Фэй удалось его отвлечь.

Ей казалось, что ее главная материнская задача в том, чтобы отвлекать внимание Сэмюэла. Только он соберется расплакаться, как она тут же что-то придумывает, чтобы его успокоить. Почему именно девять игрушек? Потому что Сэмюэл был педантичен, маниакально бережлив и аккуратен, любил во всем порядок: например, держал под кроватью обувную коробку с десятью любимыми игрушками. Обычно там лежали фигурки персонажей “Звездных войн” и моде-

ли автомобилей. Время от времени он перебирал игрушки, заменяя одни на другие. Но коробка неизменно стояла под кроватью. И Сэмюэл всегда помнил, какие в ней сейчас любимые игрушки.

Фэй попросила его взять девять игрушек, потому что ей было интересно: какую же из них он оставит дома?

Сэмюэл не спрашивал себя, для чего это нужно. Почему именно девять игрушек? Зачем вообще брать их на улицу? Ему дали задание, и он его выполнял. Его не заботило, что в приказе нет логики.

Фэй расстроилась, что сына так легко обдурить.

Ей очень хотелось, чтобы он был похитрее. Чтобы не давал обвести себя вокруг пальца. Чтобы почаще огрызался. Ей хотелось, чтобы он был упрямее, задиристее. Но Сэмюэл не такой. Он всегда делал, что ему говорят. Как маленький робот-бюрократ. Фэй смотрела, как Сэмюэл пересчитывает игрушки, выбирает, которого из двух Люков Скайуокеров взять с собой – то ли с биноклем, то ли со световым мечом, – и думала, что должна бы гордиться сыном. Тем, что он такой внимательный и нежный ребенок. Но у его нежности была обратная сторона: ранимость. Чуть что, сразу в слезы. Расстраивается из-за всякой ерунды. Тонкокожий, как виноград. Она же, в свою очередь, порой обходилась с ним слишком сурово. Ее раздражало, что он так всего боится. Ей не нравилось видеть в нем, как в зеркале, собственные недостатки.

– Мамочка, я готов, – сказал Сэмюэл.

Фэй насчитала в кузове его машинки восемь игрушек: оказывается, обоих Люков Скайуокеров он оставил дома. Но игрушек оказалось всего восемь, а не девять. Он не выполнил один-единственный простейший приказ. Фэй уже и сама не понимала, чего хотела от сына. Она злилась, когда он слепо ее слушался, но сейчас она злилась из-за того, что он ее не послушал. Ей показалось, что она сходит с ума.

– Пошли, – проговорила Фэй.

Снаружи стояла невообразимая тишь и липкая жара. Ни ветерка, лишь марево над крышами и асфальтом. Они шагали по широкой улице, которая вилась по их микрорайону, там и сям ветвясь на короткие тупики. Квартал казался безликим. Повсюду выгоревшая до хруста трава на газонах, ворота гаражей и дома, построенные по одним и тем же проектам: на заднем плане входная дверь, а гараж – на переднем, как будто дом пытался спрятаться за гаражом.

Однообразные гладкие бежевые ворота гаражей, казалось, воплощали сущность пригородов, их тоску и одиночество, размышляла Фэй. Широкое крыльцо выпускает в мир, а гаражные ворота от него отрезают.

Как она вообще здесь оказалась?

Из-за мужа, вот как. Это Генри привез их на улицу Оукдейл-лейн в Стримвуде, одном из множества неразличимых пригородов Чикаго. До этого они сменили немало тесных квартир на две спальни в глухих агропромышленных угол-

ках Среднего Запада, пока Генри карабкался по служебной лестнице в выбранной сфере деятельности: производство готовой замороженной еды. В конце концов они осели в Стримвуде, и Генри заявил, что отсюда они уже не сдвинутся, поскольку за такую должность стоит держаться: он стал заместителем вице-президента по исследованиям и разработкам в подразделении замороженных продуктов. В день переезда Фэй сказала: “Ну вот, похоже, и все”, потом повернулась к Сэмюэлу и добавила: “Видимо, здесь пройдет твое детство”.

Тоже мне Стримвуд¹², думала Фэй, шагая по улице. Ни лесов, ни ручьев.

– Все-таки эти гаражные ворота... – проговорила она, обернулась и увидела, что Сэмюэл уставился на асфальт перед собой. Он так увлеченно его рассматривал, что не слышал ее слов.

– Да и бог с ним, – сказала она.

Сэмюэл тянул за собой машинку, и ее пластмассовые колеса тарахтели по тротуару. Иногда под колесо попадал камешек, машинка резко останавливалась, и Сэмюэл чуть не падал от рывка. Каждый раз, как это случалось, ему казалось, что он огорчает маму, поэтому вглядывался в тротуар, отпихивал с дороги камешки, кусочки мульчи и коры, стараясь не бить по ним слишком сильно, чтобы ботинок не за-

¹² Название «Стримвуд» (*Streamwood*) состоит из двух английских слов: *stream* (река, ручей) и *wood* (лес).

стрял в какой-нибудь трещине и он не упал, ни обо что не споткнувшись, а просто неправильно поставив ногу: Сэмюэл боялся, что это тоже огорчит маму. Он старался не отставать от нее, поскольку, если отстанет и ей придется ждать, пока он ее догонит, она может расстроиться, но и шагать так быстро он тоже не мог, ведь тогда какая-нибудь из восьми игрушек вывалится из кузова, и мама уж точно расстроится из-за его неуклюжести. Так что ему приходилось стараться идти в правильном темпе, чтобы не отстать от мамы, а там, где асфальт неровный или с трещинами, замедлять шаг, и смотреть под ноги, чтобы не наступить на какой-нибудь мусор и отбросить его с дороги, при этом не споткнувшись, и если бы у него все это лучше получалось, день был бы удачнее. Нужно постараться все исправить. Поменьше разочаровывать маму. Загладить вину за то, что случилось сегодня, когда он опять разревелся, как малыш.

Теперь ему было стыдно за себя. Он понимал, что вполне мог бы съесть бургер, что устроил истерику на пустом месте, что бургер наверняка оказался бы вкусным. Его мучила вина за случившееся. И то, что мама просто развернула машину, вернулась в кафе и купила ему куриные наггетсы, казалось Сэмюэлу героическим и добрым поступком. Ему вот никогда не стать таким добрым. Потому что он эгоист. Стоит ему зареветь, как он тут же получает свое, хотя плачет вовсе не специально. Сэмюэл гадал, как объяснить маме: будь это в его силах, он бы никогда больше не пролил ни слезинки и

ей не пришлось бы часами его успокаивать или потакать его глупым капризам.

Ему хотелось сказать ей об этом. Он пытался подобрать слова. Мама же смотрела на деревья. На дуб, который рос у соседа во дворе. Ветки дуба высохли и уныло склонились до земли, как и вся растительность в округе. Листья выгорели до янтарной желтизны. Стояла такая тишина, что не было слышно ни звука: ни звона китайских колокольчиков, ни пения птиц, ни лая собак, ни детского смеха. Мама разглядывала верхушку дерева. Сэмюэл остановился и тоже уставился туда.

– Видишь? – спросила мама.

Сэмюэл не понял, что именно он должен был увидеть.

– Дерево? – уточнил он.

– Почти на самом верху. Видишь? – она показала, куда нужно смотреть. – Вон там. Листик.

Сэмюэл посмотрел, куда указывала мама, и заметил одинокий лист, не похожий на остальные. Зеленый, мясистый, он стоял прямо и трепетал, точно на сильном ветру, бился пойманной рыбкой. Единственный из всех листьев на дубе. Остальные застыли в неподвижном воздухе. Повсюду в окрестностях стояла тишь, а этот лист дрожал как одержимый.

– Знаешь, что это такое? – проговорила мама. – Это призрак.

– Правда? – спросил Сэмюэл.

– В этот листик вселилась чья-то душа.

– А разве душа может вселиться в листик?

– Во что угодно может. И в листик тоже.

Сэмюэл смотрел, как листик вертится, точно его привязали к воздушному змею.

– А почему он так крутится? – спросил он.

– Это чья-то душа, – пояснила мама. – Мне папа рассказывал. Старая легенда. Он ее слышал еще в детстве, в Норвегии. Это душа того, кто для рая оказался слишком плох, а для ада – слишком хорош. Вот и застрял посередине.

Сэмюэл раньше не думал, что так бывает.

– Он не знает покоя, – продолжала мама. – И хочет вырваться отсюда. Может, он был хорошим человеком и совершил один-единственный плохой поступок. Или за ним водилось множество грехов, но он в них раскаялся. А может, он и не хотел плохо себя вести, но не сумел с собой справиться.

Тут Сэмюэл снова разревелся. Лицо его скривилось, по щекам ручьем побежали слезы. Потому что он постоянно совершал плохие поступки. Фэй, увидев, что сын плачет, зазмурилась, потерла пальцами виски и закрыла лицо рукой. Сэмюэл понял, что исчерпал мамино терпение, она больше не выдержит, и плакать из-за плохих поступков – тоже плохой поступок.

– Солнышко, – наконец произнесла мама, – почему ты плачешь?

Ему хотелось объяснить, что больше всего на свете он

мечтает никогда не плакать. Но Сэмюэл не смог этого сказать. Он лишь выдавил сквозь слезы и сопли нечто невразумительное:

– Я не хочу стать листиком!

– Как тебе такое в голову взбрело? – изумилась Фэй.

Она взяла сына за руку и потащила домой. Тишину квартала нарушали только всхлипы Сэмюэла да тарактенье колес его машинки. Фэй отвела его в детскую и велела убрать игрушки.

– Между прочим, я просила тебя взять девять игрушек, – заметила она. – А ты взял только восемь. В следующий раз постарайся быть внимательнее.

Она сказала это с такой досадой, что Сэмюэл разревелся еще пуще, так сильно, что не мог вымолвить ни слова, иначе объяснил бы маме: он взял только восемь игрушек, потому что девятой был сам грузовик.

2

Папа Сэмюэла настаивал на том, что воскресный вечер нужно проводить “в кругу семьи”, и они обязательно ужинали вместе: собирались втроем за столом на кухне, и Генри мужественно пытался поддержать разговор. Ели они обычно блюда из специального служебного холодильника, где хранились опытные и пробные образцы. Эти были смелее, экзотичнее: манго вместо печеных яблок, сладкий картофель

вместо обычного, свинина в кисло-сладком соусе вместо стейка на косточке. Попадались там и продукты, на первый взгляд, не предназначенные для заморозки: например, сэндвичи с лобстером, горячие сэндвичи с сыром или салатом из тунца.

– А знаете, что самое интересное? – спрашивал Генри. – Почти никто не покупал готовые блюда, пока в “Свонсон”¹³ не назвали их “телеужином”. Торговали ими десять лет, потом сменили название на “телеужин” – и продажи взлетели.

– Угу, – буркала Фэй, не поднимая глаз от куриной отбивной с ветчиной и сыром.

– Как будто все только и ждали, чтобы им позволили есть перед телевизором. То есть людям и самим этого хотелось, но нужно было, чтобы кто-то другой разрешил.

– Все это, конечно, безумно интересно, – говорила Фэй таким тоном, что Генри тут же замолкал.

Они ели молча, пока наконец Генри не отважился спросить, чем бы им хотелось заняться вечером, Фэй отвечала, чтобы он шел смотреть телевизор, Генри предлагал ей сделать это вместе, но она отнекивалась: мол, еще надо убрать посуду, кое-что помыть, “так что иди, смотри без меня”. Генри вызывался ей помочь, Фэй отказывалась – вот еще, будешь путаться у меня под ногами, – тогда он говорил: может, ты отдохнешь, а я сам все уберу, и Фэй вставала из-за стола, бросив раздраженно: “Да ты даже не знаешь, где что лежит”.

¹³ Компания *C. A. Swanson & Son* производит замороженные полуфабрикаты.

Генри впивался в нее таким взглядом, как будто что-то хотел сказать, но в последний момент сдержался и промолчал.

Сэмюэл полагал, что мама с папой подходят друг другу не больше, чем ложка и мешок для мусора: странно, что они вообще женаты.

– Можно я уже пойду? – спросил мальчик.

Генри с обидой смотрел на сына.

– Мы же собирались провести вечер в кругу семьи, – отвечал он.

– Иди, – разрешила Фэй.

Сэмюэл соскочил со стула и побежал на улицу. Его охватило привычное желание – спрятаться от всех. Так он чувствовал себя всякий раз, как ему передавалось царившее в доме напряжение. Он прятался в роще – скорее даже рощице, тянувшейся вдоль мутного ручейка, который протекал позади их микрорайона. Несколько коротких деревьев, росших в грязи. Прудик глубиной в лучшем случае по пояс. Ручеек, куда сливали все стоки микрорайона, так что после дождя вода подергивалась разноцветной маслянистой пленкой. В общем, выглядела рощица жалко. Но спрятаться за деревьями было можно. За ними Сэмюэла не было видно.

Если бы его спросили, чем он там занимается, он бы ответил: “Играю”, хотя едва ли это можно было назвать игрой. Сэмюэл сидел на траве в грязи, спрятавшись за листвой, подбрасывал в воздух кленовые вертолетики и смотрел, как они, кружась, опускаются на землю.

Он рассчитывал побыть у ручья часок-другой, пока не придет пора ложиться спать. Сэмюэл искал укрытие, какую-нибудь уютную ямку, где его уж точно никто не заметит. Местечко, где можно спрятаться, накрывшись ветками. Сэмюэл собирал подходящие ветки и прутья, как вдруг, когда он копался в сухих листьях и желудях под дубком, у него над головой что-то хрустнуло. Ветки затрещали, дерево зашкрипело, и не успел Сэмюэл поднять глаза, как сверху кто-то прыгнул и со стуком приземлился перед ним. Мальчишка, не старше Сэмюэла, выпрямился и впился в него взглядом. Глаза у незнакомца были зеленые, как у кошки. Он был не выше и не крупнее Сэмюэла, и уж точно не сильнее, однако присутствие его ощущалось почти физически. Казалось, мальчишка *заявлял о себе*. Он подошел ближе. Лицо у него было узкое, вытянутое; лоб и щеки перемазаны кровью.

Сэмюэл выронил ветки. Ему хотелось убежать. Он велел себе бежать. Мальчишка шагнул к нему и вынул из-за спины нож, тяжелый серебристый тесак, каким мать Сэмюэла обычно резала мясо с костями.

Сэмюэл разревелся.

Стоял как вкопанный и рыдал, покорясь неизбежному: будь что будет. Он сразу зашелся плачем третьей категории: заливался слезами, беспомощно всхлипывал, чувствуя, как морщится лицо, как глаза вылезают из орбит, словно кто-то сзади тянет кожу на себя. Мальчишка стоял совсем рядом, и Сэмюэл видел, что кровь на его лице влажно блестит на

солнце, капелька крови ползет по щеке вниз, к подбородку, спускается по шее под футболку. Сэмюэла даже не интересовало, откуда взялась эта кровь: он плакал навзрыд от одного лишь ее жуткого вида. Волосы у парнишки были короткие, с рыжиной, взгляд мертвый, непроницаемый, лицо в веснушках. Казалось, он владеет телом, как спортсмен, и так же хладнокровен. Мальчишка медленно и плавно занес нож над головой, точно маньяк, готовый поразить жертву.

– Вот это и называется удачной засадой, – произнес он. – На войне тебя бы уже убили.

Сэмюэл испустил вопль, который вобрал в себя все его горе и отчаяние – громкий крик о помощи.

– Фууу, – протянул мальчишка. – Ты такой урод, когда реवेशь. – Он опустил нож. – Я пошутил. Видишь? Все в порядке.

Но Сэмюэл не мог успокоиться. Его била истерика.

– Ну и ладно, – продолжал незнакомец. – Не хочешь, не отвечай.

Сэмюэл вытер нос рукой, размазав сопли по щеке.

– Пошли, чего покажу, – сказал мальчишка.

Он повел Сэмюэла к ручейку, а потом еще немного по берегу, к поваленному дереву у пруда. Между корнями дерева и землей образовалось углубление.

– Смотри, – он указал Сэмюэлу на импровизированный аквариум, который устроил в углублении. В аквариуме были лягушки, змея и рыбка.

– Видал? – спросил мальчишка.

Сэмюэл кивнул. Он заметил, что змея без головы. У лягушек вспорото брюхо или проткнута ножом спина. Их там было восемь или девять, все дохлые, кроме одной, которая сучила в воздухе лапами, точно ехала на велосипеде. Головы у рыб были отрезаны по жабры. Все эти дохлые твари валялись в кровавой слизи, скопившейся на дне аквариума.

– Надо будет их поджечь, – сообщил мальчишка. – Зажигалкой и спреем от комаров. Знаешь, как это делается?

Незнакомец жестами показал, как именно: щелкнул невидимой зажигалкой и прыснул на нее.

– Садись, – сказал он. Сэмюэл сел, как ему велели. Парнишка окунул два пальца в кровь.

– Сейчас мы из тебя сделаем настоящего солдата, – пояснил он и помазал лицо Сэмюэла кровью: две полосы под глазами и одна на лбу.

– Ну вот, – подытожил мальчишка, – теперь ты один из нас. – Он воткнул нож в грязь, так что тот встал торчком. – Теперь для тебя начнется настоящая жизнь.

3

Солнце садилось, дневная жара спадала, из леса летели с жужжанием стаи комаров. Двое грязных и мокрых мальчишек вышли на опушку. Сэмюэл здесь никогда раньше не был: они шагали из его микрорайона в соседний, Венеци-

анскую деревню. На лбу и щеках у ребят блестели мокрые полосы: они смыли лягушачью кровь водой из пруда. Мальчишки были одного роста, возраста и телосложения (невысокие, одиннадцати лет, худые и крепкие, как туго натянутые веревки), но каждому, кто их видел, было ясно, кто тут заводи́ла. Нового знакомого Сэмюэла звали Бишоп Фолл: это он прыгал с дерева, сидел в засаде, убивал лягушек. Он рассказал Сэмюэлу, что в один прекрасный день станет генералом армии США.

– Долг, честь, отчизна, – пояснил он. – Отпор врагам. Вот мой девиз.

– Каким врагам? – уточнил Сэмюэл, оглядываясь по сторонам: ему никогда прежде не приходилось видеть таких больших домов, как в Венецианской деревне.

– Всем, какие будут, – ответил Бишоп. – Ура!

После военной академии он хотел поступить на службу – сперва лейтенантом, потом стать майором, затем полковником и, наконец, в один прекрасный день дорасти до генерала армии.

– У генерала армии категория допуска выше, чем у президента, – сообщил Бишоп. – Я узнаю все секреты.

– А мне расскажешь? – попросил Сэмюэл.

– Нет. Это же государственная тайна.

– Я никому не скажу.

– Национальная безопасность. Извини.

– Ну пожалуйста.

– Ни за что.

Сэмюэл кивнул.

– Ты будешь хорошим военным.

Оказалось, что Бишоп будет учиться вместе с Сэмюэлом в шестом классе местной начальной школы, потому что его недавно выгнали из частной школы, Академии Святого сердца, – как объяснил Фолл, за то, что “мне на все насрать”: это означало, что он слушал AC/DC в плеере, послал на хер одну из монахинь и дрался со всеми желающими, даже с мальчишками из старших классов, даже со священниками.

Академия Святого сердца, католическая przygotowatелъная средняя школа, была единственным учебным заведением в округе, где учились те дети, чьи родители хотели, чтобы их чада поступили в один из элитарных университетов Восточного побережья. Все родители Венецианской деревни отправляли детей учиться в Академию. Сэмюэлу прежде никогда не доводилось бывать в Венецианской деревне, но иногда во время долгих велосипедных прогулок он проезжал мимо медных парадных ворот три метра высотой. За воротами скрывались просторные виллы в романском стиле, с плоскими черепичными крышами и круговыми подъездными дорожками вокруг внушительных фонтанов. Расстояние между домами равнялось как минимум футбольному полю. В каждом дворе – бассейн. На подъездных дорожках – диковинные спортивные автомобили, или гольфкары, или и те, и другие. Сэмюэл попытался представить, кто здесь может

жить: не иначе как телезвезды или профессиональные бейсболисты. Но Бишоп назвал обитателей Венецианской деревни “офисными занудами”.

– Вон у того, – Бишоп указал на одну из вилл, – страховая компания. А этот, – он ткнул пальцем на другую, – кажется, управляет банком.

В Венецианской деревне было девятнадцать домов, каждый по стандартному проекту: три этажа, шесть спален, четыре полноценных санузла, три туалета с умывальником или душем, мраморные столешницы на кухне, винный погреб на пятьсот бутылок, лифт, окна из ударопрочного стекла, выдерживавшего ураган, тренажерный зал, гараж на четыре машины, все площадью полторы тысячи квадратных метров, в каждом доме пахнет корицей из-за специального ароматизированного клея, который использовали при строительстве. Для семей, опасавшихся, что у них окажется не самый красивый дом в квартале, однотипность служила веским доводом в пользу покупки. Агенты по недвижимости любили повторять, что в Венецианской деревне нет нужды “быть не хуже других”, несмотря на то что каждая обитавшая здесь семья в прежнем своем районе считалась лучше других. Место в иерархии обозначали иными способами: устраивали на заднем дворе беседки, двухэтажные застекленные веранды и даже теннисные корты с искусственным освещением и грунтовым покрытием. Выстроены все дома были по одному проекту, а вот оборудованы каждый по-своему.

К примеру, у одной из вилл, возле которой остановился Бишоп, на заднем дворе была гидромассажная ванна с морской водой.

– Здесь живет директор Святого сердца, – пояснил Бишоп. – Жирдяй сраный.

Мальчишка схватил себя за причинное место, показал дому средний палец и подобрал камешек, валявшийся в сточной канаве.

– Смотри, – сказал он Сэмюэлу и запустил камнем в дом директора.

Все случилось так быстро, что они и опомниться не успели. Вот уже камень в воздухе, они провожают его глазами, все как будто замедляется на мгновение, и мальчишки понимают, что он непременно попадет в дом и с этим уже ничего не поделать. Камень несясь вперед на фоне огненно-красного неба, и где он приземлится, зависело только от времени и гравитации. Наконец, описав дугу, он полетел вниз, едва не зацепив ярко-зеленый “ягуар” директора на подъездной дорожке, и гулко стукнул в алюминиевый гараж прямо за машиной. Мальчишки переглянулись с ужасом и восторгом: лязг камня о ворота гаража показался им самым громким звуком в мире.

– Ни фиги себе! – крикнул Бишоп, и они, повинуясь естественному порыву, бросились наутек, как дикие звери, за которыми гонятся охотники.

Ребята мчались по Виа Венето, единственной улочке мик-

порайона, которая вилась почти так же, как оленья тропа в ту пору, когда здесь еще был заповедник. Тропа проходила между искусственным прудиком и широкой водосточной канавой, и этих двух водоемов хватало, чтобы напоить небольшое стадо оленей даже суровой иллинойсской зимой. Потомки тех оленей по сей день забредали в Венецианскую деревню и нещадно объедали ухоженные цветочные клумбы и сады. Олени так досаждали здешним обитателям, что те каждые три месяца платили истребителю, который регулярно раскладывал отравленные лизунцы в кормушки на столбах, достаточно высокие, чтобы доставал взрослый олень (и, что самое главное, чтобы до них не дотянулись и случайно не сожрали кусок соли местные собаки весом в двенадцать и менее килограммов). Яд не убивал оленей на месте, а копился в организме: животное, почуяв скорую смерть, уходило умирать вдалеке от стада (что было удобно для жителей). Так что, помимо одинаковых почтовых ящиков с нарисованными гондолами и фонтанов перед домом, был в Венецианской деревне еще один повторяющийся архитектурный элемент – высокие кормушки с лизунцами и надписями “ОСТОРОЖНО, ЯД! НЕ ТРОГАТЬ!”, выполненными благопристойным и элегантным шрифтом с засечками – тем же, что и на местных официальных канцелярских принадлежностях.

Район бы никогда не появился, если бы трое чикагских инвесторов не обнаружили лазейку в законе. До Венецианской деревни здесь был заповедник “Молочай”, названный

так в честь вида трав, который в изобилии произрастал в округе и летом привлекал полчища бабочек-данаид. Город искал частную организацию (предпочтительно некоммерческую и/или благотворительную), которая могла бы обслуживать заповедник, ухаживать за тропинками, охранять биоразнообразие и в целом заботиться о его благополучии. В договорах, составленных городом, было указано, что покупатель не имеет права застраивать территорию, а также перепродавать ее тому, кто планирует ее застроить. Однако в договоре не было сказано ни слова о том, кому тот, второй покупатель может продать землю. Так что первый компаньон купил заповедник, продал его второму, а тот тут же перепродал третьему, который незамедлительно основал вместе с первыми двумя компанию с ограниченной ответственностью и принялся вырубать лес. Территорию бывшего заповедника “Молочай” обнесли прочной медной оградой и принялись рекламировать микрорайон среди состоятельных клиентов (из тех, кто вполне мог бы быть завсегдатаем аукциона “Сот-бис”). Один из слоганов звучал так: “Здесь природа встречается с роскошью”.

Один из трех учредителей, товарный брокер, работавший и на Чикагской фондовой бирже, и на Уолл-стрит, по-прежнему жил в Венецианской деревне. Звали его Джеральд Фолл. Он был отцом Бишопа.

Джеральд Фолл, единственный во всем микрорайоне, не считая двух мальчишек, видел, как камень попал в директор-

ский гараж, как Бишоп и Сэмюэл бежали под горку к нижней части Виа Венето, оканчивавшейся тупиком, туда, где на подъездной дорожке стоял он сам у раскрытой двери черного BMW: правой ногой Фолл уже шагнул в салон, а левая так и осталась на дорожке, которую он велел замостить блестящей брусчаткой, обошедшейся ему в круглую сумму. Он собирался уезжать, когда заметил, как сын запустил камнем в дом директора. Мальчишки увидели Фолла только когда добежали до дорожки и остановились как вкопанные: подошвы их кроссовок скрипнули по отполированному камню, как у баскетболистов в спортзале. Бишоп с отцом уставились друг на друга.

– Директор болен, – наконец произнес Фолл-старший. – Зачем ты его доводишь?

– Прости, – ответил Бишоп.

– Ему очень плохо. Он болеет.

– Я знаю.

– А если он спит, и ты его разбудил?

– Я непременно извинюсь.

– Да уж, пожалуйста.

– Ты куда? – спросил Бишоп.

– В аэропорт. Какое-то время поживу в Нью-Йорке.

– Опять?

– Не обижай сестру, когда меня не будет. – Он посмотрел на мокрые и грязные ноги мальчишек. – И не тащи грязь в дом.

С этими словами отец Бишопа уселся в машину, захлопнул дверь, мотор заурчал, и BMW, взвизгнув шинами, вырвался с подъездной дорожки.

Внутри дом Фоллов выглядел так торжественно, что Сэмюэлу расхотелось трогать что-либо руками: кипенно-белые каменные полы, люстры с хрустальными подвесками, цветы в высоких неустойчивых стеклянных вазах (того и гляди, перевернутся), на стенах – абстрактные картины в рамах, подсвеченные лампы вровень с поверхностью, массивный деревянный комод, в котором за стеклом стояло штук двадцать стеклянных снежных шаров, столешницы в комнатах натерты до зеркальности, на кухне – такие же блестящие столешницы белого мрамора; каждую комнату и коридор украшала широкая арка на коринфских колоннах с таким затейливым орнаментом наверху, что они казались мушкетерами, в которых взорвались пули, так что дула разнесло на части.

– Сюда, – сказал Бишоп.

Он привел Сэмюэла в комнату, которую иначе как “кинозалом” и не назовешь: здесь стоял телевизор с таким огромным экраном, что мальчик почувствовал себя карликом по сравнению с ним. Телевизор был выше него, и даже если бы Сэмюэл раскинул руки в стороны, экран все равно оказался бы шире. Под телевизором стоял ящичек, в котором валялись напиханные как попало шнуры и провода для видеоприставок. Среди приставок торчали картриджи с играми,

точно стреляные гильзы от артиллерийских снарядов.

– Любишь играть в “Метроид”, “Кастлванию” или “Супер Марио”? – спросил Бишоп.

– Не знаю.

– Я могу спасти принцессу в “Супер Марио”, и меня даже не убьют. А еще я прошел “Мега Мен”, “Дабл Драгон” и “Кид Икарус”.

– Какая разница, во что играть.

– Точно. Все равно все игры практически одинаковы. Тактика везде одна: иди направо.

Он пошарил в ящике и выудил обмотанную проводами приставку “Атари”.

– Мне больше нравится классика, – пояснил Бишоп. – Игры, которые придумали до того, как появились шаблоны. “Галага”. “Донки Конг”. Или даже “Джауст” – как ни странно, одна из моих любимых.

– Никогда в нее не играл.

– Вещь. Страусы и всякое такое. Птеродактили. Еще есть такая игра, “Сентипид”. И “Пакмэн”. Ты же играл в “Пакмэна”?

– А то!

– Классная штука, скажи? А вот еще. – Бишоп схватил картридж под названием “Миссайл Комманд” и воткнул в приставку “Атари”. – Сперва посмотри, как я играю, тогда поймешь.

В игре “Миссайл Комманд” нужно было защищать шесть

городов от града межпланетных баллистических ракет. Снаряды падали на город с неприятным резким шумом, как от взрыва, и на экране появлялось яркое пятно, которое, по идее, изображало ядерный гриб, но больше напоминало плоский камешек или лягушку, ныряющую в гладь пруда. Саундтреком к игре служила восьмибитная запись сирены воздушной тревоги. Бишоп направлял сетку прицела на падающие ракеты, нажимал на кнопку, луч света отрывался от земли и медленно летел к намеченной цели, чтобы столкнуться с бомбой. Первый город Бишоп потерял только на девятом уровне. В конце концов Сэмюэл сбился со счета, какой сейчас уровень, и когда небо запестрело следами ракет, стремительно и густо падавших на город, понятия не имел, сколько бортов подбил его друг. Лицо Бишопа во время игры оставалось бесстрастным, а взгляд был пустым, как у рыбы.

– Хочешь, покажу еще раз? – предложил Бишоп, когда на экране загорелась надпись “КОНЕЦ ИГРЫ”.

– Ты победил?

– В смысле – победил?

– Ну, спас все города?

– Невозможно спасти все города.

– А зачем тогда все это?

– Тебя все равно уничтожат. Твоя задача – продержаться как можно дольше.

– Чтобы люди могли убежать?

– Ну да, типа того.

– А покажи еще раз.

Бишоп проходил уже шестой или седьмой уровень во второй игре. Сэмюэл, вместо того чтобы наблюдать за происшедшим на экране, рассматривал его лицо – сосредоточенное, спокойное даже тогда, когда в окрестностях его городов падали снаряды, а пальцы Бишопы терзали джойстик, – как вдруг откуда-то снаружи донеслись новые звуки.

Музыка. Чистая, звучная, ничуть не похожая на цифровой шум, исходивший от телевизора. Кто-то играл восходящие и нисходящие гаммы на каком-то струнном инструменте.

– Что это?

– Сестра моя, Бетани, – пояснил Бишоп. – Репетирует.

– А на чем она играет?

– На скрипке. Она будет знаменитой скрипачкой. У нее и правда большой талант.

– Еще бы! – выпалил Сэмюэл, пожалуй, чересчур восторженно, так, что вышло даже неуместно.

Но очень уж ему хотелось понравиться Бишопу, вот Сэмюэл и решил ему польстить. Бишоп бросил на него любопытный взгляд и продолжил играть: так же невозмутимо, как прежде, перешел на десятый, одиннадцатый уровень. Снаружи уже доносились не гаммы, а настоящая мелодия, парящее стремительное соло. Сэмюэлу не верилось, что такое может сыграть человек, а не радио.

– Это правда твоя сестра?

– Ага.

– Я хочу на нее посмотреть, – сказал Сэмюэл.

– погоди. Ты лучше на это посмотри, – ответил Бишоп и одним выстрелом уничтожил две бомбы.

– Я на минутку, – попросил Сэмюэл.

– У меня еще ни одного города не разбомбили. Я никогда не набирал столько очков в “Миссайл Комманд”. Ты будешь свидетелем исторического события.

– Я сейчас.

– Ну и пожалуйста, – бросил Бишоп. – Пеняй на себя.

И Сэмюэл отправился искать, откуда доносилась музыка. Он шел на звуки по главному сводчатому коридору, через блестящую кухню, в дальний конец дома, в кабинет. Осторожно высунул голову из-за дверного косяка, заглянул внутрь и увидел сестру Бишопы.

Они были близнецами.

Бетани походила на Бишопы как две капли воды: те же брови домиком, то же спокойное и сосредоточенное выражение лица. Ни дать ни взять, эльфийская принцесса с обложки книги “Выбери приключение”: вечно молодая, прекрасная, мудрая. Высокие скулы и заостренный нос шли ей больше, чем Бишопу: ему такие черты придавали злой вид, Бетани же казалась величественной и изящной, точно статуэтка. Длинные густые темно-рыжие волосы, тонкие, наморщенные от напряжения брови, длинная шея, тонкие руки, прямая осанка, то, как аккуратно она сидела, стараясь не помять юбку – не по годам изящно и чинно, как настоящая леди, – сразило

Сэмюэла наповал. Ему нравилось, как она держит скрипку, как плавно, повинуюсь полету смычка, двигаются ее голова, шея, плечи. Как она отличалась от ребят из школьного оркестра, которые машинально, натужно терзали инструменты. Бетани же играла легко.

Тогда он этого еще не знал, но ей суждено было стать для него идеалом красоты на всю оставшуюся жизнь. И всех девушек, с которыми он знакомился, он отныне мысленно сравнивал с Бетани.

Она закончила на длинной ноте: смычок скользил туда-сюда, но мелодия не прерывалась, лилась одним протяжным звуком. Все это показалось Сэмюэлу чудом. А Бетани открыла глаза, уставила на него взгляд, и пугающе-долгое мгновение они смотрели друг на друга. Наконец она положила скрипку на колени и проговорила:

– Привет!

Никогда прежде Сэмюэл не испытывал такой неловкости. Впервые в жизни все его существо трепетало: в подмышках выступил холодный липкий пот, рот вдруг стал слишком маленьким, а язык – огромным и сухим, легкие горели, словно он слишком долго задерживал дыхание, и все эти ощущения рождали в его теле невероятное напряжение. Его точно магнитом тянуло к объекту симпатии – а ведь прежде он либо старался не замечать большинство окружающих его людей, либо прятался от них.

Девочка ждала, что он что-нибудь скажет. Она сидела,

сложив руки на коленях поверх скрипки и скрестив ноги, и разглядывала Сэмюэла. Ее зеленые глаза смотрели так проныцательно...

– Я друг Бишопа, – наконец выдавил Сэмюэл. – Я тут с ним.

– Ясно.

– Ну, с твоим братом.

Она улыбнулась.

– Поняла.

– Я услышал, как ты играешь. Зачем ты репетируешь?

Бетани бросила на него недоуменный взгляд.

– Чтобы пальцы запомнили ноты, – пояснила она. – У меня скоро концерт. А ты что подумал?

– Очень красиво.

Она кивнула и, казалось, некоторое время размышляла над его словами.

– Эти двойные ноты в третьей части ужасно трудно сыграть в унисон, – наконец сказала Бетани.

– Угу.

– И арпеджио на третьей странице очень сложные. Тем более что там надо играть децимами, вообще свихнуться можно.

– Да.

– Мне все время кажется, что я с ней не справлюсь, с третьей частью. Я там все время спотыкаюсь.

– Ничего подобного.

– Как будто я птица, которую степлером пришили к стулу.

– Понятно, – Сэмюэл чувствовал себя неловко.

– Надо расслабиться, – не унималась Бетани. – Особенно во второй части. Там есть такие длинные фразы, и если их играть слишком оживленно, теряется мелодичность. Приходится успокаиваться, сдерживаться, а когда играешь соло, это очень трудно: все тело протестует.

– Может, тебе, ну, я не знаю, подышать? – предложил Сэмюэл, потому что именно это говорила ему мама, когда у него случался припадок четвертой категории – “Просто дыши”.

– Знаешь, как я делаю? – ответила Бетани. – Я представляю, будто смычок – это нож. – Она подняла смычок и в шутку пригрозила им Сэмюэлу. – А скрипка – кусок масла. И я как будто режу масло ножом. Похожие ощущения.

Сэмюэл беспомощно кивнул.

– Как ты познакомился с моим братом?

– Он спрыгнул с дерева и меня напугал.

– А, – ответила Бетани так, будто фраза Сэмюэла все объясняла. – Он сейчас играет в “Миссайл Комманд”?

– Откуда ты знаешь?

– Ну он же мой брат. Я его чувствую.

– Правда?

Бетани серьезно посмотрела на Сэмюэла, потом не выдержала и рассмеялась.

– Нет, конечно. Просто слышу.

– Что слышишь?

– Игру. Послушай. Разве не слышишь?

– Я ничего не слышу.

– Сосредоточься. Прислушайся. Закрой глаза и слушай.

Сэмюэл зажмурился, и общий гул дома распался для него на отдельные звуки: вот урчит кондиционер, ветер свистит в вентиляции, шелестит снаружи о стены дома, вот гудят холодильник и морозильник. Оpozнав каждый из звуков, Сэмюэл тут же переставал обращать на них внимание, вслушиваясь в то, что происходит в других комнатах, и вот наконец уловил в тишине глухой рев сирены воздушной тревоги, взрывы бомб и вой орудий.

– Слышу, – произнес Сэмюэл, открыл глаза и обнаружил, что Бетани уже на него не смотрит.

Она отвернулась к большому окну, выходившему на задний двор и лес за домом. Сэмюэл проследил за ее взглядом и увидел, что снаружи, в сумерках, на опушке, метрах в двадцати пяти от них, стоит большой олень. Рыжеватый, в белых пятнышках, с огромными черными глазами. Олень, прихрамывая, тронулся с места, пошатнулся, упал, с усилием поднялся на ноги и снова пошел, пошатываясь и взбрыкивая.

– Что с ним? – спросил Сэмюэл.

– Соли нализался.

Передние ноги у оленя подкосились, он упал на брюхо, пополз вперед, потом встал, вытянул шею и замотал головой. В огромных глазах оленя читался ужас. Из носа шла розовая

пена.

– Тут все время так, – пояснила Бетани.

Олень развернулся и, то и дело заваливаясь на передние ноги, побрел в лес. Сэмюэл и Бетани провожали его взглядом, пока зверь не скрылся в листве. Все стихло. Слышно было лишь, как в другом конце дома с неба падают бомбы, ровняя с землей города.

4

С началом учебного года стало происходить кое-что новое: Сэмюэл сидел на уроке, старательно записывал все, о чем рассказывала мисс Боулз – будь то история Америки, умножение или грамматика, – честно вдумывался в материал и старался его понять, опасаясь, что мисс Боулз в любую минуту может вызвать его и начать расспрашивать о том, что она только что объясняла, она частенько так делала, а тех ребят, кто ошибался с ответом, потом битый час высмеивала – мол, рано им в шестой класс, им самое место в пятом, – так что Сэмюэл внимательно слушал, не отвлекаясь ни на секунду, и совсем не думал о девочках и о всяком таком, что с ними связано, а это все равно происходило. По телу разливалось тепло, начинало покалывать, как будто кто-то собирается тебя пощекотать, и вот ты ждешь, замирая от ужаса. Он вдруг почувствовал ту часть тела, которая прежде никак себя не проявляла, так что прежде он не обращал на нее никакого

внимания, как и на прочие схожие ощущения: как обтягивает плечи одежда, как сидят на ногах носки, как локоть упирается во что-то. Обычно тела не замечаешь. Но в последнее время, безо всякой на то причины, чаще, чем хотелось бы Сэмюэлу, давал о себе знать член. Он заявлял о себе на уроке, за партой. Утыкался в джинсы и жесткий металл снизу столешницы стандартной школьной парты. Беда была в том, что, хотя Сэмюэл стеснялся своего восставшего, набухшего, упершегося в джинсы члена, чисто физически это доставляло ему удовольствие. Он был бы рад, если бы этого не было, и одновременно ему вовсе этого не хотелось.

Догадывалась ли мисс Боулз? Замечала ли? Что каждый день у некоторых мальчиков из класса вдруг мечтательно туманились и стекленели глаза, поскольку нервная система переносила их в другой мир? Может, и замечала, но виду не подавала. И никогда не вызывала мальчишек в таком состоянии, не требовала, чтобы они отвечали стоя. Самой мисс Боулз это казалось верхом милосердия.

Сэмюэл взглянул на часы: десять минут до перемены. Штаны давили. Стул стал тесен. Перед глазами сами собой замелькали девчонки из галереи образов, которые он где-то видел и запомнил: вот женщина в торговом центре наклонилась, так что в вырезе платья показалась грудь; вот одноклассницы садятся за парты, и он успевает разглядеть ноги, пах и внутреннюю сторону бедра; а вот и новое видение, Бетани у себя в комнате сидит прямо, сдвинув колени, в легком

хлопковом платье, прижав к подбородку скрипку, и смотрит на него зелеными кошачьими глазами.

Когда прозвенел звонок на перемену, Сэмюэл притворился, будто никак не может найти в парте что-то очень важное. Наконец все вышли из класса, он поднялся и поковылял к дверям, и если бы кто-то его увидел, подумал бы, что мальчик медленно крутит на бедрах невидимый обруч.

Дети строем шли на площадку, шагали медленно, целенаправленно и решительно, хотя их так и распирала энергия, которая накапливается у одиннадцатилетнего мальчишки за те несколько часов, что он сидит неподвижно под надменным взглядом мисс Боулз. Они шагали в полной тишине, один за другим по правой стороне коридора, мимо табличек, которые педагоги заботливо развесили по белым бетонным стенам. Одна или две гласили “Учение – развлечение!”, остальные же пытались учить манерам: “Ногами и руками ничего не трогать”, “Не кричать”, “Не бегать”, “Жди своей очереди”, “Будь вежливым”, “Не трать зря туалетную бумагу”, “Не болтай за едой”, “Соблюдай правила поведения за столом”, “Держи дистанцию”, “Подними руку, чтобы ответить”, “Молчи, пока не спросят”, “Соблюдай очередь”, “Провинился – извинись”, “Делай, что тебе говорят”, “Мыло – не игрушка”.

Для большинства учеников образование, которое давала школа, было делом десятым. Главным же для них было научиться вести себя в школе. Приспособиться к суровым

школьным правилам. Взять хотя бы отлучки в туалет. Ни к одному из предметов педагоги не относились с такой строгостью, как к телесным отправлениям учеников. Чтобы отпроситься в туалет, нужно было исполнить мудреный ритуал, после которого мисс Боулз – если ее очень вежливо попросить и убедить, что тебе правда очень нужно и это не уловка для того, чтобы выбраться из класса и тайком покурить, выпить или принять наркотики, – заполняла пропуск в уборную, длинный, как текст конституции. Записывала твое имя, время ухода (с точностью до секунды) и, что самое ужасное, цель посещения (то есть номер один или номер два), а потом просила вслух прочитать разрешение на выход из класса, где перечислялись твои “Права и обязанности”, и главным из них было то, что из класса можно отлучиться не более чем на две минуты, причем идти только по правой стороне коридора напрямиком в ближайшую уборную, по дороге ни с кем не разговаривать, по школе не бегать и правила не нарушать, а в туалете не делать ничего такого, что запрещено законом. После этого надо подписать разрешение и дожидаться, пока мисс Боулз разъяснит, что ты подписал договор, а тех, кто нарушает договоры, ждет суровое наказание. Чаще всего дети слушали учительницу с широко раскрытыми от страха глазами, приплясывая на месте, потому что отсчет-то уже пошел, и чем дольше мисс Боулз распинаясь о договорном праве, тем больше отнимала времени от драгоценных двух минут, так что когда ребята наконец выходили в коридор, у

них оставалось секунд девяносто на то, чтобы добраться до туалета, сделать свои дела и вернуться в класс, и непременно шагом, поскольку бегать строго запрещалось.

Не говоря уже о том, что за неделю отпроситься в туалет можно было только два раза.

Еще было правило питьевого фонтанчика: вернувшись с перемены ученикам позволялось пить из него воду не дольше трех секунд на каждого (видимо, для того, чтобы научить их думать не только о себе, но и о других), но, разумеется, дети на перемене набесились, чтобы выпустить накопившийся страх, запыхались, выбились из сил, им было жарко, в туалет их выпускали редко, так что эти три секунды у фонтанчика – единственный раз за весь день, когда эти потные, обгоревшие на солнце, разгоряченные дети пили воду. Бедные ученики оказывались меж двух огней: набегаясь на перемене, чтобы сбросить излишек энергии, – будешь остаток дня страдать от усталости и жажды, не будешь бегать на перемене – во второй половине дня не сможешь усидеть на месте и наверняка получишь выговор за поведение. Так что обычно на перемене ученики бесились изо всех сил, а потом старались напиться за три секунды. К концу дня бедные дети страдали от обезвоживания и имели жалкий вид – чего, собственно, и добивалась мисс Боулз.

Пока ученики пили, учительница торчала у них над душой и громко отсчитывала время. На счет “три” ребенок отпрыгивал от фонтанчика, не успев утолить жажду: день вы-

дался жаркий, влажный, тяжелый, как бывает ранней осенью на Среднем Западе. С подбородка у бедняги капала вода.

– Фигня какая-то, – сказал Бишоп Сэмюэлу, пока они ждали своей очереди. – Смотри, как надо.

Когда подошла очередь Бишопа, он склонился над фонтанчиком, нажал на кнопку и принялся пить, глядя в глаза мисс Боулз, которая отсчитывала: “Раз. Два. Три”. Бишоп не оторвался от воды, и учительница повторила с нажимом: “Три”, а когда он снова не послушался, сказала: “Хватит. Следующий!” Тут стало ясно, что Бишоп не отойдет от фонтанчика, пока не напьется, большинству детей в очереди даже показалось, что он уже и не пьет вовсе, а только мочит губы, не сводя глаз с мисс Боулз, до которой наконец дошло: новый ученик не то чтобы не знает правил – он ставит под сомнение ее авторитет. Мисс Боулз приняла вызов – уперла руки в боки, вздернула подбородок и проговорила на октаву ниже обычного: “Бишоп. Прекрати пить. Немедленно!”

Тот в ответ устремил на нее мертвый скучающий взгляд. Неслыханная дерзость! Дети в очереди удивленно таранились на новенького и нервно хихикали, потому что еще немного – и его непременно выпорют. Каждого, кто так нагло нарушал правила, били палкой.

Палка эта вошла в пословицу.

Она висела на стене в кабинете директора, главного блюстителя школьной дисциплины, непропорционально сложенного коротышки, которого, словно в насмешку, звали Лоренс

Лардж¹⁴. Основной вес его тела приходился на корпус: ноги у директора были тощие, хилые, туловище же напоминало воздушный шар. Не человек, а яйцо на зубочистках; непонятно, как его ноги держат и почему они еще не сломались в щиколотках или голени. Палка его была вырезана из цельного куска дерева сантиметров в восемь толщиной, шириной с два тетрадных листа. В ней была просверлена дюжина дырок: наверное, для скорости, гадали дети. Чтобы замахиваться быстрее.

Порки, которые устраивал директор, отличались силой и отточенной техникой, необходимой для мощного удара – такого, что, например, очки Брэнда Бомонда разлетелись вдребезги (историю эту шестиклассники передавали из уст в уста): Лардж так врезал Бомонду по заднице, что ударная волна прокатилась по телу бедолаги и разбила толстые стекла очков. Шлепок Ларджа сравнивали с подачами профессиональных теннисистов, которые посылали мяч со скоростью 225 километров в час. Было непонятно, как директор с его весом умудрился нанести такой сокрушительный – и невозможный даже для спортсмена – удар. Время от времени кто-нибудь из родителей жаловался на устаревшую систему наказаний, но поскольку порка считалась крайним средством устрашения хулиганов, то и прибегали к ней очень редко. Во всяком случае, не настолько часто, чтобы этим интересовался родительский комитет. Даже самые буйные и непо-

¹⁴ От *large* (англ.) – высокий, большой.

слушные дети боялись, что за дурное поведение им обязательно попадет по заднице, и весь школьный день ходили как под наркотиками: говорили тихо, вели себя спокойно. (Иногда родители жаловались, что дома дети стоят на ушах, а учителя молча кивали и думали: “Нас это не касается”.)

У каждого учителя был свой предел терпения, за которым он уже не собирался мириться с непослушанием. У мисс Боулз такой предел наступал через двенадцать секунд. Ровно двенадцать секунд Бишоп провел у питьевого фонтанчика. Двенадцать секунд смотрел в глаза мисс Боулз, которая сперва требовала, чтобы он отошел, а потом схватила его за шиворот, так что на Бишопе затрещала рубашка, и, на мгновение оторвав от земли, поволокла в наводящий ужас кабинет директора Ларджа.

Возвращались после порки дети обычно так: минут десять-двенадцать спустя раздавался стук в дверь, мисс Боулз открывала, на пороге стоял директор Лардж, положив ручищу на спину ученика – красного, в слезах и соплях. Все дети после экзекуции выглядели одинаково: угрюмые, заплаканные, с красными глазами, сопливые, покорные. Куда только девались упрямство и дерзость! Самые шумные выпендрежники в эту минуту, казалось, больше всего на свете хотели свернуться калачиком под партой и умереть. “Полагаю, он готов вернуться в класс”, – говорил Лардж. – “Надеюсь, он запомнил этот урок”, – откликалась мисс Боулз, и даже одиннадцатилетки понимали, что взрослые ломают комедию

и разговаривают сейчас не друг с другом, а с ними, и смысл этого диалога – “Не выходи за рамки дозволенного или будешь следующим”. После этого ученику разрешали вернуться на место, где начиналась вторая часть наказания: задница саднила после экзекуции и была чувствительна, как открытая рана, так что сидеть на жестком пластмассовом стуле было невыносимо больно, словно тебя еще раз выпороли. Отшлепанный сидел и плакал, а мисс Боулз, заметив это, язвила: “Извини, я не расслышала. Ты что-то хочешь добавить к нашему разговору?” Ребенок отрицательно качал головой. Вид у него при этом был сломленный, несчастный, жалкий. Весь класс понимал: мисс Боулз хотела, чтобы все заметили его слезы, чтобы унижить его еще сильнее. При всех. Перед друзьями. Мисс Боулз была жестока, и скрыть это было не под силу никому и ничему – даже бесполом синим свитерам, которые она носила.

В тот день весь класс ждал возвращения Бишопа. Ребята волновались. После инициации они рады были его принять. Теперь-то он знает, что им пришлось пережить. Теперь он один из них. Они предвкушали его возвращение и готовы были простить ему слезы. Десять минут, пятнадцать, наконец на восемнадцатой минуте раздался неизменный стук в дверь. “Кто бы это мог быть?” – театрально воскликнула мисс Боулз, положила мел на доску и пошла открывать. На пороге стояли Бишоп и директор Лардж. Однако Бишоп, к изумлению мисс Боулз и всего класса, не только не плакал,

но улыбался. Вид у него был *довольный*. И Лардж не клал ему руку на спину. Он вообще стоял поодаль, едва ли не в метре от Бишопа, словно боялся заразиться. Мисс Боулз уставилась на директора Ларджа, но тот не произнес, как обычно, мол, Бишоп готов вернуться в класс, а сказал отстраненно, точно солдат про войну: “Вот. Принимайте”.

Бишоп прошел на свое место. Все дети в классе провожали его глазами. Он прыгнул за парту, жестко приземлился на задницу и дерзко огляделся, как будто хотел сказать: ну давайте, попробуйте меня тронуть хоть пальцем.

Эта сцена врезалась в память каждого шестиклассника, кто ее видел. Один из них перенес самое суровое испытание, которое только способны придумать взрослые, и вышел из него победителем. После этого с Бишопом Фоллом уже никто не связывался.

5

Мама рассказывала Сэмюэлу про нёкка. Очередная страшилка ее отца. Самая жуткая. Нёкк, говорила она, это оборотень, водяной: плавает вдоль берега, ищет детей, особенно тех озорников, что гуляют в одиночку. Высмотрев ребенка, нёкк является ему в виде большого белого коня. Неоседланного, но послушного и дружелюбного. Конь наклоняется пониже, чтобы ребенок мог вспрыгнуть к нему на спину.

Ребенок сперва опасается, но разве тут устоишь? Соб-

ственный конь! Он запрыгивает на коня, тот выпрямляется, и шалун оказывается метрах в трех от земли. Ребенок не помнит себя от восторга: еще бы, впервые в жизни ему послушна такая махина! Никогда прежде он не забирался так высоко! Проказник теряет страх. Бьет коня пятками по бокам, чтобы тот припустил быстрее. Конь переходит на легкую рысь, и чем больше ребенок радуется, тем быстрее скачет конь.

Тут ребенку хочется, чтобы его увидели все.

Чтобы друзья с завистью таращились на его новую лошадь. Его собственную.

И так раз за разом. Все жертвы нёкка сперва испытывают страх. Потом восторг. Гордость. Ужас. Ребенок погоняет коня, пока тот не срывается в галоп, так что всадник цепляется ему за шею. Озорник на седьмом небе от счастья. Никогда еще он не чувствовал себя таким важным и довольным. И в этот миг – на пике бешеной скачки и восторга, когда ребенку кажется, что он отлично держится в седле, что теперь у него появился собственный конь, и ему хочется, чтобы все его хвалили, его переполняет гордость, высокомерие и тщеславие, – конь сворачивает с дороги, ведущей в город, и галопом мчится к прибрежным скалам. Он на полном скаку несется к обрыву, под которым бурлят и пенятся волны. Ребенок вопит от ужаса, тянет коня за гриву, плачет, кричит, но все тщетно. Конь бросается с обрыва в море. Даже в воздухе маленький всадник не выпускает его шею, и если не разби-

вається насмерть о камні, то гине в ледяній пучині.

Так розповідав Фей отець. Все історії о нежити вона слухала від отця, високого, сухопарого, дуже замкнутого норвежця з неразборчивим акцентом. Більшість побоювалось цього молчуна, Сэмюэлу ж з ним було легко. В ті рідкі випадки, коли вони приїжджали к деду в Айову на Різдво або на День подяки, вони збирались всією сім'єю за святковим столом і їли, не говоря друг другу ні слова. Трудно підтримувати розмову, якщо в відповідь тобі тільки кивають або снисходительно хмыкають. Так що вони жували їм'яку, а потім дідуська Фрэнк, доїв, піднімався з-за столу і уходив в іншу кімнату подивитися телевізор.

Дідуська Фрэнк оживлявся лише коли розповідав історії своєї батьківщини – давні міфи, легенди, казки о призраках, які слухав в дитинстві там, де виріс – в далекій рибачкій деревинці на самому півночі Норвегії. В вісімнадцять років він уїхав звідси. Він говорив Фей, що в легенді про нёкка мораль такава: “Не вір тому, що виглядає занадто добре, щоб бути правдою”. А коли Фей вирісла, вона зробила зовсім інший висновок, о якому і розповідала Сэмюэлу за місяць до того, як бросила сім'ю. Вона повідала йому історію, присвокупив власну мораль: “Те, що любиш сильніше всього, колись причинить тобі саму сильну біль”.

Сэмюэл не зрозумів.

– Нёкк більше не перетворюється в кінь, – пояснила

Фэй. Они сидели на кухне, надеясь отдохнуть от казавшейся бесконечной жары, и читали, распахнув настежь дверь холодильника. Вентилятор гнал на них холодный воздух. Они пили ледяную воду, и запотевшие стаканы оставляли на столешнице мокрые следы. – Раньше нёкк являлся в образе лошади, – добавила Фэй, – но так было в старину.

– А как он выглядит теперь?

– Для всех по-разному. Чаще всего как обычный человек. Тот, кого ты любишь.

Сэмюэл по-прежнему ничего не понимал.

– Люди любят друг друга по многим причинам, и не все из них добрые, – продолжала мама. – Они любят друг друга, потому что так проще. Или в силу привычки. Или потому что сдались. Или боятся. И становятся друг для друга нёкком.

Она отпила глоток воды, прижала холодный стакан ко лбу и закрыла глаза. Суббота тянулась утомительно долго. Генри уехал на работу после очередной ссоры – на этот раз из-за грязной посуды. На той неделе сломалась их выпущенная в конце семидесятых посудомоечная машинка цвета авокадо, и Генри не раз добровольно перемывал растущую гору тарелок, мисок, стаканов, кастрюль и сковородок, которая уже высилась над раковиной и заполонила почти весь стол. Сэмюэл подозревал, что мама устроила это специально – может, даже использует больше посуды, чем нужно: готовит в нескольких кастрюлях там, где можно было обойтись одной, – испытывает отца. Заметит ли? Поможет? Фэй делала

далеко идущие выводы из того, что Генри не обращал на посуду ни малейшего внимания и даже не удосужился предложить помощь.

– Я как будто на уроке домоводства, – заявила Фэй, когда игнорировать гору посуды больше не было возможности.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Генри.

– Как в школе. Ты развлекаешься, пока я готовлю и убиваю. Ничего не изменилось. За двадцать лет совершенно ничего не изменилось.

Генри перемыл посуду, сослался на неотложные дела и уехал на работу, а Фэй и Сэмюэл снова остались дома одни. Они сидели на кухне и читали каждый свое: мама какие-то непонятные стихи, Сэмюэл – книгу из серии “Выбери приключение”.

– В школе у меня была знакомая, ее звали Маргарет, – сказала Фэй. – Очень умная и сообразительная девушка. Она влюбилась в парня по имени Джулс. Красавчик. Творил что хотел. Все ей завидовали. Но Джулс стал для нее нёкком.

– Почему? Что случилось?

Фэй поставила стакан в лужицу, которая набралась под ним на деревянном столе.

– Он исчез, – пояснила мама. – Маргарет не знала, что делать. Так и осталась в городе. Говорят, до сих пор там, работает кассиршей в отцовской аптеке.

– Почему он ее бросил?

– Потому что нёкк.

– Как же она сразу не догадалась?

– Их трудно распознать. Есть одно хорошее правило: тот, в кого влюбляешься в юности, скорее всего, окажется нёкком.

– И у всех так?

– У всех.

– А когда вы познакомились с папой?

– В школе, – ответила Фэй. – Нам было по семнадцать лет.

Она уставилась в желтое марево за окном. Холодильник одновременно запыхтел, загудел, щелкнул, вжик – и выключился. Свет погас. И стоявшее на столе радио с электронными часами. Фэй огляделась и сказала:

– Пробки выбило.

Значит, Сэмюэлу придется включить рубильник, потому что электрический щиток в подвале и мама отказывалась туда ходить.

Тяжелый фонарик ловко лежал в руке: алюминиевую ручку сплошь покрывали вмятинки, а большой круглой линзой с резиновой насадкой можно было при необходимости кому-нибудь врезать. Мама в подвал не ходила, потому что там жил домовый. По крайней мере, так ей рассказывал дед: в подвале обитают домовые, которые преследуют тебя всю жизнь. Фэй говорила, что в детстве как-то раз видела домового, и он ее напугал. С тех пор она не любила подвалы.

Правда, Фэй уверяла, будто домового видит только она и является он только ей, а Сэмюэлу нечего бояться. Он может смело идти в подвал.

Он заплакал. Сперва тихонько захныкал оттого, что либо в подвале живет страшный призрак, который сейчас за ним наблюдает, либо мама не в своем уме. Мальчик шаркал ногами по бетонному полу, не сводя глаз с лучика перед собой. Он старался не обращать внимания ни на что, кроме этого круга света. Наконец Сэмюэл разглядел электрический щит в дальнем конце подвала, зажмурился и двинулся к нему. Он шаркал по прямой, выставив перед собой фонарик, пока тот не уперся в стену. Тогда Сэмюэл открыл глаза и увидел щиток. Повернул рубильник, и в подвале зажегся свет. Сэмюэл оглянулся, но ничего не увидел. Ничего, кроме обычного подвального хлама. Мальчик помедлил немного, стараясь успокоиться, перестать плакать. Уселся на пол. Здесь было гораздо прохладнее.

6

В первые же недели учебного года Бишоп и Сэмюэл заключили простой союз. Бишоп делал все, что ему вздумается, а Сэмюэл подчинялся. Так распределились их нехитрые роли. Они даже никогда об этом не говорили, ничего не обсуждали: каждый очутился на своем месте так же легко, как проскальзывают монетки в щель торгового автомата.

Они встречались у пруда, чтобы поиграть в войнушку. Бишоп всегда заранее придумывал сценарий. Они сражались с вьетконговцами, с нацистами на Второй мировой, с конфеде-

ратами во время Гражданской войны, с англичанами в войне за независимость, с индейцами на франко-индейской войне. У каждой их битвы всегда была четкая цель (за исключением неудачной попытки сыграть в англо-американскую войну 1812–1815 годов): Бишоп и Сэмюэл всегда были хорошими, их враги – плохими, и мальчишки всегда побеждали.

Когда не играли в войнушку, резались у Бишопа в видеоигры: Сэмюэлу это нравилось куда больше, потому что там он мог встретить свою любимую Бетани. Хотя, пожалуй, тогда он вряд ли назвал бы это чувство “любовью”. Просто в присутствии Бетани он всегда очень волновался и с необычайным вниманием наблюдал за нею. Физически это проявлялось в том, что у него сокращался диапазон голоса (Сэмюэл замыкался в себе и принимался оправдываться, хотя во все не собирался этого делать), а еще его так и подмывало легонько прикоснуться к ее платью, потрогать ткань большим и указательным пальцами. Сестра Бишопа внушала ему восторг и страх. Но обычно она не обращала на мальчишек внимания. Казалось, Бетани не замечала, какое впечатление производит на Сэмюэла. Закрывалась у себя в комнате, играла гаммы, слушала музыку. Она выступала на различных музыкальных конкурсах и фестивалях, где получала за соло на скрипке призы и награды, а потом расставляла их на полках или вешала на стену в комнате, рядом со всевозможными афишами мюзиклов Эндрю Ллойда Уэббера и небольшой коллекцией фарфоровых масок комедии и трагедии. Еще

там были сухие цветы, большие букеты роз, которые дарили Бетани после многочисленных выступлений: она засушивала цветы, прикрепляла к стене над кроватью, и эта пастельная композиция зеленых и розовых оттенков идеально подходила к покрывалу, занавескам и расцветке обоев. Такая вот девичья комнатка.

Сэмюэл знал, как выглядит спальня Бетани, поскольку два или три раза подглядывал за нею из укрытия в лесу. Уходил из дома сразу после заката и под темнеющим лиловым небом спускался к ручью, шлепал по грязи через лес, за особняками Венецианской деревни, мимо садов, где розы и фиалки закрывали на ночь цветки, мимо вонючих собачьих будок и теплиц, от которых тянуло серой и фосфором, мимо дома директора Академии Святого сердца (иногда по вечерам тот расслаблялся на заднем дворе в сделанной на заказ гидромассажной ванне с морской водой). Сэмюэл двигался медленно и осторожно, стараясь не наступить на сучок или кучу сухих листьев, одним глазом поглядывал на директора, который с такого расстояния казался размытым белым пузырем: части тела его – живот, подбородок, подмышки – были заметны лишь потому, что обвисли. И дальше, вокруг микрорайона, через лес, к тупику, которым заканчивалась улица. Сэмюэл занимал обзорную позицию между корней дерева за домом Фоллов, метрах в трех от того места, где кончалась лужайка и начинался лес, – прикинул к земле, весь в черном, натянув на голову черный капюшон, так что видны

были только глаза.

И наблюдал.

Желто-оранжевый отсвет ламп, тени передвигавшихся по дому людей. Когда в окне комнаты появлялась Бетани, у Сэмюэла от страха сводило живот. Он сильнее прижимался к земле. Бетани, как обычно, была в легком хлопковом платье: она всегда выглядела элегантнее остальных, будто только что вернулась из дорогого ресторана или из церкви. Когда Бетани ходила, платье чуть колыхалось, а когда останавливалась, облегалo тело, льнуло к коже: казалось, будто перья плавно летят на землю. Сэмюэл с радостью утонул бы в этой ткани.

Ему хотелось одного – видеть Бетани. Чтобы знать, что она действительно существует. Ничего другого ему не было нужно; посмотрев на нее, Сэмюэл уходил задолго до того, как Бетани переодевалась, так что ни в чем постыдном его нельзя было упрекнуть. Увидеть Бетани, разделить с ней минуты уединения: этого довольно, чтобы успокоиться и как-то пережить еще одну неделю. То, что она ходила в школу Святого сердца, а не в обычную, проводила так много времени у себя в комнате и подолгу путешествовала, казалось Сэмюэлу нечестным, несправедливым. Девчонки, в которых влюблялись другие мальчишки, всегда были рядом, сидели с ними в одном классе, вместе ходили в столовую. А поскольку Бетани была столь недоступна, Сэмюэл считал себя вправе время от времени следить за ней. Иначе он просто не мог.

Как-то раз, когда он был у них в гостях, Бетани пришла в

ту комнату, где Бишоп перед телевизором играл в “нinten-до”, и плюхнулась в огромное кресло-мешок, на котором сидел Сэмюэл. Ее плечо чуть касалось его плеча, и Сэмюэлу казалось, будто эти несколько квадратных сантиметров – самое важное, что только может быть в мире.

– Мне скучно, – заявила Бетани.

На ней был желтый сарафан. Сэмюэл чувствовал запах ее шампуня: он пах медом, лимоном и ванилью. Мальчик старался не двигаться, испугавшись, что, если он пошевелится, Бетани встанет и уйдет.

– Сыграешь разок? – Бишоп протянул ей джойстик.

– Не хочу.

– Тогда давай в прятки?

– Нет.

– В колдунчики? В али-бабу?

– Как, интересно, мы можем сыграть в али-бабу?

– Я просто предлагаю. Придумываю варианты. Набрасываю идеи.

– Не хочу я играть в али-бабу.

– В классики? В блошки?

– Не говори глупости.

Сэмюэл почувствовал, как потеет его плечо там, где касается плеча Бетани. Он так напрягся, что ныло все тело.

– Или давай в эти ваши дурацкие девчачьи игры, – не унимался Бишоп. – Ну, когда разворачивают бумажки, чтобы узнать, за кого ты выйдешь замуж и сколько детей родишь.

– Не хочу я в это играть.

– Разве тебе не интересно, сколько у тебя будет детей?

Одиннадцать. Я так думаю.

– Заткнись.

– Тогда давай играть в признания.

– Не хочу.

– А что это за игра? – удивился Сэмюэл.

– Признание или желание, только чур не врать, – пояснил Бишоп.

– Я хочу куда-нибудь съездить, – заявила Бетани. – Без всякой цели. Я хочу поехать куда-нибудь, просто чтобы оказаться там, а не здесь.

– В парк? – предложил Бишоп. – На пляж? В Египет?

– Съездить куда-то просто так, чтобы сменить обстановку.

– А, – догадался Бишоп, – ты хочешь съездить в торговый центр.

– Да, – согласилась Бетани. – Точно. Я хочу в торговый центр.

– Я туда еду! – сообщил Сэмюэл.

– Нас туда родители не берут, – ответила Бетани. – Говорят, что это дешево и вульгарно.

– “Я бы такое под страхом смерти не надел”, – Бишоп выпятил грудь, старательно изображая отца.

– Я завтра поеду в торговый центр, – пояснил Сэмюэл. – С мамой. Нам надо купить новую посудомойку. Я тебе что-нибудь привезу. Что тебе купить?

Бетани задумалась. Подняла глаза к потолку, постучала пальцем по щеке и спустя несколько минут сказала:

– Что хочешь. Пусть это будет сюрприз.

Всю эту ночь и весь следующий день Сэмюэл ломал голову, что же купить Бетани. Какой подарок скажет все, в чем он хотел бы ей признаться? Подарок должен передать его чувства к ней: одна-единственная малюсенькая коробочка должна прозрачно намекнуть Бетани на то, что он ее любит, обожает и предан ей всей душой.

Он решил, каким должен быть подарок, но где его искать? На одной из миллиона миллиардов полок в торговом центре наверняка дожидался его идеальный подарок, но что это могло быть?

В машине Сэмюэл молчал, мама же от раздражения не умолкала ни на минуту. Поездки в торговый центр всегда так на нее действовали. Она его ненавидела, и всякий раз, когда приходилось туда ехать, ругала “эту обывательскую пошлятину”, как она его называла, на чем свет стоит.

Они выбрались из микрорайона на главную улицу, похожую на любую другую главную улицу в любом американском пригороде: галерея зеркальных витрин. В этом суть пригорода, сказала мама: здесь удовлетворяют твои мелкие потребности. Дают тебе то, о чем ты даже не задумывался. Продовольственный побольше. Четвертую полосу движения. Парковку получше и пошире. Новую бутербродную или видеопрокат. “Макдоналдс”, который ближе к дому, чем другой “Макдо-

налдс”. “Макдоналдс” рядом с “Бургер Кингом”, напротив “Хардис”, там же, где бургерная с молочными коктейлями и два стейк-хауса, причем во втором предлагают шведский стол. Иными словами, ты получаешь выбор.

Или скорее иллюзию выбора, поправила себя мама, потому что меню во всех этих ресторанах практически одинаковое, разве что картошку и говядину готовят немного по-разному. Как-то раз в продуктовом, в отделе с макаронами, мама с недоумением насчитала восемнадцать видов спагетти.

– Зачем нам восемнадцать видов спагетти? – спросила она Сэмюэла. Тот пожал плечами. – Вот именно, – согласилась мама.

А двадцать марок кофе? Зачем столько разных шампуней? Когда смотришь на сотни коробок с мюсли, забываешь, что все это по сути один и тот же продукт.

В торговом центре, огромном, светлом, просторном, с кондиционированием – храм торговли, а не магазин, – они искали посудомойку, но Фэй то и дело отвлекалась на прочие домашние товары: приспособления для того, чтобы хранить остатки еды, и для того, чтобы их измельчать; для того, чтобы пища не прилипала к сковородке; для того, чтобы проще было замораживать продукты, и для того, чтобы проще было их потом размораживать. Фэй внимательно рассматривала устройства, вертела в руках, удивленно хмыкала, читала надписи на коробках и говорила:

– И кто это только придумал?

Она поглядывала на эти вещи с опаской: ей казалось, будто кто-то другой заставляет ее хотеть или внушает потребность, о которой она даже не подозревала. В отделе товаров для дома и сада ее внимание привлекла самоходная газонокосилка — яркая, здоровенная, красная, ослепительно-блестящая.

— Мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь у меня будет газон, — проговорила Фэй. — А вот поди ж ты: теперь я жутко хочу такую штуку. Это плохо?

— Вовсе нет, — отвечала она себе чуть погодя, уже в магазине кухонных принадлежностей, продолжая разговор, как будто он и не прерывался. — В этом нет ничего плохого. И все равно. Такое ощущение... — Она примолкла, взяла с полки какой-то белый пластмассовый прибор, уставилась на него: оказалось, это шинковка для овощей. — Странно, правда? Я ведь могу просто взять и купить вот это вот.

— Не знаю.

— Да я ли это? — Фэй не сводила глаз с шинковки. — Такая ли я на самом деле? Что со мной стало?

— Мам, дай денег, — попросил Сэмюэл.

— На что?

Он пожал плечами.

— Не стоит покупать что-то только ради того, чтобы купить. Не трать деньги зря.

— Не буду.

— Ты не обязан ничего покупать, вот что я думаю. На са-

мом деле это все никому не нужно.

Фэй достала из кошелька десять долларов.

– Встретимся здесь через час.

С деньгами в кулаке Сэмюэл вышел в залитый ослепительным белым светом коридор торгового центра, огромный, точно диковинное животное. Вдалеке не то плакал, не то кричал какой-то ребенок (а может, дети), и эти звуки вливались в общий гул: Сэмюэл понятия не имел, откуда они доносятся, где этот ребенок, весело ему или грустно. Лишившись источника, крик превращался в обычный звук. Магазинов в торговом центре было видимо-невидимо, и все же кто-то решил, что этого мало, поэтому посередине каждого пассажа понатыкали отдельно стоящих киосков со всякой всячиной – от специализированных товаров до безделушек: игрушечные вертолетики, продавцы которых показательно запускали их полетать над головами испуганных покупателей; цепочки для ключей, на которые можно было нанести именную лазерную гравировку; какие-то штуки для завивки волос (Сэмюэл, как ни старался, так и не понял, как ими пользоваться); колбаса в подарочной упаковке; наборы стаканов с трехмерными голограммами; пояса, с которыми выглядишь стройнее; шапки, на которых при тебе вышивали любую фразу, какую попросишь; футболки, на которых печатали твои фотографии. Все эти сотни магазинов и ларьков, казалось, обещали одно: здесь ты найдешь все что душе угодно. Тут было даже то, что не ожидаешь встретить в

торговом центре: например, павильон, где отбеливали зубы. Или делали шведский массаж. Или продавали пианино. Все это можно было найти в торговом центре. Несметное изобилие заменяло воображение: что толку мечтать, если здесь все уже придумали за тебя?

Пытаться отыскать в торговом центре идеальный подарок – все равно что читать книгу из серии “Выбери приключение”, когда выбора не осталось. Нужно было угадать, какую открыть страницу. Где-то там таился счастливый конец.

Сэмюэл прошел мимо магазина свечей, раз-другой глубоко вдохнул коричный аромат. Возле маникюрного салона у него едва не разболелась голова от едкой вони. У кондитерского его так и потянуло к пластмассовым лоткам с леденцами, но он устоял. Музыка торгового центра мешалась с мелодиями, доносившимися из каждого магазинчика, так что казалось, будто едешь на машине, и радио то ловит, то не ловит: композиции то звучали громче, то смолкали. Тут играл какой-то жизнерадостный мотаун. Там – “Твист”. Чабби Чекер. Мама Сэмюэла эту песню терпеть не могла – он и сам не знал, откуда это знает. Он думал о музыке, слушал мелодии, раздававшиеся из магазинов, заметил за ресторанным двориком музыкальный магазин – и тут его осенило. Как же он сразу не догадался?

Музыка.

Бетани же музыкант! Сэмюэл помчался к магазину. Ему было стыдно: все это время он спрашивал себя, что может

ей подарить, вместо того чтобы задаться вопросом: чего же на самом деле хочет Бетани? Все это себялюбие, эгоизм, надо будет как-нибудь обязательно об этом подумать, решил Сэмюэл, но потом: сейчас нужно за десять минут найти идеальный подарок.

Он вбежал в магазин, увидел, что кассеты с популярными записями стоят около двенадцати долларов, и расстроился: слишком дорого, но тут же приободрился, заметив в глубине зала корзину с надписью “Классика”, а под ней – “за полцены”. Просто подарок небес! Кассеты по шесть долларов: наверняка одна из них станет Бетани лучшим подарком.

Сэмюэл принялся рыться среди валявшихся в корзине кассет. Пластмассовые коробки трещали. Тут Сэмюэла осенило: он же ничего не смыслит в такой музыке. Не знает, что может понравиться Бетани и какие записи у нее есть. Не отличит хорошую музыку от плохой. Некоторые имена ему были знакомы – Бетховен, Моцарт, – но большинство он слыхом не слыхал. На обложках попадались иностранные фамилии, которые он даже не мог прочитать. Сэмюэл совсем было решил выбрать запись знаменитого композитора, Стравинского, о котором хотя бы слышал (хотя понятия не имел, от кого и когда), но потом подумал, что если уж он знает Стравинского, то Бетани и подавно: наверняка у нее есть все его записи, и они уже успели ей надоесть. Тогда он решил выбрать что-то более современное, интересное, новое, что-нибудь такое, что подчеркнет его изысканный вкус, покажет

Бетани, что он не такой, как все, он независимый, и ему, в отличие от остальных, чужд стадный инстинкт. Сэмюэл выбрал десять кассет с самыми любопытными обложками. Никаких тебе портретов композиторов, старых картин, фотографий скучных оркестров и дирижеров с палочкой в руке. Только концептуальная живопись: яркие пятна, абстрактные геометрические формы, психоделические спирали. Сэмюэл отнес альбомы на кассу, выложил перед кассиром и спросил:

– Что из этого никогда не берут?

Кассир, парень лет тридцати с небольшим, с собранными в хвост длинными волосами, судя по лицу, человек впечатлительный и чуткий, если и удивился вопросу, то ничем этого не выдал: окинул взглядом кассеты, с важным видом, внушившим Сэмюэлу доверие, выбрал одну, потряс ею и сказал:

– Вот эту. Ее никто ни разу не купил.

Сэмюэл протянул ему десять долларов. Кассир убрал покупку в пакет.

– Экспериментальная вещь, – пояснил он. – Не каждый поймет.

– Здорово, – ответил Сэмюэл.

– Там один и тот же фрагмент записан десять раз. Отвал башки. Тебе такое нравится?

– Еще как!

– Круто, – сказал кассир и дал ему сдачу.

У Сэмюэла оставалось целых четыре доллара. Он побежал в кондитерский магазин. Пакет с идеальным подарком мо-

тался сзади, бил его по ногам. У Сэмюэла слюнки текли от предвкушения, как он накупит леденцов, голова подергивалась под звучащую вокруг музыку, а перед глазами проносились видения, в которых он всегда делал правильный выбор и все его приключения оканчивались счастливо и благополучно.

7

Бишоп Фолл хулиганил, но не как все: слабых не обижал. Не трогал всяких там тощих мальчишек и неуклюжих девчонок. Слишком легкая добыча. Его внимание привлекали сильные, уверенные, хладнокровные – те, кто пользуется авторитетом.

На первом же школьном собрании Бишоп заприметил Энди Берга, главного хулигана и задиру, единственного из шестиклассников, у кого росли волосы на ногах и под мышками, грозу всех мелких и слабых. Школьный тренер звал его “Айсбергом”. Или просто “Бергом” – вроде как и по фамилии, но и созвучно слову “айсберг”. Берг был огромный, медлительный и не останавливался ни на минуту. Типичный школьный хулиган: гораздо выше и сильнее всех в классе, он то и дело выплескивал затаенную злобу, вызванную задержкой умственного развития – впрочем, это было единственное, в чем он отставал. Во всем остальном он существенно опередил сверстников. Уже в шестом классе Берг обогнал в

росте многих учительниц. И в весе тоже. При этом его телосложение нельзя было назвать спортивным: все говорило о том, что он вырастет обычным толстяком. Пузо как пивная бочка. Руки как бычьи ляжки.

Собрание началось как обычно: классы с первого по шестой расселись на трибунах в вонючем спортивном зале с резиновым полом. Ученики не сводили глаз с заместителя директора, Терри Фластера (в костюме двухметрового красно-белого орла, талисмана школы), который прогнал с ними несколько речевок, причем первая, как всегда, начиналась с фразы: “Эй, орлята, не курить!”

После него вышел директор Лардж, велел всем замолчать и произнес обычную вступительную речь о том, что ждет от ребят примерного поведения, ни в коем случае не потерпит непослушания и так далее. Ученики его не слушали, сонно рассматривали свою обувь, и только первоклашки, которым все это было в новинку, перепугались до смерти.

Завершилось подготовительное собрание, как обычно, призывом мистера Фластера: “Вперед, орлы! Вперед, орлы!”

Школьники хлопали, повторяли за Фластером речевки, но и вполосину не так жизнерадостно, как заместитель директора, однако все же достаточно громко, чтобы заглушить выкрики Энди Берга, слышные лишь тем, кто стоял вокруг него, в том числе Сэмюэлу и Бишопу: “Ким – пидарас! Ким – пидарас!”

Адресованы они были, разумеется, бедняге Киму Уигли,

который стоял в двух шагах слева от Берга. Ким был самой легкой добычей из всех шестиклассников: он страдал от всех препубертатных напастей сразу. Густая, как снег, перхоть, массивные скобки на зубах, хронический лишай, сильная близорукость, острая аллергия на орехи и цветочную пыльцу, мучительные ушные инфекции, экзема на лице, дважды в месяц конъюнктивит, астма и бородавки, а во втором классе у Кима как-то раз даже завелись вши, о чем ему регулярно напоминали. Да и весил он от силы килограммов двадцать, и то в зимней одежде. Вдобавок у него было девчачье имя.

В такие минуты Сэмюэл понимал, что по совести должен защитить Кима, прекратить издевательства, дать отпор великану Энди Бергу, потому что *хулиганы, наткнувшись на сопротивление, всегда идут на попятный*, если верить брошюрам, которые раздавали раз в год на уроках гигиены и психологии. Разумеется, все прекрасно знали, что это полная фигня. В прошлом году Бренд Бомонд дал отпор Бергу за то, что тот постоянно смеялся над его очками с толстенными, точно пуленепробиваемыми, стеклами. Трясаясь от волнения, Бренд заорал на всю столовую: “Заткнись, придурок!” Берг действительно заткнулся и до конца уроков оставил Бомонда в покое, так что все, кто был свидетелем этой сцены, обрадовались: опасность миновала, брошюры оказались правы! Вся школа ликовала, Бренд ходил героем, но в тот же день по дороге домой Берг подловил его и так избил, что в дело вмешалась полиция. Допросили друзей Бренда, но те уже

усвоили урок и держали рот на замке. Хулиганы не идут на попятный.

В этом году про Берга ходил слух – который пустил сам Берг, – будто он занимался сексом (по всей видимости, первым из всех шестиклассников). С девушкой. Берг утверждал, будто она раньше была его няней, а теперь, как он говорил, “с моего члена не слезает”. Проверить это, разумеется, не представлялось возможным. Ни кто была эта старшеклассница, ни насколько интересовалась анатомией Берга. Впрочем, и опровергнуть его слова тоже было нельзя. Ни один из тех, кто слышал, как Берг в раздевалке хвастается успехами, не хотел рисковать здоровьем, чтобы высказать очевидное: ни одна старшеклассница в жизни не станет крутить с шестиклассником, если только она не чокнутая, не уродина и не в депрессии. Или все сразу. Такого просто не может быть.

И все же.

Берг так рассуждал о сексе, что мальчишки поневоле прислушивались. Он рассказывал во всех подробностях. Описывал все до последних, весьма неаппетитных мелочей. Мальчишки смущались, не спали ночей, бесились: что если Берг сказал правду и действительно трахает старшеклассницу? Какие еще тогда нужны доказательства, что мир несправедлив и Бога нет! А если Бог есть, то ненавидит их, потому что никто в школе не заслуживал секса меньше, чем долбаный Энди Берг. И каждый раз на физкультуре им приходилось выслушивать, как он выкурил отцовскую сигару, чтобы пе-

ребить запах пизды, и что на этой неделе у него не было секса, потому что у телки месячные, и как он однажды кончил, а гондон лопнул – столько было спермы! От таких рассказов ребят мучили кошмары – ну и еще от того, что даже противный Энди Берг всюду занимается сексом, а с ними родители вот только недавно провели “беседу об этом”, да и сама мысль о сексе с девочкой пугала и вызывала омерзение.

Услышав, как на подготовительном собрании Берг издевается над Кимом, Бишоп решил действовать. Слишком уж легкой добычей был Уигли: смирный, неуклюжий, он не ответил на оскорбление, как будто давно смирился со своим местом в школьной иерархии. Казалось, он подсознательно готов к издевательствам. Видимо, это взбесило Бишопа: обижать Кима было все равно что бить лежащего. Странное чувство справедливости требовало от Бишопы, как от будущего солдата, защищать слабых и невиновных, и он давал противнику жестокий, несоразмерный нападению отпор.

Когда школьники после собрания выходили из спортзала, Бишоп хлопнул Берга по плечу.

– Мне тут про тебя кое-что рассказали, – произнес он.

Берг смерил его раздраженным взглядом.

– Да? И что же?

– Что будто бы ты уже трахаешься.

– Еще как трахаюсь.

– Значит, не наврали.

– Я столько трахаюсь – тебе сколько и не снилось.

Сэмюэл с опаской шагал за ними. Обычно он старался держаться от Берга подальше, но рядом с Бишопом чувствовал себя в безопасности. Бишоп всегда притягивал к себе всеобщее внимание. Он как будто заслонил Сэмюэла от Берга.

– Тогда я тебе кое-что покажу.

– И что?

– Но это только для взрослых. Ты ведь уже взрослый?

– Да что такое-то?

– Так я тебе и сказал. А вдруг кто-то услышит? Тут дело такое, можно крепко влипнуть.

– Да о чем ты вообще?

Бишоп закатил глаза, огляделся по сторонам, словно хотел проверить, не подслушивает ли кто, подошел ближе к Бергу, жестом попросил его наклониться и прошептал на ухо:

– Порнуха.

– Да ладно!

– Тише ты.

– У тебя есть порнуха?

– До фиги и больше.

– Правда?

– Но это не для сопливых пацанов, сам понимаешь.

– Класс! – возбужденно воскликнул Берг.

Для мальчишек его возраста, тех, чье половое созревание пришлось на восьмидесятые, когда никакого интернета не было в помине и порно еще не стало доступным для всех

(а следовательно, и банальным), — для этого последнего поколения мальчишек порнуха была вполне себе материальна. Те, у кого была порнуха, считались супергероями. Все их знали, все хотели с ними дружить. Раз в полугодие кто-нибудь из мальчишек находил у отца коллекцию порножурналов и, пока его не накрыли, пользовался всеобщим вниманием: продолжалось это от одного дня до нескольких месяцев, в зависимости от характера везунчика. Те, кому до зарезу хотелось всеобщей любви и восхищения, уносили из дома всю пачку целиком и получали свои пять минут славы — яркие звезды, сгоравшие за день, поскольку отцы, обнаружив пропажу всех журналов, тут же догадывались что к чему. Другие, более сдержанные и не такие жадные до восторгов, поступали осмотрительнее. Они вытаскивали из пачки один журнал — скажем, третий снизу, тот, который взрослые наверняка уже засмотрели до дыр и забросили. Его-то они приносили в школу, неделю-другую показывали всем желающим, после чего возвращали на место. Потом брали следующий номер, тоже снизу стопки, и все повторялось. Таким удавалось растянуть успех на несколько месяцев, пока кто-нибудь из учителей, заметив усевшихся в кружок мальчишек, не подходил узнать, в чем дело, потому что, если на перемене школьники не носятся как бешеные по площадке, значит, что-то тут нечисто.

Иными словами, доступ к порнухе у мальчишек был не всегда. Вот почему Берг так заинтересовался.

– Где она? – спросил он.

– Малышня-то, сам понимаешь, испугается, – ответил Бишоп. – Вообще не поймет, что это.

– Покажи.

– Но ты не такой. Тебе можно.

– Еще бы!

– Давай встретимся после школы. Когда все уйдут. У лестницы за столовкой, где площадка для погрузки. И я тебе покажу, где ее прячу.

Берг согласился и вышел из спортзала. Сэмюэл похлопал Бишоп по плечу.

– Что ты делаешь? – спросил он.

Бишоп расплылся в улыбке.

– Врага заманиваю.

Позже, когда прозвенел последний звонок, автобусы со школьниками разъехались и здание опустело, Бишоп с Сэмюэлом пробрались за школу. С дороги их видно не было; вокруг – лишь бетон и асфальт. Задний двор школы походил на крупный склад – промышленный, технический, автоматизированный, апокалиптический объект. Почерневшие от сажи массивные алюминиевые короба кондиционеров, внутри которых гудели вентиляторы, точно эскадрилья штурмовых вертолетов, готовых к взлету, но так ни разу и не взлетевших. Ключки бумаги и картона, которые ветер разносил по углам и щелям. Промышленный уплотнитель мусора: металлический ящик размером с самосвал, выкрашенный в типичный

для мусоровозов травянисто-зеленый цвет, весь липкий от помоев.

Возле площадки для погрузки была лестница к двери в подвал, которой никто никогда не пользовался. Никто даже не знал, куда она ведет. С одной стороны ступени загороживала бетонная стена, с другой – вертикальная решетка, такая высокая, что не заберешься. Сверху была калитка. Непонятно, для кого все это устроили: решетку явно установили, чтобы никто не пробрался на лестницу, хотя, даже если калитка закрыта, на ступеньки можно было запросто спрыгнуть с площадки для погрузки. Дверь подвала открывалась только изнутри: снаружи на ней даже ручки не было. Так что калитка могла разве что служить ловушкой, что было по меньшей мере странно с архитектурной точки зрения, а по большей – чрезвычайно опасно в случае пожара. Грязные ступеньки были густо усыпаны опавшими листьями, целлофановыми пакетами и окурками: лестницей явно не пользовались годами.

Здесь-то они и поджидали врага. Сэмюэл нервничал. Его пугало то, что придумал Бишоп: он решил запереть Энди Берга на лестнице и оставить там на всю ночь.

– Может, не надо? – спросил он Бишопа, который спустился по ступенькам, достал из рюкзака черный пакет и спрятал его под листьями, грязью и мусором.

– Не бойсь, – ответил Бишоп. – Прорвемся.

– А если нет? – не унимался Сэмюэл, готовый расплакаться.

ся при мысли о том, что с ними сделает Энди Берг за такую дурацкую выходку.

– Лучше давай уйдем, – не унимался Сэмюэл. – Прямо сейчас, пока его нет. И все будет хорошо.

– Делай, что я сказал. Ты помнишь, что должен сделать?

Сэмюэл нахмурился, потрогал лежавший в кармане массивный железный замок.

– Когда он спустится к двери, закрыть калитку.

– Тихо закрыть калитку, – поправил Бишоп.

– Точно. Чтобы он не заметил.

– Я дам тебе знак, и ты ее закроешь.

– Какой знак?

– Посмотрю на тебя многозначительно.

– Как-как?

– Ну так. Вылуплюсь на тебя. Увидишь – поймешь.

– Хорошо.

– А после того, как закроешь калитку?

– Я ее запру, – ответил Сэмюэл.

– Это главная часть задания.

– Я знаю.

– Самая важная часть.

– Если я ее запру, он не сможет выбраться и надавать нам по шее.

– Ты должен думать как солдат. Ты должен сосредоточиться на своей части операции.

– Понял.

– Не слышу!

Сэмюэл притопнул и выкрикнул:

– Так точно!

– Так-то лучше.

Вечер выдался теплый, влажный и душный, на земле лежали длинные тени, в небе пламенел густо-оранжевый закат. На горизонте собирались обычные для Среднего Запада тучи – огромные, похожие на плавучие лавины, обещавшие грозы и зарницы. Ветер трепал кроны деревьев. Наэлектризованный воздух пах озоном. Бишоп закопал пакет внизу лестницы. Сэмюэл тренировался бесшумно закрывать калитку. Наконец они забрались на погрузочную площадку и уселись ждать. Бишоп снова и снова проверял содержимое рюкзака, Сэмюэл теребил тяжелый замок в кармане.

– Биш!

– Чего?

– А что тогда было в кабинете директора?

– Ты о чем?

– Ну когда тебя повели пороть. Что там случилось?

Бишоп перестал рыться в рюкзаке, поднял голову, посмотрел на Сэмюэла и тут же отвернулся, приняв вид, который Сэмюэл научился узнавать: весь напряжился, глаза-щелочки, брови домиком. В позе Бишоп читался вызов. Сэмюэлу уже доводилось видеть его таким: так он выглядел, общаясь с мистером Ларджем, и с мисс Боулз, и с мистером Фоллом, и когда бросил камень в дом директора школы Святого

сердца. Бишоп держался решительно и дерзко, что обычно не свойственно одиннадцатилетнему мальчишке.

Однако он тут же и успокоился: из-за угла показался Энди Берг. Шел он, как всегда, по-дурацки, вперевалку, шаркал, подволакивал ноги, как будто они были слишком далеко от его крошечного мозга или нервная система попросту не справлялась с таким огромным телом.

– Идет, – бросил Бишоп. – Готовься.

Берг, как обычно, был в черных спортивных штанах, белых кроссовках не пойми какой марки и футболке с дурацкой подростковой шуткой – на этот раз там было написано “В чем с-суть?”. Берг был единственным парнем в классе, над кем не смеялись за то, что он ходит в дешевых поддельных кроссовках. Он был такой здоровенный и так легко пускал в ход кулаки, что мог ходить в чем угодно. Единственное, в чем он разделял вкусы большинства, была прическа: Берг отращивал крысиный хвостик, модный примерно у четверти мальчишек из класса. Чтобы отрастить правильный крысиный хвостик, волосы стригли коротко, а на затылке оставляли тонкую прядь. У Берга черная выющаяся косица уже спускалась на лопатки. Он подошел к погрузочной площадке, на которой, чуть выше его головы, по-турецки сидели Бишоп с Сэмюэлом.

– Наконец-то, – сказал Бишоп.

– Показывай давай.

– Сперва пообещай, что не испугаешься.

– Заткнись уже.

– А то народ боится. Малявки, что с них взять. Куда им такое.

– Да уж как-нибудь выдержу.

– Правда, что ли?

Бишоп произнес это таким саркастическим тоном, что было непонятно, шутит он или издевается. Как будто тебе до него еще расти и расти. Берг, похоже, это почувствовал, поскольку молчал, не зная, что ответить. Он не привык, чтобы с ним вели себя так смело и дерзко.

– Ну ладно, допустим, у тебя кишка не тонка, – не унился Бишоп. – И ты не испугаешься. В конце концов, что ты там не видел!

Берг кивнул.

– Ты ж и так все время это видишь, правда? Ты же трахашь старшекласницу?

– И что?

– Да я вот понять не могу, зачем тебе все это нужно, если у тебя и так есть девчонка. На фиг тебе порнуха?

– Да она мне на фиг не нужна.

– И зачем ты тогда приперся?

– Да у тебя и нет никакой порнухи. Врешь ты все.

– А ты, похоже, нам чего-то недоговариваешь. Может, девка у тебя страшная. А может, ее и вовсе нет.

– Пошел ты в жопу! Так чего, покажешь или нет?

– Так уж и быть, дам тебе посмотреть одну картинку. А

если не испугаешься, покажу еще.

Бишоп порылся в рюкзаке, выудил журнальную страницу с рваным краем, сложенную в несколько раз, медленно и осторожно протянул ее Бергу, и тот, раздосадованный этим спектаклем, выхватил ее у него. Не успел Берг развернуть страницу, как глаза у него вылезли из орбит, рот приоткрылся, и привычное выражение первобытной суровости сменилось одурением.

– Ого, – выдохнул Берг. – Вот это да.

Сэмюэл не видел картинки, которая привела Берга в такой восторг. На него смотрел лишь оборот страницы с рекламой не то коньяка, не то виски.

– Офигенно, – сказал Берг.

Вид у него был, как у щенка, который выпрашивает кусочек с хозяйской тарелки.

– Да, неплохо, – откликнулся Бишоп. – Но “офигенным” я бы это не назвал. Ничего особенного. Даже как-то глупо.

– Где ты это взял?

– Какая разница. Еще показать?

– А то!

– А ты никому не расскажешь?

– Где они?

– Сперва поклянись, что никому не скажешь.

– Ладно, клянусь.

– Скажи так, чтобы я поверил.

– Показывай уже.

Бишоп поднял руки – мол, сдаюсь – и указал на ступеньки.
– Вон там, внизу, – пояснил он. – Я спрятал их в мусоре у подножия лестницы.

Берг выронил страницу, открыл калитку на лестницу и ринулся вниз по ступенькам. Бишоп посмотрел на Сэмюэла и кивнул: это был знак.

Сэмюэл соскочил с погрузочной площадки на то место, где только что стоял Берг, подошел к калитке и медленно закрыл ее – в точности так, как они тренировались. Сверху он видел Берга у подножия лестницы, его мерзкий длинный крысиный хвостик, широкую жирную спину: наклонившись, Берг разгреб листья и грязь и обнаружил зарытый Бишопом пакет.

– Тут? В пакете? – уточнил Берг.

– Ага. Там.

Калитка закрылась с негромким стуком. Сэмюэл просунул между прутьев тяжелый навесной замок и запер его, с удовольствием услышав механический щелчок. Теперь точно все. Обратного пути нет. Они это сделали, и ничего уже не исправить.

В метре-другом от Сэмюэла валялась журнальная страница, которую Бишоп дал Бергу. Ветер кружил ее в вихре по погрузочной площадке, складывал пополам по сгибам, которые образовались, когда страницу загнули восемь раз. Сэмюэл подобрал ее. Развернул. И первым, что бросилось ему в глаза – еще до того, как образы на фотографии приняли при-

вычный облик, превратились в части тела, — главным элементом композиции, определявшим снимок целиком, и единственным, что запомнилось Сэмюэлу, были волосы. Множество черных кудрявых волос. Черная как смоль копна кудрей на голове, густых и тяжелых даже на вид, спускалась до самой земли, на которой сидела девушка: ягодицы расплющились, как тесто. Одной рукой девушка облокотилась на землю, а другую сунула в промежность и двумя пальцами, точно перевернутым пацификом, развела в стороны половые губы, обнажив пухлую таинственную алую шелку в кудряшках, густых и черных там, где они доходили почти до пупка, и легких, пушистых на внутренней поверхности ее прыщавых ляжек: здесь волосы напоминали жидкую поросль, которую отпускают подростки, когда им не терпится обзавестись усами и бородой; эти выющиеся волосы спускались до самой земли, на которой сидела девушка, в неизвестном тропическом лесу. Сэмюэл пытался одновременно охватить эту сцену в подробностях, понять, в чем тут суть, разглядеть в снимке то, что видел в нем Энди Берг, но испытывал лишь отвлеченное любопытство, к которому примешивалось нечто вроде легкого отвращения и даже страха оттого, что мир взрослых, оказывается, так мерзок и гадок.

Сэмюэл сложил страницу в несколько раз, стараясь прогнать из головы образ, который только что видел, как вдруг Берг рявкнул снизу лестницы:

— Что за фигня?

И в ту же минуту сумерки разрезала яркая белая вспышка. Бишоп держал в руках “полароид”, из которого с жужжанием выползал белый квадратик пленки.

– Что за фигня! – повторил Берг.

Сэмюэл вскарабкался по лестнице на погрузочную площадку и подбежал к стоявшему на краю Бишопу, который махал Бергу фотографией и хохотал. Вокруг Берга валялись снимки: видимо, он перевернул пакет и вытряхнул их на землю. Сэмюэл увидел, что почти на всех кадрах были сняты крупным планом огромные эрегированные пенисы. Члены взрослых мужчин. Большие, мощные, налитые кровью, побагровевшие, некоторые влажные, с каплями спермы. Были тут и пенисы из порножурналов, и полароидные снимки чьих-то членов, сфотографированных со вспышкой, нерезкие, – чьи-то безымянные пенисы, лишенные тел, выступали из тени крупным планом, выглядывали из-под складок живота.

– Что за фигня! – похоже, других слов у Энди Берга не осталось. – Что за фигня?

– Вот видишь, я так и знал, – подал голос Бишоп. – Испугался как маленький.

– Что это за фигня?

– Рано тебе еще такое видеть.

– Я тебя убью на фиг.

– Сперва до нас доберись.

Берг помчался вверх, перепрыгивая через две ступень-

ки. Он был такой здоровый и неся так стремительно, что, казалось, ничто не сможет его удержать. Неужели они правда думали, что какой-то дурацкий замок их спасет? Сэмюэл представил, как тот ломается пополам и Берг вырывается из клетки, точно разъяренный зверь в цирке. Сэмюэл отступил на шаг, встал позади Бишопа и положил ему руку на плечо. Берг добежал до верха лестницы и выставил вперед руку, чтобы толкнуть калитку. Но та не подалась. Мощь Бергова движения столкнулась с прочностью железной калитки, и подалось единственное, что могло податься: рука.

Запястье выгнулось, и плечо вывихнулось с жутким хрустом. Берг отскочил назад, рухнул, как подкошенный, съехал вниз по ступенькам и упал у подножия лестницы. Он держался за руку, стонал и плакал. Калитка дрожала, так что гремел замок.

– Уй, больно! – хныкал Берг. – Рука!

– Пошли, – сказал Сэмюэл.

– Погоди, – ответил Бишоп. – Еще не все.

Он подошел к краю площадки и встал прямо над Бергом: их разделяли какие-нибудь два метра.

– Знаешь, что сейчас будет? – произнес Бишоп, заглушая хныканье Берга. – Я тебя обоссу, и ты ничего мне не сделаешь. А еще ты больше никогда никого пальцем не тронешь. Потому что у меня есть твоя фотка. – Бишоп помахал ему полароидным снимком. – Ты бы ее видел. На ней ты со всей этой гомосятиной. Хочешь, чтобы завтра эта фотка была в

каждом шкафчике? Под каждой партой? В каждом учебнике?

Берг поднял на Бишопа глаза, и на мгновение превратился в обычного шестиклассника, который прежде был заперт в этом огромном взрослом теле: вид у Берга был удивленный, униженный, жалкий и несчастный. Как у животного, ошеломленного тем, что его пнули.

– Нет, – выдавил Берг сквозь слезы.

– Тогда води себя хорошо, – ответил Бишоп. – Не лезь к Киму. И вообще ни к кому не лезь.

Бишоп расстегнул ремень и молнию на джинсах, стянул трусы и выпустил на Энди Берга длинную мощную струю мочи. Тот зарыдал, завыл и попытался увернуться. Берг свернулся в клубок, а Бишоп ссал ему на спину, на футболку, на крысиный хвостик.

После этого Бишоп с Сэмюэлом собрали вещи и ушли. На обратном пути они не проронили ни слова, и лишь когда пришла пора расходиться в разные стороны – Бишопу через лес в Венецианскую деревню, а Сэмюэлу дальше, – Бишоп похлопал друга по руке и сказал:

– Молодчина, солдат, так держать. Мы сделаем из тебя человека.

И убежал.

В ту ночь жара наконец-то пошла на спад. Сэмюэл сидел в своей комнате у окна и смотрел, как мир снаружи заливают гроза. Ветер гнул к земле деревья на заднем дворе, небо

разрезали молнии. Сэмюэл представил, как мокнет под дождем угодивший в ловушку Энди Берг, как он дрожит, как мерзнет, как ему больно и одиноко.

Утром повеяло первой осенней прохладой. Энди Берг в школу не явился. Говорили, вроде он не пришел домой ночевать. Вызвали полицию. Родители и соседи отправились на поиски. Утром его наконец нашли, мокрого, больного, в лестничном колодце за школой. Теперь он в больнице. Ни о каких фотографиях никто и словом не обмолвился.

Сэмюэл решил, что Берг простудился под дождем, а может, подхватил грипп. Бишоп считал иначе:

– Ему же надо было избавиться от порнухи, так? – сказал он на перемене. – Ну, чтобы его не увидели со всеми этими фотками?

– Ну да, – согласился Сэмюэл. – И что?

Они сидели на качелях, но не качались, а смотрели, как ребята на площадке играют в салки, и Ким Уигли с ними: такое случалось нечасто, потому что Ким на перемены либо не ходил, либо старался не бывать там, где можно нарваться на Берга и получить по шее. Сейчас же он беззаботно и весело играл со всеми в салки.

– Раз Берг в больнице, – продолжал Бишоп. – Значит, скорее всего, он отравился.

– Чем это?

– Фотки слопал. Надо же было куда-то их деть.

Сэмюэл попытался представить, каково это – съесть по-

лароидный снимок. Разжевать жесткий пластик. Проглотить карточку с твердыми острыми углами.

– Думаешь, он их съел? – усомнился он.

– А то!

Ким посмотрел на них с другого конца площадки и несмело махнул Бишопу. Бишоп помахал в ответ, рассмеялся, крикнул: “Ура!” и убежал играть с ребятами – точнее, буквально перелетел к ним, почти не касаясь земли.

8

С некоторых пор директор Академии Святого сердца полюбил прогуливаться по единственной улочке Венецианской деревни, обычно на закате, так осторожно переступая и шаркая ногами, словно они в любой момент грозили подкоситься под тяжестью этой туши. Вдобавок недавно он приобрел трость, которая придавала ему величественный вид, что немало радовало директора. Трость удивительным образом преображала его согбенную хромую фигуру. С нею он выглядел *благородным страдальцем*. Этаким героем войны. Трость была дубовая, выкрашенная в густо-черный цвет. Перламутровая рукоятка крепилась к древку оловянным кольцом с выгравированными на нем королевскими лилиями. Когда директор купил себе трость, соседи вздохнули с облегчением: теперь он расхаживал не с таким мученическим видом, а следовательно, не надо было справляться о его

самочувствию и в сотый раз слушать рассказ про Болезнь. За последние полгода эта тема себя исчерпала. Директор успел оповестить всех соседей о своей Болезни, загадочном недуге, который доктора не сумели диагностировать и от которого не было лекарств. Симптомы весь квартал знал назубок: теснит в груди, одышка, обильный пот, непроизвольное слюноотделение, брюшные колики, перед глазами все плывет, постоянная усталость, вялость, общая слабость, головная боль, головокружение, тошнота, потеря аппетита, замедленное сердцебиение и нервный тик в разных частях тела, который директор демонстрировал соседям, если тот настигал его во время разговора. Приступы обычно начинались либо в полдень, либо в полночь и длились в среднем от четырех до шести часов, после чего таинственным образом проходили сами собой. Директор не стеснялся рассказывать о своем состоянии в самых интимных подробностях. Он говорил как человек, на которого обрушился смертельный недуг и заслонил всякое понятие о приличиях. Он расписывал, как бывает неудобно, когда одновременно нападает рвота и понос и невозможно решить, что же делать сначала. Соседи кивали и натянуто улыбались, стараясь ничем не выдать отвращения, потому что их дети, как и все дети обитателей Венецианской деревни, учились в Академии Святого сердца, и все прекрасно знали, что ее директор пользуется огромным влиянием. Ему достаточно было позвонить главе приемной комиссии Принстона, Йеля, Гарварда или Стэнфорда, чтобы

шансы того или иного ученика на поступление увеличились на тысячу процентов. Все это знали, потому и терпели долгие и подробные рассказы директора о медицинских процедурах и телесных отправлениях: так родители вносили своего рода вклад в образование и будущее детей. Поэтому-то они были в курсе многочисленных визитов директора к дорогостоящим специалистам: аллергологам, онкологам, гастроэнтерологам, кардиологам, а также результатов его МРТ, КТ и малоприятных биопсий различных органов. И всякий раз директор в шутку повторял: самое полезное, на что он за последнее время потратил деньги, это его трость. (Трость и правда была умопомрачительно красива, тут соседи вынуждены были отдать ей должное.) Он уверял, что лучшее лекарство – это активный образ жизни и свежий воздух, поэтому каждый вечер ходил гулять и дважды в день, утром и вечером, принимал у себя на заднем дворе горячую ванну с соленой водой: директор говорил, что для него это одно из немногих оставшихся удовольствий.

Менее великодушные соседи шушукались, что директор каждый вечер гуляет не для здоровья, а чтобы битый час плакаться на жизнь, и все его жалели. Разумеется, говорили они об этом только мужу или жене, а больше никому, но так оно и было. Они понимали, что это звучит эгоистично, бездушно, черство, ведь директор и вправду болен, и загадочный недуг причиняет ему невообразимые душевные и телесные страдания, но именно они чувствовали себя жертвами, именно

они чувствовали себя пострадавшими, потому что вынуждены были все это выслушивать. Порой им казалось, будто их взяли в заложники, когда по часу приходилось общаться с директором, прежде чем распрощаться с этим занудой, вернуться к себе в гостиную и попытаться хотя бы остаток вечера провести приятно. Они включали телевизор и видели в новостях очередную печальную историю об очередной проклятой гуманитарной катастрофе, очередной проклятой гражданской войне в какой-нибудь забытой богом стране, видели кадры с ранеными или голодающими детьми и злились *на этих детей* за то, что те своими страданиями отравили им единственные спокойные минуты отдыха за целый день. Нам, между прочим, тоже живется нелегко, возмущались соседи, и ничего, не жалуемся. Проблемы есть у всех, зачем же о них рассказывать? Почему бы не разобраться с ними самостоятельно? Как можно до такой степени себя не уважать? Зачем втягивать в это весь мир? Ведь мы тут ничем не поможем. Не мы же развязали эту гражданскую войну.

Но вслух, разумеется, они бы этого никогда не сказали. Так что директор не подозревал, что о нем думают на самом деле. Однако некоторые из его непосредственных соседей перестали включать вечером свет и сидели в потемках, пока директор не пройдет мимо. Другие на время его прогулки уезжали поужинать в ближайший ресторан. Третьи так наловчились избегать его общества, что порой директор доходил до конца улицы, стучался к Фоллам и напрашивался

на чашечку кофе, как было в тот первый раз, когда Сэмюэлу разрешили переночевать у Бишопа.

Родители впервые отпустили его ночевать к другу. Отец сам повез его к Фоллам и был явно ошарашен, увидев высокие медные ворота Венецианской деревни.

– Так это здесь живет твой друг? – спросил отец.

Сэмюэл кивнул.

Охранник у ворот проверил водительское удостоверение Генри, попросил заполнить анкету, подписать отказ от претензий и объяснить цель визита.

– Мы же не в Белый дом едем, – раздраженно бросил отец.

– Можете предоставить какие-нибудь гарантии? – спросил охранник.

– Что?

– Нас не поставили в известность о вашем визите, следовательно, необходимы гарантии. На случай ущерба или нарушений.

– Каких еще нарушений?

– Таковы правила. У вас есть кредитная карта?

– Я не оставляю вам свою кредитную карту.

– Мы вам ее вернем. Она нужна лишь в качестве гарантии.

– Да я же просто сына привез.

– А, так ваш сын останется здесь? Хорошо, это подойдет.

– Для чего?

– Для гарантии.

Охранник поехал за ними на гольфкаре. Генри завез

Сэмюэла к Фоллам, наскоро обнял его на прощанье, сказал “Веди себя хорошо” и “Если что, звони”, с ненавистью покоился на охранника и сел в машину. Сэмюэл проводил взглядом машину отца и гольфкар, укативших прочь по Виа Венето. В руках у него был рюкзак с пижамой и сменной одеждой; на дне рюкзака лежала кассета, которую он купил для Бетани в торговом центре.

Сегодня он отдаст ей подарок.

Его уже ждали. Бишоп, Бетани и их родители собрались в одной комнате, которую Сэмюэл раньше не видел, – все в одно время, в одном месте. А за пианино сидел еще один человек, и Сэмюэл узнал его: это был директор. Тот самый директор, который выгнал Бишопу из Академии Святого сердца, сейчас сидел на табурете перед фамильным кабинетным роялем.

– Добрый вечер, – поздоровался Сэмюэл сразу со всеми, ни к кому в отдельности не обращаясь.

– Ты друг из новой школы?

Сэмюэл кивнул.

– Приятно видеть, что он вписался в коллектив, – заметил директор.

Он сказал это о Бишопе, но обращался к его отцу. Сидевший в антикварном деревянном кресле с мягкой обивкой Бишоп казался маленьким, словно директор занял собой всю комнату. Он был одним из тех людей, чей облик точь-в-точь под стать манерам. Мощный голос. Мощное тело. Мощ-

ная поза: директор сидел, широко расставив ноги и выпятив грудь.

Бишоп расположился в самом дальнем от директора углу, скрестив руки и поджав ноги: не мальчишка, а комок злости. Он так вжался в кресло, словно хотел в буквальном смысле слиться с ним, исчезнуть. Бетани сидела на краешке стула у рояля, как обычно, очень прямо, скрестив ноги и положив руки на колени.

– Ну-с, продолжим! – провозгласил директор, повернулся к роялю и поставил руку на клавиши. – Только чур, не подглядывать.

Бетани отвернулась от рояля и уставилась на Сэмюэла. У него екнуло сердце – до того напряженным был ее взгляд. Он с трудом поборол желание отвести глаза.

Директор нажал какую-то клавишу, и раздался низкий, сильный, печальный звук, который Сэмюэл почувствовал всем телом.

– Ля, – сказала Бетани.

– Верно! – согласился директор. – Дальше.

Другой звук, на этот раз в одной из верхних октав, нежный и звонкий.

– До, – ответила Бетани.

Она по-прежнему смотрела на Сэмюэла лишенным всякого выражения взглядом.

– И опять угадала! – заметил директор. – А теперь посложнее.

Он нажал сразу три клавиши и извлек из инструмента резкий, диссонансный аккорд – как ребенок, который лупит по клавиатуре ладошкой. Взгляд Бетани затуманился, словно она на миг потеряла сознание, глаза остекленели, но потом снова обрели осмысленное выражение, и она ответила:

– Си бемоль, до, до диез.

– Удивительно! – директор хлопнул в ладоши.

– Я пойду? – спросил Бишоп.

– Что? – удивился его отец. – Что ты сказал?

– Я пойду? – повторил Бишоп.

– Если попросишь как следует.

Тут наконец Бишоп поднял голову и поймал взгляд отца. Несколько неловких секунд они смотрели друг другу в глаза.

– Можно я пойду к себе? – наконец произнес Бишоп.

– Да, пожалуйста.

Мальчики ушли в игровую. Бишоп явно не горел желанием общаться: он воткнул в приставку “Миссайл Комманд” и с каменным лицом принялся молча запускать в воздух ракеты. Потом ему это надоело, он сказал: “Да ну на фиг, давай лучше кино смотреть”, и включил фильм, который они уже видели несколько раз: там кучка подростков защищала свой город от внезапного нападения русских. Через двадцать минут после начала фильма открылась дверь, и в комнату проскользнула Бетани.

– Он ушел, – сообщила она.

– Вот и хорошо.

У Сэмюэла при виде Бетани каждый раз екало сердце. И даже сейчас, хотя он успел пожалеть, что приехал: Бишоп явно хотел побыть один, так что Сэмюэл не знал, что и делать, и думал даже позвонить отцу и вернуться домой, — даже сейчас Сэмюэл оживился, когда Бетани вошла в комнату. Словно с ее приходом все прочее становилось неважным. Сэмюэл еле сдерживался, чтобы не прикоснуться к ней, не взъерошить ее волосы, не ударить по руке, не щелкнуть по уху или не выкинуть еще какую-нибудь глупость из тех, которыми донимают девчонок влюбленные в них мальчишки, — глупость, которую творят с одной-единственной целью: дотронуться до девочки единственным известным им варварским способом. Но Сэмюэл прекрасно понимал, что так ничего путного не добьешься, поэтому молча и напряженно сидел на своем обычном месте, в кресле-мешке, надеясь, что Бетани расположится рядом с ним.

— Гад он все-таки, — сказал Бишоп. — Проклятый жирный гад.

— Да, — согласилась Бетани.

— Зачем они вообще его пускают в дом?

— Потому что он директор школы. И еще потому, что он болен.

— Смешно.

— Не болел бы — не гулял бы.

— Смешно, я же говорю.

— Ты меня не слушаешь, — сказала Бетани. — Если бы он

не болел, ты бы его не видел.

Бишоп нахмурился и сел.

– Что ты хочешь этим сказать?

Бетани сложила руки за спиной и прикусила щеку изнутри, как делала всегда, когда о чем-то сосредоточенно раздумывала. Волосы ее были забраны в хвост. Зеленые глаза сверкали. На Бетани был желтый сарафан, который к подолу постепенно становился белым.

– Я всего лишь констатирую факт, – ответила Бетани. – Если бы директор не болел, он не ходил бы гулять, и тогда тебе не пришлось бы его видеть.

– Что-то мне не нравится, куда ты клонишь.

– Ребят, о чем вы? – спросил Сэмюэл.

– Ни о чем, – в унисон ответили близнецы.

В гнетущем молчании они втроем досмотрели кино: американским подросткам удалось отбить нападение русских, но привычной радости от победного конца друзья не ощутили, поскольку в воздухе висело напряжение, как будто назревала ссора: Сэмюэлу даже показалось, будто он дома ужинает с родителями, которые опять что-то не поделили. Когда фильм закончился, детям велели готовиться ко сну: они умылись, почистили зубы, надели пижамы, и Сэмюэла отвели в гостевую спальню. Перед тем как детям велели выключить свет, Бетани тихонько постучала к Сэмюэлу, заглянула в комнату и проговорила:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил он.

Бетани замялась на пороге и посмотрела на него, словно хотела что-то сказать.

– А что вы такое делали? – спросил Сэмюэл. – Ну, тогда. У рояля.

– Ах, это, – откликнулась она. – Дешевые трюки.

– Ты что-то показывала?

– Типа того. Я слышу разные звуки. Людям кажется, что это необычно. Родители любят мной хвастаться.

– А что ты слышишь?

– Разные ноты, тона, вибрации.

– От рояля?

– Ото всюду. Рояль услышать проще всего, потому что у каждого звука есть название. А так я слышу что угодно.

– Как это – что угодно?

– На самом деле каждый звук состоит из нескольких звуков, – пояснила Бетани. – Из трезвучий и гармоник. Тонов и обертонов.

– Это как?

– Стук в стену. Дребезжание стеклянной бутылки. Пение птиц. Шорох шин по асфальту. Телефонный звонок. Гудение посудомойки. Во всем есть музыка.

– И ты во всем этом слышишь музыку?

– Наш телефон звонит пронзительно, – ответила Бетани. – Каждый раз слух режет.

Сэмюэл постучал по стене и прислушался.

– Я слышу только стук.

– Это гораздо больше, чем стук. Послушай. Постарайся различить звуки. – Она резко постучала по дверному косяку. – Так звучит дерево, но у древесины плотность неоднородная, поэтому она издает несколько близких друг к другу тонов. – Бетани снова постучала. – Еще тут звуки клея, стены и гул ветра в стене.

– Неужели ты все это слышишь?

– Ну оно же есть. Все вместе воспринимается как стук. Такой темно-коричневый шум. Если смешать все краски в коробке, получится этот звук.

– А я ничего такого не слышу.

– Мир вообще труднее расслышать. В рояле каждая нота на своем месте. В доме – нет.

– Ничего себе.

– Приятного в этом мало.

– Почему?

– Ну вот хотя бы птицы. Есть такая птичка, танагра, она еще так поет: “Чик-чирик-чирик-чирик”. Знаешь? Перелетная птица.

– Знаю.

– А я вместо “чирик-чирик” слышу терцию и доминанту в ля бемоль мажоре.

– Я не знаю, что это значит.

– Ну то есть нота до плавно переходит в ми бемоль, точь-точь как в одном из соло Шуберта, в симфонии Берлиоза

и концерте Моцарта. Птица поет, а я все это вспоминаю.

– Вот бы и мне так.

– Не надо. Это ужасно. Такая каша в голове получается.

– Зато ты думаешь о музыке, а я только о том, как бы чего не случилось.

Бетани улыбнулась.

– Я всего лишь хочу нормально спать по утрам, – пояснила она. – Но у меня за окном заливается эта танагра. Жаль, что нельзя ее выключить. Или мою голову. Одно из двух.

– А я тебе подарок купил, – вспомнил Сэмюэл.

– Какой еще подарок?

– Из торгового центра.

– Какого еще торгового центра? – удивилась Бетани, но потом вспомнила, и лицо ее прояснилось. – Ах да, из торгового центра! Точно!

Сэмюэл порылся в рюкзаке и достал кассету – блестящую, по-прежнему в целлофановой обертке. Сейчас она вдруг показалась ему крошечной, размером и весом не больше колоды карт. Маловато для значимого подарка, с сожалением подумал Сэмюэл, расстроился и резко сунул Бетани кассету, испугавшись, что если помедлит, то уже не решится отдать.

– Вот, держи, – сказал он.

– А что это?

– Это тебе.

Бетани взяла кассету.

– В торговом центре купил.

Сэмюэл мечтал, как Бетани, получив подарок, радостно улыбнется и бросится ему на шею: ну надо же, воскликнет она, и как ты догадался? Это же идеальный подарок! Бетани осознает, что Сэмюэл чувствует ее, как никто другой, понимает все, что творится у нее в голове, да и сам он – интересная творческая личность с богатым внутренним миром. Однако, судя по лицу Бетани, ничего такого она не подумала. Она прищурилась и наморщила лоб, как будто пыталась разобрать чей-то досадно сильный акцент.

– А ты знаешь, что это? – уточнила она.

– Экспериментальная вещь, – повторил Сэмюэл слова продавца. – Не каждый поймет.

– Вот уж не ожидала, что ее запишут, – заметила Бетани.

– Их там целых десять! – добавил Сэмюэл. – Одна и та же пьеса записана десять раз.

Бетани рассмеялась, и Сэмюэл догадался, что выставил себя дураком, хотя и не понимал почему. Он чего-то явно не знал.

– Чего смеешься? – обиделся он.

– Да это же шутка, – ответила Бетани.

– Какая еще шутка?

– Во всей этой пьесе нет ни звука, – пояснила она. – Ну то есть... полная тишина.

Сэмюэл озадаченно уставился на Бетани.

– Там нет ни одной ноты, – продолжала Бетани. – Пьесу исполнили всего раз. Пианист просто сидел за инструмен-

том, но ничего не играл.

– Как так?

– Ну вот так. Сидел и считал такты. Потом встал и ушел со сцены. Вот и вся пьеса. Не думала, что ее запишут.

– Десять раз.

– В общем, это такой розыгрыш, что ли. Очень известная вещь.

– Значит, вся кассета пустая? – уточнил Сэмюэл.

– Скорее всего. Это же шутка.

– Вот блин.

– Да ладно, чего ты, классно же, – Бетани прижала кассету к груди. – Спасибо. Это ты здорово придумал.

“Здорово придумал”. Сэмюэл долго вспоминал слова Бетани после того, как она ушла, он выключил свет, накрылся с головой одеялом, свернулся в клубок и расплакался. Как быстро жестокая действительность разбила его мечты! Он с горечью думал о том, как надеялся на этот вечер и как оно все обернулось. Бишоп ему не обрадовался. Бетани на него и вовсе плевать хотела. С подарком он прогадал. Что ж, сокрушительное разочарование – лишь плата за надежду, подумал Сэмюэл.

Должно быть, он так и уснул, свернувшись калачиком под одеялом, потому что через несколько часов, горячий и потный, проснулся оттого, что Бишоп тряс его за плечо.

– Вставай. Пошли.

Сэмюэл, пошатываясь, последовал за ним. Бишоп велел

обуться и вылезти из окна кинозала на первом этаже. Сэмюэл выполнил все это в полусонном ступоре.

– За мной, – скомандовал Бишоп, когда они выбрались из дома.

В полной темноте и тишине они шагали вверх по Виа Венето. Было часа два, может, три – Сэмюэл не знал. Глухой ночью всегда царит небывалое спокойствие: ни звука, ни ветерка, и кажется, будто погоды вообще не существует. Лишь изредка шелкали дождевалки на газонах да глухо бурлила горячая ванна во дворе директора школы. Механические, автоматические звуки. Бишоп шагал уверенно, даже дерзко, не так, как обычно, когда они играли в войнушку и он прятался за деревьями или шмыгал в кусты. Сейчас он шел, не скрываясь, прямо посередине дороги.

– На, держи, – он протянул Сэмюэлу синие резиновые перчатки, в каких обычно копаются в земле. Они оказались велики: наверно, Бишоп взял их у мамы. Перчатки доходили Сэмюэлу до локтей и были сантиметра на два длиннее пальцев.

– Сюда, – Бишоп повел их на лужайку у дома директора школы, где за пышным плотным газоном начинался лес.

Там стоял металлический столбик, примерно с них высотой, на котором лежал гладкий кусок белой соли с коричневыми пятнами. Сверху соль держал медный круг. Бишоп взялся за него и попытался открутить.

– Помоги, – попросил он Сэмюэла.

Они вдвоем налегли на круг, и тот подался. Сэмюэл задышался от натуги; от столба пахло диким зверем, и к этому запаху примешивался противный серный душок, как от тухлых яиц. Так пахла соль. Вблизи Сэмюэл разглядел табличку, прикрепленную к середине столба: “Осторожно, яд. Не трогать”.

– Это от него оленидохнут? – спросил он.

– Берись с той стороны.

Они сняли со столба кусок соли, оказавшийся на удивление тяжелым и плотным, и потащили к дому директора.

– Не нравится мне все это, – признался Сэмюэл.

– Мы почти пришли.

Они шагали медленно, поддерживая с двух сторон серую глыбу, обогнули бассейн и поднялись на две ступеньки к горячей ванне. Вода медленно бурлила, над ней поднимался пар, а на дне ванны светился синий огонек.

– Бросай, – Бишоп кивнул на ванну.

– Не хочу.

– На счет три, – велел Бишоп, и они, два раза качнув кусок соли туда-сюда, на третий бросили ее в ванну.

Глыба с плеском рухнула в воду и глухо шлепнулась на дно.

– Вот и отлично, – сказал Бишоп. Они смотрели на лежавшую на дне ванны глыбу; мерцавшая вода искажала ее вид. – К утру растворится, – продолжал он. – И никто ничего не узнает.

– Я домой хочу, – подал голос Сэмюэл.

– Пошли, – Бишоп взял друга за руку, и они направились прочь.

Когда они дошли до дома, Бишоп открыл окно кинозала и замер.

– Хочешь, скажу, что случилось в кабинете директора? – спросил он. – Почему меня не выпороли?

Сэмюэл едва сдерживал слезы и вытирал сопли рукавом пижамы.

– А все очень просто, – продолжал Бишоп. – Ты пойми главное: каждый чего-то боится. Узнаешь, чего человек боится больше всего, и делай с ним что угодно.

– И что же ты сделал?

– Он взял палку. Велел мне наклониться над столом. Ну и я снял штаны.

– Что?

– Расстегнул ремень, спустил штаны и трусы. Повернулся к нему голый жопой и спрашиваю: “Вы этого хотите?”

Сэмюэл уставился на Бишоп.

– Зачем ты это сделал?

– Я спросил его, нравится ли ему моя жопа и не хочет ли он ее потрогать.

– Все равно не понимаю, зачем ты это сделал.

– Смотрю, а он аж сам не свой.

– Ого.

– Смотрел-смотрел на меня, потом велел одеться и отвел

в класс. Вот и все. Проще простого!

– И как тебе только это в голову пришло?

– Ладно, – ушел от ответа Бишоп. – Спасибо, что помог.

Он залез в окно, Сэмюэл за ним. Прокрался по темному дому в гостевую спальню, лег в постель, потом встал, пошел в ванную и вымыл руки – три, четыре, пять раз. И непонятно было, то ли яд жжет пальцы, то ли это ему только кажется.

9

В почтовый ящик бросили приглашение в кремовом квадратном конверте из плотной бумаги.

– Что это? – спросила Фэй. – Тебя зовут на день рождения?

Сэмюэл перевел взгляд с конверта на мать.

– На вечеринку с пиццей? – не унималась та. – На роллер-дром?

– Ну хватит.

– От кого оно?

– Не знаю.

– Ну так открой.

В конверте лежала дорогая открытка. Она блестела, словно в бумаге были капельки серебра. Буквы казались позолоченными. Изящным курсивом с завитушками были выведены слова:

Приглашаем вас на вечер в церковь Академии Святого сердца

Бетани Фолл исполнит Первый скрипичный концерт Бруха

Сэмюэла еще никуда не приглашали так торжественно. Приглашения на дни рождения одноклассников были самыми заурядными: сляпанные кое-как дешевые тонкие открытки с животными или воздушными шариками. Это же приглашение было весомым даже на ощупь. Сэмюэл протянул его матери.

– Пойдем? – спросил он.

Мама прочитала открытку и нахмурилась.

– А кто такая Бетани?

– Моя подруга.

– Из школы?

– Типа того.

– Значит, близкая подруга, раз тебя пригласили на концерт?

– Пойдем? Ну пожалуйста!

– Разве тебе нравится классика?

– Да.

– И с каких это пор?

– Не знаю.

– Это не ответ.

– Ну мам.

– Скрипичный концерт Бруха? Ты хотя бы знаешь, что это

такое?

– Мааам!

– Да я просто говорю. Ты уверен, что тебе это понравится?

– Пьеса очень сложная, она ее несколько месяцев репетировала.

– А ты откуда знаешь?

Сэмюэл с досады зарычал: до того ему не хотелось обсуждать Бетани.

– Ну ладно, – улыбнулась мама. – Пойдем.

Вечером в день концерта она велела ему одеться получше.

– Представь, что сегодня Пасха, – добавила она.

Сэмюэл надел самые нарядные вещи, которые нашел в шкафу: жесткую колючую белую рубашку, черный галстук-бабочку, тугой, как удавка, черные брюки, которые, когда Сэмюэл шевелился, потрескивали от статического электричества, и блестящие туфли, такие тесные, что пришлось воспользоваться рожком для обуви, и такие жесткие, что сразу же натерли ему пятки. И зачем только взрослые по самым торжественным случаям надевают самую неудобную одежду, подумал Сэмюэл.

Когда они приехали в церковь Академии Святого сердца, там уже было полно народу: в сводчатый дверной проем текла вереница мужчин в костюмах и женщин в платьях с цветочными узорами, и даже с парковки было слышно, как разыгрываются музыканты. Церковь копировала знаменитые европейские кафедральные соборы – правда, была

меньше раза в три.

Вдоль центрального прохода тянулись ряды тяжелых скамьей со спинками, украшенных затейливой резьбой; полированное дерево влажно блестело. За скамьями высились каменные колонны, к которым метрах в пяти над головами публики были прикреплены горящие факелы. Родители учеников болтали между собой, мужчины мимолетно и невинно целовали женщин в щеку. Присмотревшись, Сэмюэл понял, что на самом деле мужчины вовсе не целовали женщин, а только делали вид: чмокали воздух где-то возле шеи собеседницы. Наверно, женщинам обидно, подумал Сэмюэл: ждешь, что тебя поцелуют, а целуют воздух.

Сэмюэл с мамой заняли места и открыли программку. Бетани должна была появиться только во втором отделении. В первом предполагались короткие камерные пьесы и сольные номера. Выступление Бетани явно должно было стать гвоздем программы. Коронным номером. Сэмюэл нервно притопывал ногами по мягкому ковру.

Свет погас, музыканты закончили разыгрываться, зрители заняли места, и после долгой паузы уверенно вступили деревянные духовые, а за ними и прочие инструменты подхватили ту же самую ноту и тянули ее. У матери Сэмюэла вдруг перехватило дыхание: она ахнула и схватилась за сердце.

– Совсем как я когда-то, – прошептала она.

– Что?

– Я тоже играла на гобое, вступала первой, а остальные

подхватывали.

– Ты играла в оркестре? Когда?

– Тс-с.

Вот вам, пожалуйста, еще один секрет. Мамино прошлое было для Сэмюэла окутано густым туманом: все, что происходило в ее жизни до его рождения, казалось загадкой. На все вопросы мама лишь пожимала плечами либо отделялась общими фразами: “Ты еще маленький” или “Тебе не понять”. Или: “Подрастешь – расскажу” (эта последняя больше всех бесила Сэмюэла). Но все тайное рано или поздно становится явным. Значит, его мама когда-то была музыкантом. Сэмюэл добавил этот факт в общий список фактов о маме, который вел в уме. Значит, мама музыкант. А кто еще? Чего еще он о ней не знает? У нее же миллион секретов. Сэмюэл всегда чувствовал, что мама чего-то недоговаривает, что за ее невниманием кроется что-то важное. Ему часто казалось, что она как будто где-то не здесь: слушает краем уха, а мыслями далеко.

Самый главный мамин секрет раскрылся гораздо раньше: Сэмюэл тогда был еще мал и забрасывал родителей дурацкими вопросами. (“А вы когда-нибудь забирались в вулкан? А ангела видели?”) А может, потому что по наивности еще верил в сказки. (“А люди могут дышать под водой? А все олени летают?”) Или же ему просто хотелось, чтобы на него обратили внимание и похвалили. (“А ты меня очень любишь? Правда я самый лучший ребенок на свете?”) Или же уточнял

свое место в мире. (“Ты всегда будешь моей мамой? А ты была замужем до того, как вы с папой поженились?”) И вот когда он задал этот последний вопрос, мама выпрямилась, бросила на него серьезный взгляд с высоты своего роста и пробормотала: “Ну вообще-то...”

Но так и не договорила. Сэмюэл ждал, но мама замолчала, задумалась о чем-то, и лицо ее приобрело холодное и отстраненное выражение.

– Так что вообще-то? – спросил Сэмюэл.

– Ничего, – ответила мама. – Просто.

– Так ты уже была замужем?

– Нет.

– А что ты тогда хотела сказать?

– Ничего.

Тогда Сэмюэл решил спросить у отца.

– А мама была когда-нибудь замужем за другим?

– Что?

– Ну я подумал, вдруг у нее когда-то был другой муж.

– Нет, не было. Ничего себе мысли! И как тебе такое в голову пришло?

Но что-то с ней случилось, в этом Сэмюэл не сомневался. Что-то серьезное, если даже сейчас, столько лет спустя, мама об этом думает. Иногда на нее что-то накатывало, и она замыкалась в себе.

Концерт меж тем шел своим чередом. Старшеклассники и старшеклассницы исполняли программные произведения,

которые может сыграть любой учащийся выпускного класса музыкальной школы: короткие пьесы на пять-десять минут. После каждой раздавались громкие аплодисменты. Приятная легкая тональная музыка, в основном Моцарт.

Затем начался антракт. Зрители встали и разбрелись кто куда: на улицу покурить, к столу с закусками – за сыром.

– И долго ты играла в оркестре? – спросил Сэмюэл.

Мама изучала программку и притворилась, будто не услышала.

– Сколько же лет твоей подруге?

– Как мне, – ответил Сэмюэл. – Она тоже в шестом классе.

– И выступает со старшеклассниками?

Сэмюэл кивнул.

– Она здорово играет.

Его охватила гордость, словно любовь к Бетани придавала ему важности. Словно его награждали за ее достижения. Ему никогда не стать гениальным музыкантом, но его может любить гениальная музыкантша. Таковы прелести любви, подумал Сэмюэл: успех Бетани – это, как ни странно, и его успех.

– Папа тоже молодец, – добавил он.

Мама бросила на Сэмюэла удивленный взгляд.

– Это ты к чему?

– Просто так. Я про работу. Он тоже мастер своего дела.

– Не понимаю, к чему ты клонишь.

– Да ни к чему. Папа – профессионал.

Мама озадаченно уставилась на него.

– А ты знаешь, – она опустила взгляд в программку, – что автор этого произведения не получил за него ни гроша?

– Какого произведения?

– Которое будет играть твоя подруга. Его автор, Макс Брух, не заработал на нем ни цента.

– Почему?

– Его обманули. Дело было в Первую мировую, он разорился и вынужден был отдать свою пьесу двум американцам, которые обязались выслать ему денег, но так ничего и не прислали. С тех пор партитура как в воду канула и через много лет нашлась в коллекции Дж. П. Моргана.

– А кто это?

– Банкир. Промышленник. Финансист.

– Богатый, значит.

– Да. Он давно умер.

– Он любил музыку?

– Он много что любил и коллекционировал, – ответила мама. – Классика жанра: барон-разбойник богатеет, музыкант умирает в нищете.

– И ничего не в нищете, – возразил Сэмюэл.

– Он разорился. У него даже партитуры не осталось.

– Зато он ее запомнил.

– Ну и что?

– Ну как что. Она осталась у него в памяти. Не так уж это и мало.

– Я бы предпочла деньги.

– Почему?

– Потому что, когда у тебя не осталось ничего, кроме воспоминаний, – пояснила мама, – ты думаешь только о том, чего лишился.

– Неправда.

– Ты еще маленький. Вырастешь – поймешь.

Свет снова потух, зрители расселись по местам, разговоры стихли, и воцарилась такая тишина и темнота, что казалось, будто церковь сжалась до пределов пустого круга света от прожектора перед алтарем.

– Сейчас начнется, – шепнула мать.

Зрители ждали. Время тянулось мучительно медленно. Пять, десять секунд. Сколько можно! Неужели Бетани забыли сообщить, что ей пора выступать? А может, она забыла дома скрипку? Но тут наконец хлопнула дверь, слышались тихие шаги, и в круг света скользнула Бетани.

На ней было обтягивающее зеленое платье, волосы уложены в прическу. Сэмюэл впервые заметил, какая Бетани крохотная, особенно по сравнению со взрослыми и сидевшими позади нее старшеклассниками. Наверно, это был обман зрения, но Бетани показалась Сэмюэлу совсем ребенком, и он испугался за нее. Он места себе не находил от волнения.

Публика вежливо похлопала. Бетани прижала скрипку к подбородку. Выпрямила шею и плечи. И тут вдруг вступил оркестр.

В темноте раздалась глухая барабанная дробь, похожая на

далекие раскаты грома. Сэмюэл почувствовал, как звук отдается у него в груди, в кончиках пальцев. Он весь взмок. У Бетани даже нот нет! Ей придется играть по памяти! А если она что-то забудет? Если ее заклинит от волнения? Его вдруг испугала неотвратимость музыки: барабаны продолжат бить, даже если Бетани позабыла свою партию. Мягко вступили деревянные духовые: никакого пафоса, просто три ноты, каждая следующая ниже предыдущей, повторяются несколько раз. Даже не мелодия, а только подготовка к ней. Словно инструменты возводят храм для звука. Словно эти три ноты – часть неперменного ритуала, предшествовавшего музыке: солистка еще не вступила, но вот-вот заиграет.

Бетани выпрямилась, поставила смычок на струны, и стало ясно: вот оно, сейчас начнется. Она была готова. Зрители ждали. Духовые держали ноту, которая постепенно стихала: как будто тянешь ириску, и она тает и исчезает. Когда эта нота смолкла, когда ее поглотила тьма, прозвучала нота Бетани. Нота крепла, становилась громче, и вот уже в храме не осталось иных звуков, кроме нее.

Сколько одиночества было в этом звуке!

В нем словно бы слились все страдания, что обрушились на человека за долгую жизнь. Мелодия начиналась с низких нот и постепенно поднималась все выше и выше, потихоньку, шажок за шажком, словно танцор, который кружит по сцене, постепенно разгоняясь, вихрем летела вверх, чтобы на самой вершине прокричать о своем безнадежном отчая-

нии. Бетани так взяла эту последнюю ноту, так поднялась к ней, что та прозвучала, как рыдание, словно кто-то расплакался. Давно знакомый звук: Сэмюэл как проваливается в него, медленно его обнимает. И когда ему показалось, что Бетани достигла высшей точки, она взяла еще более высокую ноту, еле слышную, едва касаясь краем смычка тончайшей из струн: из-под пальцев Бетани лился чистейший звук, ясный, величественный, тихий, чуть дрожащий, словно нота живая и пульсирует. Еще жива, но уже умирает: нота постепенно угасла. Казалось, Бетани не стала играть тише, а стремительно удаляется от них, будто ее украли. И куда бы она ни ушла, зрителям туда нет дороги. Словно она была призраком, летящим в царство теней.

Вступил оркестр – мощно, гулко, всем составом, как будто, чтобы ответить крошечной девочке в зеленом платье, им были нужны все ноты, какие только можно извлечь из инструментов.

Концерт прошел как в тумане. Сэмюэл то и дело дивился очередному приему Бетани: как она играла сразу на двух струнах, причем обе звучали в унисон, как ухитрилась держать в памяти столько нот, как порхали ее пальцы. Неужели человеку такое под силу? К середине второй части Сэмюэл осознал, что недостоин ее.

Публика неистовствовала. Зрители вскочили, закричали, захлопали, завалили Бетани такими огромными букетами роз, что она едва не падала под их тяжестью. Бетани держала

цветы обеими руками: ее почти не было видно за ними. Она кланялась и махала зрителям рукой.

– Талантливых людей все любят, – проговорила мама Сэмюэла; она тоже стояла и аплодировала Бетани. – Их существование словно оправдывает нашу ничем не примечательную жизнь. Можно утешаться тем, что мы такими родились.

– Она несколько месяцев репетировала без остановки.

– Папа мне вечно твердил, что я посредственность, – сказала мать. – И, похоже, оказался прав.

Сэмюэл перестал хлопать и посмотрел на мать.

Она закатила глаза и потрепала его по волосам.

– Не слушай меня. Забудь. Пойдешь поздороваться с подругой?

– Нет.

– Почему?

– Ей сейчас не до меня.

Бетани и впрямь была занята: вокруг нее столпились друзья, родственники, поклонники, музыканты, и все они поздравляли ее с успехом.

– Пойди хотя бы скажи, как она замечательно играла, – подтолкнула его мать. – Поблагодари за приглашение. Это же элементарная вежливость.

– Ей сейчас и так куча народу говорит, как она замечательно играла, – ответил Сэмюэл. – Поехали домой?

Мама пожала плечами.

– Ладно. Как хочешь.

Они направились к выходу из церкви, плыли в людском потоке, так что Сэмюэл то и дело касался чьих-то задниц и пиджаков, как вдруг его окликнули. Бетани звала его. Он обернулся и увидел, как она пробирается сквозь толпу, пытаясь его догнать. Наконец Бетани подошла, потянувшись к нему, и Сэмюэл подумал, что должен сделать вид, будто целует ее в щеку, как те взрослые дядьки, но Бетани прошептала ему на ухо:

– Приходи к нам сегодня ночью. Только незаметно.

– Ладно, – ответил он.

Ради того, чтобы почувствовать ее теплое дыхание на щеке, он бы согласился на что угодно.

– Я хочу тебе кое-что показать.

– Что?

– Помнишь, ты мне подарил кассету? Так вот на ней не только тишина. Там еще кое-что.

Бетани отступила в сторону. Она уже не казалась крошечной, как на сцене. Сейчас перед Сэмюэлом стояла обычная Бетани: элегантная, утонченная, умная не по годам, женственная. Она поймала его взгляд и улыбнулась.

– Я хочу, чтобы ты это услышал, – пояснила она и вернулась к родителям и восторженным поклонникам.

Мать с подозрением посмотрела на Сэмюэла, но он, не обращая на это внимания, вышел мимо нее из церкви на темную улицу. Ботинки нещадно жали, и он прихрамывал.

Вечером он лежал в постели, дожидаясь, пока дом затихнет: вот мама гремит на кухне посудой, папа смотрит внизу телевизор, вот наконец скрипнула родительская дверь – значит, мама легла спать. Потом раздался глухой щелчок: папа выключил телевизор. Открыли кран, спустили воду в унитазе. И тишина. Сэмюэл выждал еще минут двадцать, чтобы уж наверняка, открыл дверь комнаты, медленно повернув ручку, чтобы та не щелкнула, прокрался по коридору, обогнув скрипучие половицы, о которых помнил даже в темноте, спустился по лестнице, стараясь шагать по стенке, чтобы ступеньки не скрипели, десять минут открывал входную дверь – по чуть-чуть, останавливаясь после каждого щелчка, – наконец приотворил и выскользнул на улицу.

Очувившись на свободе, он помчался со всех ног к ручью, через рощу, отделявшую их микрорайон от Венецианской деревни. В ночной тишине были слышны лишь его топот и дыхание, и всякий раз, как Сэмюэлу делалось страшно при мысли о том, что его поймают, или в лесу на него нападут дикие звери, маньяки с топором, тролли, привидения, или же его похитят бандиты, – он утешался воспоминанием о теплом и влажном дыхании Бетани на щеке.

Когда он добрался до дома Бетани, свет в ее комнате не горел, и окна были закрыты. Несколько долгих минут Сэмюэл сидел на лужайке неподалеку от дома, обливаясь потом, пытался отдышаться, твердил себе, что родители Бетани наверняка уже легли, а соседи не заметят, как он крадется по

заднему двору, наконец набрался решимости и на цыпочках, тихонько, чтобы никто не услышал, прошмыгнул к окошку Бетани, согнулся под ним и подушечкой указательного пальца стучал в стекло, пока из темноты не выплыло ее лицо.

В полумраке Сэмюэл разглядел лишь фрагменты: крыло ее носа, прядь волос, ключицу, глазницу. Словно вся она состояла из частей, плававших в чернильной тьме. Бетани открыла окно, он перевалился через подоконник, поморщившись от того, что железо впилось ему в грудь, и забрался в дом.

– Тише, – произнес в темноте чей-то чужой голос.

На мгновение Сэмюэл растерялся, но тут же осознал, что это Бишоп. Он сидел в комнате Бетани, и Сэмюэл этому одновременно обрадовался и огорчился, поскольку не знал, что делать, если бы они с Бетани очутились наедине, но все равно ему этого хотелось. Он всем сердцем желал остаться с нею вдвоем.

– Привет, – поздоровался Сэмюэл.

– А мы тут играем, – ответил Бишоп. – Игра называется “слушай тишину, пока не чокнешься от скуки”.

– Заткнись, – оборвала его Бетани.

– Или “засни под треск пленки”.

– И ничего не треск.

– А вот и треск.

– Не только треск, – поправила Бетани. – Там еще кое-что.

– Ну-ну.

Сэмюэл их не видел: темно было хоть глаз выколи. Сквозь мрак проступали смутные очертания. Сэмюэл попытался сориентироваться по памяти: кровать, комод, цветы на стене. Он впервые заметил, что на потолке мерцают звезды. Послышался шелест платья, затем шаги, скрип кровати: наверно, Бетани уселась там же, где, должно быть, расположился Бишоп, рядом с магнитофоном, который частенько слушала перед сном, в одиночестве, снова и снова перематывала и включала один и тот же фрагмент симфонии, – все это Сэмюэл знал, поскольку шпионил за Бетани.

– Иди сюда, – позвала она. – Садись ближе.

Он уселся на кровать и медленно, ощупью, пополз к ним, пока не нашарил что-то холодное и костлявое – чью-то ногу, но чью, было не разглядеть.

– Слушай, – велела Бетани. – Только внимательно.

Щелкнул магнитофон, Бетани откинулась на кровать, так что платье ее собралось складками, наконец треск в пустом начале кассеты закончился, и пошла запись.

– Я же говорил, – подал голос Бишоп. – Ничего там нет.

– Погоди.

Послышался далекий приглушенный звук, как будто где-то в доме повернули кран, и в трубах глухо загудела вода.

– Вот, – сказала Бетани. – Слышал?

Сэмюэл покачал головой, спохватился, что в темноте она не видела его жеста, и произнес:

– Нет.

– Ну вот же, – не унималась Бетани. – Слушай. За звуком. Слушай внимательно.

– Бред какой-то, – заметил Бишоп.

– Не обращай внимания на то, что слышишь, и слушай остальное.

– Что же мне слушать?

– Их, – пояснила Бетани. – Людей, публику, зал. Ты все это услышишь.

Сэмюэл наострил уши, наклонил голову к магнитофону и прищурился (словно это могло помочь), силясь разобрать хоть какие-нибудь человеческие звуки за треском пленки: разговоры, кашель, дыхание.

– Ничего не слышу, – сказал Бишоп.

– Это потому, что ты не пытаешься сосредоточиться.

– Ах вот оно что. Значит, вот в чем дело.

– Сосредоточься.

– Как скажешь. Сейчас попробую сосредоточиться.

Они слушали доносившееся из колонок шипение. Сэмюэл досадовал на себя, поскольку тоже ничего не слышал.

– Ну вот, я полностью сконцентрировался, – подал голос Бишоп.

– Замолчишь ты или нет?

– Мне никогда еще не удавалось настолько сосредоточиться.

– За-мол-чи.

– Сосредоточиться должен ты, – не унимался Бишоп. –

Почувствовать силу обязан ты.

– Если хочешь, уходи. Проваливай.

– Да с радостью, – Бишоп отполз и спрыгнул с кровати. –

А вы слушайте вашу тишину.

Дверь комнаты открылась, закрылась, и Сэмюэл с Бетани остались одни. Наконец-то они были наедине. Сэмюэл окаменел от волнения.

– А теперь слушай, – велела Бетани.

– Ладно.

Он повернулся лицом к источнику шума и наклонился. Треск был не резким, не высоким, а глухим. Точно на пустом стадионе позабыли микрофон: тишина была насыщенной, округлой. Материальной. Как будто кто-то не просто записал пустую комнату, но ухитрился воспроизвести пустоту. Тишина была искусственной. Как будто кто-то ее сотворил.

– Вот они, – прошептала Бетани. – Слушай.

– Люди?

– Они как призраки на кладбище, – пояснила она. – Просто так их не услышать.

– А какие они?

– Они смущены. И встревожены. Им кажется, что их дурачат.

– И ты все это слышишь?

– Ну да. Это плотность звука. Как короткие тугие струны в верхних октавах рояля. Они не вибрируют. Белые клавиши. Вот так звучат эти люди. Словно лед.

Сэмюэл попытался все это расслышать – или хотя бы уловить какой-нибудь высокий гул за треском и шипением пленки.

– А сейчас они звучат уже иначе, – проговорила Бетани. – Слышишь, как все изменилось?

Но, как ни старался, Сэмюэл не слышал ничего, кроме самых обычных звуков: свиста, с которым выходит воздух из пробитого велосипедного колеса, жужжания вентилятора, шума воды из крана за закрытой дверью. Ничего необычного он не слышал. Лишь вспоминал хранившиеся в уме знакомые звуки.

– Вот, – сказала Бетани. – Чувствуешь, звук теплеет? Слышишь? Теплеет, ширится, растет, расцветает. Они начинают понимать.

– Что понимать?

– Что их, может быть, никто не дурачит. Что над ними, может быть, никто не смеется. Что они, может быть, вовсе не посторонние. До них постепенно доходит. Что они – часть целого. И пришли сюда не для того, чтобы слушать музыку. Они и есть музыка. Они и есть то, ради чего пришли. И эта мысль приводит их в восторг. Слышишь?

– Да, – соврал Сэмюэл. – Они счастливы.

– Еще как.

Сэмюэл вдруг поверил, что действительно все это слышит. Сознательный обман чувств, как когда он, лежа ночью в постели, убеждал себя, что по дому бродят воры или приви-

дения, и каждый доносившийся до него звук лишь подкреплял его уверенность в этом. Или когда не было сил идти в школу, он убеждал себя, что болен, и действительно заболел, ему становилось физически плохо, и Сэмюэл изумлялся: как же так, почему его тошнит, если он это все придумал? Вот и сейчас он точно так же что-то слышал. И чем больше он думал об этом, тем теплее становится статический треск, тем больше пропитывался счастьем. Звук нарастал в его голове, раскрывался, сгорал.

Что если и у Бетани так, подумал Сэмюэл. Что если она просто хочет слышать то, чего никто не слышит?

– Теперь слышу, – сказал он. – Надо лишь уловить.

– Да, – согласилась Бетани. – Вот именно.

Он почувствовал, как она сжала его плечо, придвинулась ближе, как под нею задрожал и прогнулся матрас, как тихонько скрипнул каркас кровати, когда она повернулась и наткнулась на него. Бетани была так близко, что Сэмюэл слышал ее дыхание, запах ее зубной пасты. Но самое главное – он чувствовал, что она рядом: казалось, Бетани вытесняла собой воздух, ее как будто окружало силовое поле, отчего ее близость сразу ощущалась, к ней тянуло, словно магнитом, сердце ее бешено колотилось, она приближалась к Сэмюэлу как космический образ, как карта, которую он мысленно нарисовал, как предчувствие, и наконец обрела плоть: лицо ее оказалось так близко, что можно было различить черты.

Сэмюэл догадался, что сейчас они поцелуются.

Или, точнее, она его поцелует. *Сейчас это случится.* И ему нужно лишь постараться ничего не испортить. Но в этот миг, в эти несколько секунд между осознанием, что Бетани его сейчас поцелует, и самим поцелуем, можно было много чего испортить. Сэмюэл почувствовал, как сдавило горло, и ему нестерпимо захотелось откашляться. И почесать то место, где шея переходит в плечо: у него там всегда зудело, когда он нервничал. А еще нельзя было тянуться к Бетани, поскольку Сэмюэл боялся, что в темноте они стукнутся зубами. Он так этого испугался, что даже отстранился и тут же запаниковал: вдруг Бетани подумает, что он специально от нее отодвинулся, потому что не хочет с нею целоваться, и не поцелует его? И как быть с дыханием? Дышать или нет? Сперва он решил задержать дыхание, но потом понял, что если Бетани будет придвигаться к нему очень медленно или они будут долго целоваться, у него закончится воздух и придется прервать поцелуй, чтобы отдышаться, а значит, шумно выдохнуть ей в рот или в лицо. Все эти мысли вихрем пронеслись у Сэмюэла в голове перед поцелуем. Тело вдруг стало чужим, так что привычные, элементарные, машинальные действия – выпрямиться, замереть, дышать – казались ужасно сложными, и когда Бетани наконец-то его поцеловала, Сэмюэл воспринял это как чудо.

Сильнее всего во время поцелуя Сэмюэл чувствовал облегчение: они все-таки поцеловались. А еще изумление от того, что губы у Бетани оказались сухими и обветренными.

Надо же, кто бы мог подумать. У Бетани обветренные губы. В воображении Сэмюэла она всегда была выше дурацких земных забот. У таких девочек, как она, губы никогда не трескались.

Возвращаясь в ту ночь домой, Сэмюэл дивился, что все вокруг выглядело как прежде, при том что мир изменился полностью и навсегда.

10

Первым его произведением стал рассказ в духе книг из серии “Выбери приключение”. Сэмюэл назвал его “Замок, из которого нет возврата”. На двенадцати страницах. Иллюстрации он тоже сделал сам. Завязка: ты храбрый рыцарь, который очутился в заколдованном замке, чтобы спасти прекрасную принцессу. Да, банально. Наверняка он что-то такое читал в одной из множества книг “Выбери приключение”, которые стояли на полках у него в комнате. Он пытался выдумать что-то получше, пооригинальнее. Сидел по-турецки на полу, таращился на книги и в конце концов решил, что в них заключен весь спектр человеческих возможностей, все существующие сюжеты. Других просто нету. Все, что приходило ему в голову, было либо вторичным, либо глупым. А его книга не могла быть глупой. Ставки слишком высоки. Все ученики их класса должны были написать сочинение на конкурс, а рассказ победителя учительница прочитает перед

всеми.

Что ж, значит, “Замок, из которого нет возврата” будет банальным. Пусть так. Быть может, его одноклассники еще не устали от избитых литературных приемов, и знакомый сюжет их порадует, как радуют старые одеяла и игрушки, которые они иногда приносили в школу.

Теперь нужно было придумать фабулу. В книгах “Выбери приключение” события развивались последовательно: нужно выбрать что-то одно, потом еще и еще, так что в конце концов несколько разных историй сливались в единый сюжет. Но первый его черновик “Замка” больше напоминал одну историю с шестью короткими тупиковыми окончаниями, причем читателю не надо было мучительно выбирать, пойти направо или налево, потому что если пойдешь налево, то не сносить тебе головы.

Сэмюэл надеялся, что одноклассники простят ему эти недостатки – банальную завязку, отсутствие многоплановой структуры, – если он сумеет оригинально, творчески, увлекательно убить персонажей. И это ему удалось. Оказалось, что к этому у него талант. В одном из альтернативных окончаний, с ловушкой и бездонной ямой, Сэмюэл написал: “Ты падаешь и будешь падать вечно, даже когда закроешь книгу, поужинаешь, ляжешь спать и проснешься утром, – все равно будешь падать”. Ему ужасно нравилась эта фраза. Он вставил в книгу мамины истории о привидениях, все эти старинные норвежские легенды, от которых кровь стынет в жилах. На-

писал о белой лошади, которая появляется откуда ни возьмись и предлагает тебя покатать, и если читатель взбирается ей на спину, его ждет скорая и страшная гибель. В другом варианте окончания читатель становился призраком, заключенным в листок на дереве: рая недостойн, а для ада слишком хорош.

Сэмюэл отпечатал рассказ на маминой старой машинке, оставив место для иллюстраций, которые нарисовал ручкой и цветными карандашами. Сделал обложку из картона, обтянул синей тканью и по линейке, чтобы строчка была ровненькой, написал на лицевой стороне: “Замок, из которого нет возврата”.

И то ли рисунки, то ли великолепный синий переплет, то ли сам рассказ (почему бы и нет, кстати?), небанальные смерти и авторская манера, то ли слово “пролегомен”, которое Сэмюэл написал вместо “пролога” (он раскопал его в словаре и пришел в восторг), – словом, неизвестно, что именно так потрясло мисс Боулз, но она была потрясена. Он победил. “Замок, из которого нет возврата” прочитали перед всем классом, и Сэмюэл чуть не лопнул от гордости.

Это был его звездный час.

Так что, когда однажды утром мама зашла к нему в комнату, разбудила его и спросила ни с того ни с сего: “Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?”, Сэмюэл, лучась от гордости за литературную победу, уверенно ответил: “Писателем”.

За окном синели утренние сумерки. У Сэмюэла слипались

глаза, и он все видел как в тумане.

– Писателем? – улыбнулась мама.

Он кивнул. Да, писателем. Он решил это ночью, снова и снова переживая свой триумф. Как орали от радости одноклассники, когда принцесса была спасена! Как они были ему благодарны, как любили его. Наблюдая за тем, как они следуют за развитием сюжета – удивляются в тех местах, где Сэмюэл хотел, чтобы они удивились, и обманываются там, где он думал их обмануть, – он чувствовал себя богом, который знает все ответы на главные вопросы и смотрит с небес на пребывающих в неведении смертных. Это ощущение станет его опорой, его сутью. Если он будет писателем, все его полюбят.

– Ну что ж, – ответила мама. – Писателем так писателем.

– Ага, – спросонья буркнул Сэмюэл; он пока не осознал, до чего все это странно: мама, полностью одетая, с чемоданом в руке, пришла к нему на рассвете и спрашивает о планах на будущее, которыми сроду не интересовалась. Сэмюэл воспринял все это как должное: так воспринимаешь странный сон, который становится понятным лишь когда проснешься.

– Ты пиши, – продолжала мама. – Я обязательно прочту.

– Ладно.

Ему хотелось показать ей “Замок, из которого нет возврата”, показать белого коня, которого он нарисовал, прочитать ей о бездонной яме.

– Я тебе хотела кое-что сказать, – произнесла мама так равнодушно, словно много раз репетировала эту фразу. – Я ненадолго уеду. Пока меня не будет, води себя хорошо.

– А ты куда?

– Мне нужно кое-кого найти, – пояснила она. – Старого знакомого.

– Друга?

– Можно и так сказать, – мама приложила холодную ладонь к его щеке. – Не волнуйся. Все будет хорошо. Никогда ничего не бойся. Вот и все, что я хотела тебе сказать. Не бойся. Обещаешь?

– Твой друг пропал?

– Не совсем. Мы просто давно не виделись.

– А почему?

– Иногда... – начала мама, но осеклась, отвернулась и скривилась.

– Мам, – позвал Сэмюэл.

– Иногда мы выбираем не тот путь, – наконец произнесла она. – И оказываемся бог знает где.

Сэмюэл расплакался. Он и сам не знал, почему плачет. Он пытался сдержать слезы.

Мама обняла его, сказала: “Какой ты у меня ранимый”, принялась его укачивать. Сэмюэл, всхлипывая, уткнулся лицом в ее нежную кожу. Наконец успокоился и вытер нос.

– Почему ты уезжаешь именно сейчас? – спросил он.

– Потому что мне пора, солнышко.

– Но почему?

– Даже не знаю, как тебе объяснить, – мама в отчаянии устала висеть на потолок, потом собралась с духом и проговорила: – Я рассказывала тебе про привидение, похожее на камень?

– Нет.

– Мне отец рассказывал. Якобы на его родине на берегу моря можно было найти такой камень, с виду обычный, поросший зеленым мхом.

– А как понять, что это привидение?

– Никак, пока в море не выйдешь. Чем дальше отплываешь от берега, тем тяжелее становится камень. И если забраться совсем далеко, призрак становится таким тяжелым, что может потопить корабль. Его так и прозвали – “камень-утопитель”.

– Зачем он топит корабли?

– Кто же знает. Может, он на что-то очень зол. Может, с ним приключилась беда. И вот он становится таким огромным, что выдержать невозможно. И чем дольше пытаешься его тащить, тем больше и тяжелее он становится. Иногда привидение забирается в человека, растет у него внутри, захватывает его целиком, лишает возможности сопротивляться. И человек тонет. – Мама встала. – Понимаешь?

– Вроде да, – кивнул Сэмюэл.

– Поймешь, – обнадежила его мама. – Непременно поймешь. Помни о том, что я тебе сказала.

– Ничего не бояться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.